литературный альманах
ЛИКБЕЗ
издается с 1989 г. www.lik-bez.ru

№ 17 ФЕВРАЛЬ 2011

ПОЭЗИЯ 2
Наталья НИКОЛЕНКОВА ► **ОСЕННЯЯ КРОВЬ** (подборка стихов) 3
Дмитрий МУХАЧЕВ ► **ЛОЖНОЕ СОЛНЦЕ** (подборка стихов) 13
Екатерина ВИХРЕВА ► **ТВОЁ ВАТЕРЛО** (подборка стихов) 17
Владимир ТОКМАКОВ ► **ОСКОЛКИ РАЗБИВШЕГОСЯ ЗЕРКАЛА** (подборка стихов) 21
Виктор ВЕДЯШКИН ► **КОСА НА КАМЕНЬ** (подборка стихов) 57
Лилия СЕРЕДИНСКАЯ ► **МЕССЕДЖ В НИКУДА** (подборка стихов) 62
Ксения ПОДМАРЬКОВА ► **НЕТ МЕНЯ БОЛЬШЕ** (подборка стихов) 67
Василий СЫРОЕЖКИН ► **САЛЬМОНЕЛЛА** (подборка стихов) 74
Алексей БОРОВЕЦ ► **ЛЮБОВЬ – ЖИВЫМ, НЕНАВИСТЬ – МЁРТВЫМ** (подборка стихов) 106
Елена ВАГНЕР ► **СЕДЬМОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЛЮБВИ** (подборка стихов) 109
Александра ВАЙС ► **УМЕТЬ ЛЮБИТЬ** (подборка стихов) 112
Елена ГЕШЕЛИНА ► **ЧУТЬ БОЛЬНЕЙ** (подборка стихов) 118
Александр РОМАНЦОВ ► **SIC TRANSIT** (подборка стихов) 122
НАШИ ИСТОКИ 28
Лев Николаевич ТОЛСТОЙ ► **ВОЙНА И МИР** (Том 1. Часть 1. Глава IV) 28
ГВОЗДЬ НОМЕРА 29
Нина САДУР ► **ОФЕНИ УШЛИ** (пьеса) 29
ПРОЗА 84
Александра ВАЙС ► **НЕБА НЕ БУДЕТ** (рассказ) 84
Павел ФИЛИППОВ ► **CAPTAIN JOHN** (рассказ) 86
Павел ФИЛИППОВ ► **YA-NIA** (рассказ) 91
Руслан ДОЛЖЕНКО ► **В ДОРОГЕ** (рассказ) 93
Михаил ГУНДАРИН ► **ГОВОРИТ ГАЛИЛЕЙ** (главы из романа) 99
НАШ НЕКРОПОЛЬ 126
Владимир ТОКМАКОВ ► **ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОЭТА** (памяти В.М.Башунова) 126
ДЛЯ УМНЫХ 130
Вячеслав КОРНЕВ ► **ВОЗРАСТ** (статья из «Энциклопедии современной жизни) 130
Вячеслав КОРНЕВ ► **ФОТОГРАФИЯ** (статья из «Энциклопедии современной жизни) 132
Иван КУДРЯШОВ ► **ДЕНЬГИ** (статья для «Энциклопедии современной жизни) 135
Иван КУДРЯШОВ ► **ПЛАКАТ** (статья для «Энциклопедии современной жизни) 137
Иван КУДРЯШОВ ► **ДОМ** (статья для «Энциклопедии современной жизни) 142
ОТДЕЛ КУЛЬТУРЫ-МУЛЬТУРЫ 148
Артур ВАФИН ► **ЧТО ТАКОЕ ВЛАСТЬ** (сказка) 149
Юлия КОРОЛЁВА ► **БОГЕМНЫЕ БУДНИ** (подборка стихов) 150
Ихтиандр ОБМОКНИ ► **ВОПРОСЫ КЛАССИКАМ** (стих) 152
Константин ГРИШИН ► **РАССКАЗЫ ОБ ОБЫКНОВЕННОМ** 153
Владимир ТОКМАКОВ ► **ЗАПИСКИ ИНДИВИДУАЛИСТА** (заметки, часть 2) 158
Илья КРИШТУЛ ► **SAMOVAR** (юмористические рассказы) 165
Консервант ПОРОГОВ ► **«МУРАВЕЙНИК» ДЕСЯТОВА**
(опыт комментированного прочтения) 169
Вячеслав ДЕСЯТОВ ► **МУРАВЕЙНИК** (рассказ) 170
НАШИ АВТОРЫ 181

ПОЭЗИЯ

СМЕРТЬ - ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО!

Нынешняя подборка стихов в Ликбезе, как обычно, разнообразно, но со столь же отрадной традиционностью посвящена одной, по сути, теме. Это – торжество жизни над смертью в разных вариациях этого процесса. Тут и излюбленные молодежью и главным редактором тов. В.В.Корневым зомби-мотивы. И здесь рифмуется молодость и опыт, которые, правда¸ в данной перспективе изначально малоразличимы:

мертвая девушка из костромы
утепляет гроб в ожиданье зимы
борется с не проходящим чувством вины (Д.Мухачев)

Оближите мне губы,
Подымите мне веки.
Я - пятно акварели
В вашей пинакотеке.
Заторможено тело,
Но ускорены бесы.
Покажите мне пальцы
Этой мёртвой принцессы (Н.Николенкова)

где-то слева ревели трубы
фрагментарные трупы…
на том свете собирают урожай! (К.Подмарькова)

Я увидел себя в земле
С желтой пастью, зубами – саблями
Я лежал, не шевелясь и рассчитывал
Выбраться (В.Сыроежкин)

И наивная, но так украшающая в наш век истинного поэта вера в преодоление такой условности как гибель всерьез такой безусловностью как любовь.
Она, любовь делает смерть такой же несмертельной (хотя и обидной) как окончание зимних праздников

Протяни руку в воздухе мне
Я все равно уже не боюсь
Ни мертвых, ни осколков каждого нового года на вате (Е.Вихрева)

Или тем, чего можно напугаться (либо быть напуганным возлюбленной), но тоже невсерьез, как в кино или театре)

А ты будешь молчать и умрешь у меня на руках,
Но это лучше, чем в ногах какого-нибудь подонка.
Есть многое, чего я боюсь, но настоящий страх –
Твоя глупая смерть, пустота и ангелы, стоящие в сторонке… (В.Токмаков)

Ну и, конечно, испытанием, которое должен пройти тот, кто желает автора заполучить для каких-либо целей

Приди и танцуй со мной
Любишь меня?
Умрешь ради меня?
Сможешь, как я? (Л.Серединская).

Подруга некрофила.
Она опять спалилась,
Когда пошевелилась
В его объятьях нежных,
Как дыма облака (А.Боровец)

Ну и, наконец, видим мы в ликбезовских стихах торжество творчества (своего в том числе) над всем - на этом и том свете.

С благодарностью, грустью, нежностью,
С осознанием быстротечности,
С пониманием неизбежности
Я сквозь Вас прикасаюсь к вечности (Е.Вагнер)

С другой стороны, тут уверенность, в том, что креативную силу лирического героя фиг остановишь.

Чем же поутру занят ты?
Может, точишь свой ржавый нож?
Ты поймай меня, им убей! (В.Ведяшкин)

В смысле, бесполезно, ибо реинкарнация неизбежна как победа коммунизма!

это небо – обитель героев и дураков,
подожди, ты еще успеешь родиться вновь –
такой Оскар Шелл,
а в будущем – Холден Колфилд (Е.Гешелина).

И в итоге

Жив, курилка? Все нормально!
Руки полные синиц.
Помню женские названья,
Но почти не помню лиц (А.Романцов).

И только Александра Вайс дает читателям заряд оптимизма и абсолютной самодостаточности здешнего существования:

Мне ужасно хочется неуспеть
И с ушами зарыться в сибирский холод.
Точно так же, как жизнь порождает смерть,
Смерть сама по себе исключает повод.

Впрочем, если судить по стихам нынешней поэзоподборки, смерть может быть отличным поводом для стихов обо всем на свете! И это самое главное – хорошие стихи, а откуда они выросли, нам и дела нет!

МГ

Наталья НИКОЛЕНКОВА ►

▼ **ОСЕННЯЯ КРОВЬ** (подборка стихов)

МАНТРА

Кто не любил - тот не разлюбит.
Солдат ребёнка не обидит.
Меня любовник не забудет.
Других любовник не увидит.

Ты - мой, везде и постоянно.
Дороги все ведут до Рима.
Я магнетически желанна,
Магически неотразима.

• • • • •

Нарисовал на сердце пентаграмму
Какой-то ангел сердца моего.
А сердце - не резиновое, мама,
И больше не вмещает ничего.
Ни шагу в сторону, в постель не лягу!
Скрипи, перо, переводи бумагу!

• • • • •

Косяки ночных акул -
Плотоядные такси.
Это только Бар на ул.,
Прочерк в сводках ВВС.

Это тёплый полумрак,
Нежный привкус c'est la vie.
Знаешь, я не помню, как
Объясняются в любви.

До утра закрыт музей.
Сигареток огоньки.
Припозднилась у друзей -
И кусаю локотки.

Я беру свободный курс,
Словно нищий на пиру.
Знаешь, я забыла вкус
Поцелуев на ветру.

Мальчик у стены журчит,
Извиняется, хмельной.
...Словно ангел, подлетит
Мой ночной 48-й.

• • • • •

Не кормите меня трамадолом,
Не склоняйте к развратному сну!
Я иду, подметая подолом
Свою маленькую страну.

Не глядите благоговейно,
Как бездельник на работяг!
Мне довольно глотка глинтвейна,
А потом - покурить невзатяг.

Глядя прямо в глаза, Витюша:
Почему я такая овца?
Почему апельсины из плюша?
Почему из ваты сердца?

• • • • •

Мы курим, мы целуемся, мы сошли с ума.
Какая-то убийственно холодная зима.
Играй, играй, рассказывай, тальяночка, сама
О том, что черви - козыри, Сибирь - тюрьма.

СВИДАНИЕ

Моя нервная дрожь начинается в полшестого.
Я - влюблённый маньяк, у меня потемнели глаза.
Как Наташа, глупа и в пальто, как Наташа Ростова,
Углубляюсь в дремучие мысли, шагаю в леса.

Перепуталось всё под шляпкой из серого фетра.
Ослепительный март открывает изнанку свою.
И меня так несёт, при полном отсутствии ветра,
Что, боюсь, занесёт. А, впрочем, уже не боюсь.

Мы, конечно же, пьём что-то острое и ледяное.
В облаках голова, из неё улетели слова.
И охранница тётенька заподозрит дурное,
Неприличное что-то. И, в общем-то, будет права.

• • • • •

В твоём тепле, живом и человеческом,
В любимом запахе и в голосе родном -
Вот где оно, моё прекрасное отечество,
Мой город, обойдённый босиком.

Здесь люди курят травы запрещённые
И пишут сумасшедшие стихи.
Влюблённые, любимые, крещёные,
Волшебные, как ты. Люблю таких.

• • • • •

Кеды - вдрызг, но душа - вразлёт,
Развернулась, зараза, как степь.
Если это чувство пройдёт,
Значит, я - не из тех.

Я пройду миллионы миль
В направленье небесных тел.
Если шторм превратится в штиль,
Значит, ты - не из тех.

Преступление? Западня?
Чёрный текст на белом листе?
Если бросите камень в меня,
Значит, вы - не из тех.

Не завянет горячий цветок,
Роза жёлтая в декольте.
Если это сделал не Бог,
Значит, Бог - не из тех.

• • • • •

Влюбиться как попало, умереть,
Потом начать сначала эту муть...
Я знаю смерть. И мне плевать на смерть.
Она - не ровня взгляду твоему.

• • • • •

Мне нравятся вечерние бульвары,
Тугие толпы маленьких людей,
Дожди, не потушившие пожары
Простых эмоций и смешных идей,
Резной листок, упавший навзничь с дуба,
Кровавый росчерк после комара,
Живот и плечи, волосы и губы,
И прочая волшебная мура.

• • • • •

Вкусно пахнет от хлебозавода.
Поддаёт листопад огоньку.
Не буди во мне жалость, природа,
Ни к предателю, ни к дураку!

Выбегая из универмага,
Не грущу, не сержусь, не прошу.
- Он меня не разлюбит, бедняга! -
Я безжалостно произношу.

• • • • •

А счастья - много: универ,
Пустой перед последней парой,
Когда потом выходишь в сквер,
Бренча полупустою тарой,
Когда в автобусе трещишь
С подругой, словно гимназистка,
И этот шум, и эта тишь,
И звёзды, высоко и низко.

НОСТАЛЬГИЯ ПО ЛЕТУ
(КРАСИЛОВО)

1

Я хочу поехать с Корневым в Красилово,
Сочинить философическую сказку,
Душу, в общем-то, и так красивую,
Звёздами засыпать под завязку.
Надышаться запахами родины,
Изучая местную ботанику,
И лежать с Алёной Воеводиной
В озере, в тепле перинатальном.
С глупыми печалями расстаться
Возле режиссёров незнакомых,
По ночам палить костры и репутации
И шарахаться от крупных насекомых.
Вылететь пичугой оголтелой
Из зоологического атласа,
Чтобы всё прожечь, что не сгорело,
До последнего мгновенья августа.

2

В раю мы будем в мяч играть.
В.Набоков

Мотыльки под фонарём.
На костре кипит манага.
Мы, конечно же, умрём
На развалинах Рейхстага -
От обиды, от любви,
От ножа или укола.
Но сейчас - отбей, лови
Синяки от волейбола!
Подавай кручёный мяч -
Пусть попрыгают, макаки!
Впереди - лихой палач,
Нега танковой атаки,
Впереди - снега, дожди,
Пир во время канонады.
Но сейчас мы победим
Рейха подлую команду!

3

Травинкой ящерицу гладить
И зайца жирного спугнуть,
Писать граффити над кроватью,
Что надо делать что-нибудь,
Упасть в траву под звездопадом,
Расстреливающим в упор,
И безыскусностью нарядов
Смягчить искусный разговор,
В лицо костра глядеть ночами,
На пляже прожигая дни,
Понять среди людей случайных,
Что не случайные они,
Сто двадцать чашек чаю выпить
И ногу ножкой называть.
Иосиф, проданный в Египет,
Не мог сильнее тосковать.

СВОБОДА

Выбрасывай, на хрен, обмылки,
Они тебе не пригодятся.
И вытряхни всё из копилки,
Все мелкие планы богатства.

Свобода на уровне бреда,
Свобода на уровне мыла.
Такая смешная победа.
И как это всё-таки мило.

• • • • •

Плохо тонуть в самолёте.
Надо тонуть налегке.
Может, тогда вы поймёте
Что-то о смертной тоске.

Сгинут стихи проходные,
Да и любые стихи.
Ах, вы мои неродные,
Как вы милы и сухи!

Тонко чертил карандашик -
Трудно рисунок стирать.
Мне уже год как не страшно
В собственной ванне лежать.

• • • • •

Просто видеть тебя. Не потрогать, не разгадать,
Не сграбастать навеки по праву высоких чувств.
Просто видеть тебя. И трогать, и обладать,
И во рту держать, как сливочный чупа-чупс.

• • • • •

Оближите мне губы,
Подымите мне веки.
Я - пятно акварели
В вашей пинакотеке.
Заторможено тело,
Но ускорены бесы.
Покажите мне пальцы
Этой мёртвой принцессы.
Не звезда надо мною,
А земля подо мною.
Холодеет живое,
Оживает иное.
Я - души невесомость,
Я - сушняк наркомана,
Астраханская область,
Пыль, холера, нирвана.

• • • • •

Только в рапиде
Увидишь
Распускающийся цветок.
Только в обиде
Изыдешь
Копотью между строк.
А в Антарктиде
Прилепишь
Жвачку на ось - зер гут!
Только Фемиде
Ответишь,
Если калёным прижгут.

12 СИАМСКИХ БЛИЗНЕЦОВ

В.К. и компании

Сиамизируемся понемногу -
В смысле, врастаем друг в друга боками, плечами.
Таким мутантам в самый раз - на Тортугу,
Пить ром, пробавляться всякими мелочами,
Звенеть пиастрами, драться, клацать зубами,
Солёными шуточками обмениваться 128 раз в полчаса...
Потом разрежут, конечно, - и разными рейсами, разными гробами
Отправят на одинаково несуществующие небеса.

• • • • •

Немного ржавые листья тополя падают с тополя.
Нам далеко ещё, братья по разуму, до некрополя.
А как же листья ясеня? Сами спросите у ясеня.
- Я люблю тебя, радость моя.
- И я себя, и я себя...

• • • • •

В день рождения Ирвина Уэлша
Стояла прекрасная погода.
Они созвонились почти случайно
И весь вечер гуляли по городу.
Небо голубело на грани пошлости,
Под ногами шуршало золото.
Они старались не допускать оплошностей,
Пили вино во двориках, молчали, как зомби.
Они целовались очень осторожно,
Нежно и тихонечко - в шею, в висок.
И тот, кто устраивает все свидания, простые и сложные,
Смотрел на них сверху, прибавляя ещё часок.

• • • • •

Зелёная кровь уходящего лета
Густеет, желтеет, течёт, утекает.
Ты выстрелишь в облако из пистолета,
Дурная, недобрая, да, вот такая.
Нелепые мысли, ненужные книжки,
Прогулки, промашки, волшебные встречи.
Ты станешь отважной, беспечной малышкой,
Не частью - так, может быть, частностью речи.

• • • • •

В божественно прекрасном мире
Я - грязное очко в сортире.
В немыслимо любимых лицах
Приказ читаю: удавиться!
Лечу, кричу, раскинув руки:
- Добрее надо быть, суки!

• • • • •

Лю
Лю
Лю
Блю
Блюю
Небо - blue
Наклю-
Каться
Чтоб клю-
Нуть на лю-
Бую приманку
Плюю
На червячка
Вылезающего из моей глазницы

• • • • •

Люди живут аккуратно и правильно,
Моют окна, не шляются в драных кедах по бульварам,
Варят борщи, выпивают только по праздникам,
Становятся мудрыми, но глупыми, скучными и старыми.

Я пустяки рифмую пальцами по воде,
Носом по воздуху, вилами по сенокосу.
Скажи мне, Нострадамус, когда и где
Можно будет закрыть глаза и не отвечать на вопросы?

• • • • •

Пойдём гулять по Осипенко,
По Пивоварке, по солярке!
Как незаметно, постепенно
Любовь меняет аватарки!

Как обольстительно смеётся,
Как беззастенчиво блефует!
Я знаю, пятна есть на Солнце.
Я на Земле перезимую.

Ты где-то рядом, чую носом,
Тебя по запаху узнаю.
"Пошив мешков для пылесосов" -
Какая вывеска смешная.

• • • • •

Жизнь - загадочна, смерть - проста.
Я и ту, и другую знаю.
Ты приходишь ко мне поспать.
Я, родной, и не возражаю.

Осень - радость, зима - тупик,
Перезвон безнадёжной прозы.
Я найду себе материк,
Где азалии и мимозы.

Этот, где мигрень и мороз,
Я давно уже изучила.
Я устрою постель из роз,
Чтоб она тебя разбудила.

КИНО

Бог любит тебя.

Что жизнь? Pulp fiction, собрание глав,
Не круто и не эксклюзивно.
- Годар тебя любит! - сказал Вячеслав. -
Надеюсь, что это взаимно.

• • • • •

Насекомые ангелы, похожие на стрижей,
Рассекают пространство над нами на мелкие части.
Долетает душа до двенадцатых этажей.
Самолёты чертят два слова: "любовь" и "счастье".

Высоко летают - значит, дождь не грозит.
Ты целуешь меня вверх ногами на тёплой скамейке.
Выпью всё до последней капли я, паразит.
А взамен - забирай мою жизнь, до последней копейки!

НОЯБРЬ

Последние невыцветшие листики.
Последние несломанные пестики.
Последнее молчание ягнят.
Молчаньем разбавляем звукоряд.
Ранеток капли на асфальте сереньком.
Густая, золотая кровь осенняя.
И птичий мат, и мятый самиздат...
Мороз и солнце скоро победят!

Дмитрий МУХАЧЁВ ►

▼ЛОЖНОЕ СОЛНЦЕ (подборка стихов)

• • • • •

В такой бы день сорваться на юга,
увидеть пляж и камни Меганома.
А человек - потомственный слуга
и продолжает оставаться дома.

Его гнетут соседи и врачи,
его шарманка плачет о наградах.
Так хочется статейку настрочить
о том, какие в этом крае гады

живут, галдят, играют в бадминтон.
Пускай их всех отправят на Юпитер.
Но ныть на людях - мерзкий моветон,
почти как травка или черный свитер.

Бывает так: выходит пустота,
заводит громко арию изгойства.
Забейся в угол, досчитай до ста
и растеряй целительные свойства.

• • • • •

брился у зеркала и не заметил
как постарела смешная сестренка
а заграничные злые трамваи
вырвались в небо, забыв про маршруты

вот и летят над замерзшею степью,
водохранилищами и садами
если какой-нибудь местный "Сайдвиндер"
вздумает сбить их - расстроится очень

Новосибирск засверкает неоном,
аэродром поприветствует стаю
свежего неба, удачных полетов
им напророчит бесплатная Ванга

встанем у зеркала, выпьем таблетки
много на свете волшебных занятий:
сходить за кефиром, забрать документы
или зарыться в большую подушку

• • • • •

Тепличные столичные растенья,
ребята с клумбы, куклы, шелуха
не выдержав осенней битвы с тенью
летят в Париж подальше от греха.

Вся жизнь – экстаз и терпкие коктейли,
сплошные Елисейские поля.
Ночные драмы, шрам на женском теле,
афганская сухая конопля.

Я остаюсь один и буду краток:
нас ожидает пафосный мороз,
вечерний бар без шоу и мулаток,
святая мразь, знакомая до слез.

АТАКА КЛОУНОВ

цирк сгорел, а клоуны обосновались
в пригороде, устроили там коммуну,
ходят на озеро по воду, варят кашу,
сливовицу пьют, на Таро друг другу гадают

приходят пожарные, жгут под окном резину,
милиция появляется незаметно
перед дверью вешает пестрых бродячих кошек,
вызывает китайских демонов в мегафоны:

о защитники наши из ближнего поднебесья,
вдохновенные дирижеры тонких материй
испепелите гадов, спасите город,
все девочки тонконогие будут ваши

прикоснешься к клоуну – он обернется розой,
непобедимой, белой, высокой, сильной
лепесток уронит, шипами врага уколет,
но заставит смеяться даже кусок железа

• • • • •

мертвая девушка из костромы
утепляет гроб в ожиданье зимы
борется с не проходящим чувством вины

раньше была с женихами и теплым котом
ходила по длинным проспектам с кокетливым красным зонтом
радость и хохот сейчас, пофиг, что будет потом
в конторе – фотка Хью Лори над старым столом

дорогой мой
как у тебя дела
был бы рядом, я бы тебе дала
ко мне по ночам приходит мертвая мать
говорит, что через два года буду свой гроб утеплять

а мне еще рано, рано помирать
весенними реками не надышалась
таньке не отомстила за новый год
салатов не наелась
знаешь, Хью
все эти люди упорно несут хуйню
они приходят с работы
и превращаются в пауков или гоблинов или стрижей
ищут, у кого же здесь рот до ушей
нечего улыбаться
нельзя улыбаться
все-таки я от них уйду
вместе с ливнем буду в сточной канаве
или с баллистическими ракетами в небесах

вот и ушла
нет ее

БЫТОВОЕ

Не сокол джихада, не кум королю,
забыв про кровавый режим,
я все-таки пива сегодня куплю,
я весел и, кажется жив.

Прости эту блажь, темноглазый герой,
звезда неземных кинолент:
спасительный градус холодной порой
способен украсить момент.

И старый таксист, и надрывный Кобейн
и та, что люблю без ума,
возникнув в бетонной гармонии стен,
уснут в иллюзорных домах.

А я, растворяясь в районном дыму,
хмельной темноте прошепчу:
так пошло и тягостно спать одному,
но с дурами спать не хочу

● ● ● ● ●

В какой бы ПНД душа ни попадала,
ее несло на свет, подальше от врача.
Ехидничали вслед манерные вандалы,
горела на окне священная свеча.

Сперва она была инфанта, канарейка,
смешная инженю в театре бытия.
Потом ушла в запой, надела телогрейку,
но слиться не смогла с отрядами ворья.

А без нее плита не будет раскаленной,
пепин шафранный мой откажется цвести
и станет все пустым, безводным, несоленым,
разрежет черный нож мне руку до кости.

Ах, нужные дела, тотальные убытки.
Горите вы огнем, бездушные края!
Согреют в ноябре испанские напитки,
шаламовский рассказ и девочка моя.

ЛОЖНОЕ СОЛНЦЕ

смешной, как работник госбюджетной сферы
неумолимый, как страх поглупеть
шел он по улочкам частного сектора
проклиная ложное солнце

вроде все мы здесь взрослые люди
знаем, что золото оборачивается древесиной
а солнца оказываются ложными
это общее место, зачем же так рефлексировать

кто пойдет против истины, выстраданной веками
схлопочет дротик в сонную артерию
или будет прилюдно осмеян на базарной площади
и ничего не сможет сказать в свое оправдание

а когда в утреннюю комнату попадает лучик
нужно срочно осенить себя крестным знамением
и быстро заложить окно подушкой
предварительно надев на нее черную наволочку

Екатерина ВИХРЕВА ►

▼ ТВОЁ ВАТЕРЛОО (подборка стихов)

• • • • •

Яблоку есть где упасть
От яблони недалеко
В мед или в молоко
сердечку с подаренным червячком
Все, что захочешь - легко
Все что придумаешь - это только август

Все, что желаешь - это только корица и мята
Завести на полянку
Взглянуть на мою изнанку
Растеребить все ранки
Чтобы было так сладко
и больно, как будто бы я - это я.

• • • • •

И все наше кажется падает
В такую глубокую пропасть, с высоких-то чувств!
И несть числа тем, кто уже на дне
Разбился о волны бегущего вприпрыжку времени...
Протяни руку в воздухе мне
Я все равно уже не боюсь
Ни мертвых, ни осколков каждого нового года на вате

• • • • •

Без нового года
и рождества.
Без мишуры.
Просто снег много-много дней,
просто зима.
Она берет чернильницу, пишет ему письмо
О том, как одиноко,
как просто снег много-много дней
И пустые поля в округе на сотни верст,
К папеньке приезжают друзья,
полковник в отставке пишет плохие стихи,
у него седые виски
правда, еще не толст,
maman говорит - иди за него,
а она кричит - отравлюсь, утоплюсь.

а как утоплюсь, когда столько снега на сотни верст,
и деревья чернеют, что твои кресты
без ладанок и икон,
она набрасывает шаль, пальто,
бежит по седым перелескам,
пугает ворон,

кричит в пустоту - где же ты???
А эхо от низкого неба рикошетит в его письменный стол.
Он просыпается в шесть,
Тушит в кофе бычки, набирает случайные номера,
Отправляет два слова по sms:
Я здесь.
Господи боже, кому, куда??

• • • • •

Она любила смотреть на реку из вагона с метромоста.
Быть одной.
Ароматическое масло, сезонные сейлы
И сыр маасдам.

Не любила бурных эмоций.
Коньяк и высоких слов,
И на руках запах средства для мытья посуды,
Слишком жаркое солнце.

А он был ее мужем.

• • • • •

Отвлекись на миг от усталости
Вспомни ее серебра трезвон
Нужно самую малость
Вылететь в сон

Выпустить сердце в зеленым и розовым
Насборенные поля
В этом подоле ее игрушечные
Птицы и тополя

Небо пролитая чашка с севера
Руки раскинув выпил до дна
Ты беспамятный ей неверящей
Снова один одна

Осень запомнится запахом дымом ли
И раскричится потом
Милая милая мимо
С колечком и животом

Девочка губы улыбочки
Выпросил насовсем
Эти кошачьи кисточки
Этот волшебный крем

Запах в рубашке спрячется
И выправлена постель
Отвлекись на миг от усталости
Всем просыпаться в семь

• • • • •

Осень дарует смерть, забирает жизнь
Мягче лебяжьего пуха ее ледяная постель
Кромкою леса летит стрела, а за стрелой - царский сын,
Он уже знает, что не успел.

В переплетеньи стволов затаилась веками растущая стынь
Тени любимых протянут руки к огню.
Их имена отзвучали, их кости истлели, но ты
Слышишь ту песню, что пела им Гамаюн.

Буря с востока сминает и путает след
Сделаешь шаг от тропы - и встретишь себя самого,
Тихо уснувшего в прелой осенней листве
В ночь, когда кто-то вернулся к тебе домой.

• • • • •

Он выходит из ее подъезда
В хороший и страшный мир
Он чужой и не местный
Шепчутся тополя зефир

облаков опадает под жадным осенним
ветром стань живым
Живым говорят тебе! воскресение
Каждый день а остальное - в дым

В игнор в изначальность в хлам
Раннее свежее утро где-то
Где не нужны слова
где новорожденная планета

замирает прислушиваясь к несказ***а***нному
Неск***а***занному дыханию океана

• • • • •

Она обходит фамильные виноградники,
Лоза, облизанная закатом, обнажает пушок.
Издалека возвращаются всадники.
Очень старая книга, стерт корешок.

Ночью гроза и смычками располосованы горизонты
Как бархат портьер на концерте маэстро.
Четыреста лет прошло, но глаза и ноты
Не позабыть, пусть вино утекло и времена иные окрест.

Замковый двор, чуть подсвеченный звездами,
Над кудрявой макушкой ее теплое небо дышит.
Она прячет лицо свое в сине-сизых гроздьях
И долго стоит, и ждет, и однажды все же услышит.

• • • • •

Вдруг в автобусе ей стало плохо
Из-за слишком розовой куртки соседки
И ее синтетической сумочки. Она сделала вдох
И осознала, что время имбиря и ранеток
Закончилось, скоро настанет глубокая заморозка.
Их мечты на полках в раю мегамоллов,
Их жизнь - звон нейронов замерзшего мозга,
Никто не Наполеон, но каждый день - Ватерлоо.
И каждую ночь - полиэстер и пластик,
Они запивают свои таблетки и слабости
Кофеиновым эквивалентом, в лягушку превращается головастик,
Принцесса становится гусеницей без права бабочки
И розы покроют промышленным лаком,
И музыка будет звучать, но все больше фальшиво,
И в том, что когда-то читалось как Знаки
Проступит рисунок стандартного шрифта.
По умолчанию заданные параметры
Опция "счастье" заблокирована от природы.
Но тот, кто не раз уже падал замертво
Утром проснется и пойдет на работу.

• • • • •

Отчего негде нам голову преклонить, кроме чужих колен?
Мир заваливается кверху лапами,
жизнь дает страшный крен,
вокруг ее головы облако кудрявого пепла,
в твоей голове - вулкан.
А вы все так же глухи и слепы,
все так же устали,
устали делать хорошую мину при этой плохой и нелепой.
Как бы встретиться вам.

• • • • •

Признай, что ты проиграла. Что это твое Ватерлоо.
Парадный мундир испачкан кровью и пеплом. И пленных
не брать, и тебе еще повезло,
но все что угодно, только не остров святой Елены.

Представь, что ты император. И это твои войска.
Живые и мертвые, верующие во славу
Любви, их скосила картечью тоска,
Ты проиграла, ты проиграла, ты проиграла.

Дымятся костры. Развивается пыльный штандарт.
Расходятся в разные стороны с поля
Все те, кто когда-то, без страха, без званий, без карт
Плевав на войну, хотели заняться любовью.

Владимир ТОКМАКОВ ►

▼ ОСКОЛКИ РАЗБИВШЕГОСЯ ЗЕРКАЛА (подборка стихов)

• • • • •

…У нее хорошая память,
Но она не помнит из меня ни строчки.
Я называю ее – *«долбаная мама»,*
А она меня – *«сраным сыночком»!..*

На самом деле у нас с ней любовь с первого взгляда,
С первого слова, и с первого класса.
Если она меня бросит – я приготовил уже три килограмма яда,
И она не проживет без меня и получаса!..

Так и живем, а точнее мучаемся:
И вместе – никак, и врозь – не получится,
Она мечтает о детях, я – о несчастном случае,
Мы запутались друг в друге, и уже не понимаем – что лучше…

«Ты моя спящая красавица на фоне утреннего пейзажа, -
говорю: - И я точно знаю, что мёд слаще крови…
Я избавлю тебя от этой дребедени, от всего этого джаза,
А ты избавь меня, пожалуйста, от своей убийственной *любови!..*»

Я довёл её до ручки, а она меня – до ножки.
Бешеное притяжение преодолеваем алкоголем и постелью.

Она мечтает о финишной прямой, я – о кривой дорожке,
И я не буду ждать, когда жизнь нас в пыль и прах перемелет…

Это называется – жить на энергии злости,
Это называется – хотел жениться, а попал на виселицу,
Это не купюры хрустят, дорогая, а мои кости!
Что может вынести влюбленный дурак – просто немыслимо!..

Как всегда в моей жизни всё висит на волоске!
На твоём волоске – и лишь бы он не оборвался…
Я существую лишь буковкой на бумажном листке –
Сколько раз я зачёркивался и кем-то поджигался!..

Если в женщине есть вход, значит должен быть и выход,
А иначе как мы, чёрт возьми, здесь оказались?!
Сделай глубокий вдох, моя радость, а я сделаю выдох,
Это наш последний шанс не стать тем, чем все вокруг уже стали…

• • • • •

…Человек живёт в своём пломбире,

И ему хорошо, потому что – вкусно,

А когда начинают спорить о мире
И войне, ему становится грустно…

Он уже дожил до самых стрекозиных крыльев,
зачем говорить? – особенно в предчувствии заката…
Он признавал только ту любовь, которая навылет,
У него тату на груди – профиль девушки и имя – «Злата»...

Он стар и давно седой,
и пенсия у него – «минус единица»…
Но он знает, какой дождь пустой, а какой - *грибной,*
И что такое – человек, а что – *«важные лица»…*

• • • • •

Если верить кондуктору, скоро конец пути,
Это еще не конец света, но где-то близко,
Я могу успеть поцеловать тебя и сказать – прости,
И зарыдать: «Ну что же ты, Лизка…»

А ты будешь молчать и умрешь у меня на руках,
Но это лучше, чем в ногах какого-нибудь подонка.
Есть многое, чего я боюсь, но настоящий страх –
Твоя глупая смерть, пустота и ангелы, стоящие в сторонке…

ЭПИТАФИЯ

Моя дорогая А.! Ты стала пеплом,
то есть удобрением для будущих засранцев…
Луна, опившись дождями, почти ослепла,
несет её кто-то, засунув в тучу, как в школьный ранец;

этот кто-то – большой человек, а точнее, редкая сволочь,
он купил на небе три участка земли и четыре тонны дождей,
и каждый день, когда наступает полночь,
он наливает мне лужу крови и говорит – комар, пей!

Мне страшно жить в самом центре глобальной смерти,
вокруг только черные, красные и круглые квадраты, -
дорогая А., если ты думаешь там, в своем пепле, о мести -
мы уже мертвы, как забытых звёздных войн неизвестные солдаты…

ОСКОЛКИ РАЗБИВШЕГОСЯ ЗЕРКАЛА

1.
О любви или хорошо или никак…
И врагу не сдается, и ко дну не идет наш гордый «Варяг»!
Зачем влюбленному подвиги, их глупый итог?
Если «нет», он – мертв, если «да» - силен, как Бог…

2.
…Зачем-то выкинул свои черновики,
За утро выкурил остатки сигарет,
Сказал, что больше не напишет ни строки!..
Купил на рынке
чёрный пистолет…

3.
…Бог маленький и до сих пор играет в игрушки,
Кто идет к нему на небо он просит захватить с собой
Пряники, малиновое варенье и сушки,
Большой барабан и флейту с трубой...

4.
…Ты у меня не первая,
и я у тебя – не последний;
Осень на остановке
сыплет свой мусор медный.
Холодно, скоро холодно
станет в городе старом...
Все, что было мне дорого –
все отдаю задаром...

5.
…За последний поворот
На руках несет народ,
Ящик, в просторечье, гроб,
Все, приплыли, время – стоп…
Может, это просто старость,
Может, мало нам осталось?..
6.
иногда поэзия чтобы выжить
прикидывается мертвой
хищники думают – падаль
и проходят мимо

читаю Бодлера

а лето красное все не кончается
а стрекоза все поет
а поэзия все живет

7.
…По небу проплывают облака,
Как будто пишется прекрасная строка,
Но чтобы выучить заоблачный язык
Не хватит жизни…
Правда ведь, старик?..

8.

Палачу отплачивают путь в оба конца…

Я заплатил за всё, у меня нет ничего, даже лица…
Прощай, никаких долгов, никаких обещаний и слёз!..
Палач садится в поезд,
и поезд идет под откос…

9.
…Бог пролетел, словно шальная пуля –
Поднявшийся ветер разметал стога сена.
Душа моя стала как растревоженный улей –
В мозгах *Чёрный Человек*
исходит бешеной пеной!..
Разве можно так жить?! А умирать разве так можно?!
Варёной картошкой крошится в руках *небесное чудо*...
Если взять любую систему координат, то она будет ложной –
Потому что любовь слепа,
а именно она, к сожалению,
правит везде и всюду…

10.
Бог с тобой
чёрт с тобой

только я
неизвестно с кем

11.
С. Бузмакову
В этом бегстве и бунте,
В этом бунте и бегстве,
Я забыл о наследстве,
О земле,
почве,
грунте…
А всего-то и надо,
А всего-то и нужно –
Звёзды летнего сада
Отражённые в лужах,
Припозднившийся путник
На весенней аллее…
Я – искусственный спутник
Уходящей *Рассеи*…

12.
С. Зюзину
...Время похлеще советского,
застоя, запора недетского,
эпоха духовного краха,
и беспричинного страха,
скажут: «Иди», - уходи,
скажут: «Прощай», - не прости! -
мёртвая всюду вода -
и жажда,
уже навсегда...

13.
…Знакомиться в автобусе – последнее дело,
чем, я собственно, и занимаюсь.
Здесь нужна определенная смелость,
А её у меня не хватает – каюсь!..
Да и девицы бывают удивлены
или просто не отвечают на мои вопросы.
Я для них – пришелец из далёкой страны,
оттуда, где живут одни чукчи и эскимосы.
Ну и ладно, я настырный,
буду продолжать эксперименты
и проезжать мимо своей остановки,
как герой забытой чёрно-белой киноленты –
моё средство от одиночества
в неброской серой упаковке...

14.
на рельсах забвения
кровь запеклась
Анна Каренина
здесь родилась

15.
Наступала на пятки, а надо бы на носки…
Умирала от смеха,
а надо бы – от тоски…
Не чувство, а бездонный мрак…
Еще одна в безумстве ночка!..
Я ненавижу – это факт.
Люблю…
И здесь, пожалуй, точка.

16.
…Свирепая тишина
Проклятого телефона.
Один стою у окна –
Яма двора бездонна.
Этот надрывный мотив
Музыки где-то рядом…
…Видно, дверцу открыв,
Вышли, гуськом, из сада
Старый Орёл и Лев,
С ними Телец угрюмый;
Песней смущают всех,
И музыкальным шумом...
Там, вдалеке, твой дом –
Рядом с небесной помойкой…
Я покурю перед сном –
И упокоюсь в койке...

17.
А. Строганову
Подводная лодка в степях Украины.
Мы были честны, мы были наивны…
Подводная лодка в алтайских степях –
это не клиника,
а полный швах!..

18.
Прикройте дверь, я вам шепну секрет –
Любви на свете не было – и нет;
Восторги, охи, *сладостная дрожь…*
Все это – поэтическая ложь!..
Возможно что-то, где-то, кто-то там…
Я вам шепнул, а дальше – думай сам…

19.
Ушёл мой поезд,
улетел самолёт;
Затяну потуже пояс,
улыбнусь во весь рот, -
Были – времена,
а сейчас – времечко,
Были – семена,
а сейчас – семечки…

20.
...Я посадил своё сердце,
я посадил свою печень, а ещё я посадил - красивое дерево!
Всё остальное – выкопал, вплоть до милых гробов...
Когда мне говорят: кесарю – кесарево, я говорю, а зверю – зверево,
И не надо меня *лечить,* что такое секс,
а что такое – любовь…

21.
Знаешь, как бездарно дни пролетают?
И причём здесь: "Я убила мента, Зая?"
И причём здесь полёт на Луну Винни-Пуха?
Говори, дорогая, я сплошное эхо и ухо!..
Почему ты молчишь? Нам нечего друг другу сказать?..
Навряд ли нас выручит "Дорз", или вино и кровать.
...Закончен роман, я вызвал такси, закурил...
Нырнула любовь монеткой в прибрежный ил.

22.
ржавые рельсы
трава между шпал

анна каренина – уставшая мать-одиночка
у нее девочки-близняшки
учатся в медицинском
на стоматологов
сантехник вронский спился в тамбове

что касается литературы
поручик лев николаевич толстой
геройски погиб в 1855 при обороне севастополя

любимая
это всего лишь книжка
просто книжка
дурацкая книжка

не плачь

давай поцелуемся
давай поцелуемся
давай

Барнаул, 2009-2010

НЕПРАВИЛЬНЫЕ СТИХИ

Мне всегда нравилась та естественность, с которой она отдавала свое тело.
Я не знаю, что это было, по-моему, не больше, чем просто любовь.
Но откуда, черт возьми, в ней бралась бешеная всепокоряющая смелость,
с которой она заставляла меня делать это вновь и вновь!

Мы не видели в этом ничего дурного, мы хотели друг друга.
Как проверить чувства? Не встречаться день или два...
Господи! Каждый час ожидания был страшнее, чем любая мука,
которую могли выдумать вместе инквизиторы и татарва!

Один голос ее, шевеление губ вызывали во мне рой эротических видений.
Мы занимались любовью везде - это мог быть подъезд, берег реки, заброшенный сад,
и с не меньшим азартом занимались любовью наши тени,
ни их, ни нас не мог вспугнуть шум шагов, или чей-то любопытный взгляд.

Этот мир был для двоих, другие либо умерли, либо улетели жить на Луну.
Мы путешествовали друг по другу губами, останавливаясь подольше в самых интересных местах.
Когда я дотрагивался до ее лона, она превращалась в чуткую, тугую струну,
и тогда я играл своим смычком такую музыку... её не слышали Казанова и Дон-Жуан даже
в мечтах!

Но где-то была ошибка в логике наших счастливых дней.
Она спешила с учебы, рассеянная, как и положено быть влюбленной,
не замечая потока мчащихся четырехколесных железных зверей,
вырвавшихся из своей преисподней бездонной.

Это произошло в ста метрах от моего дома.
Врачи уверяли, что она умерла сразу, не мучась.
«Кто вы ей?» - спросили они. «Я? – сквозь слезы - очень хороший знакомый...»
За тобой - будь ты проклят! – всегда остается последнее слово, господин Случай...

Барнаул, 2010

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ ►

▼ ВОЙНА И МИР (роман) [1]

Том 1. Часть 1 Глава IV.

В это время в гостиную вошло новое лицо. Новое лицо это был молодой князь Андрей Болконский, муж маленькой княгини. Князь Болконский был небольшого роста, весьма красивый молодой человек с определенными и сухими чертами. Всё в его фигуре, начиная от усталого, скучающего взгляда до тихого мерного шага, представляло самую резкую противоположность с его маленькою, оживленною женой. Ему, видимо, все бывшие в гостиной не только были знакомы, но уж надоели ему так, что и смотреть на них и слушать их ему было очень скучно. Из всех же прискучивших ему лиц, лицо его хорошенькой жены, казалось, больше всех ему надоело. С гримасой, портившею его красивое лицо, он отвернулся от нее. Он поцеловал руку Анны Павловны и, щурясь, оглядел всё общество.

-- Vous vous enrolez pour la guerre, mon prince? [2] -- сказала Анна Павловна.

-- Le general Koutouzoff, -- сказал Болконский, ударяя на последнем слоге *zoff*, как француз, -- a bien voulu de moi pour aide-de-camp... [3]

-- Et Lise, votre femme? [4]

-- Она поедет в деревню.

-- Как вам не грех лишать нас вашей прелестной жены?

-- Andre, [5] -- сказала его жена, обращаясь к мужу тем же кокетливым тоном, каким она обращалась к посторонним, -- какую историю нам рассказал виконт о m-lle Жорж и Бонапарте!

Князь Андрей зажмурился и отвернулся. Пьер, со времени входа князя Андрея в гостиную не спускавший с него радостных, дружелюбных глаз, подошел к нему и взял его за руку. Князь Андрей, не оглядываясь, морщил лицо в гримасу, выражавшую досаду на того, кто трогает его за руку, но, увидав улыбающееся лицо Пьера, улыбнулся неожиданно-доброй и приятной улыбкой.

-- Вот как!... И ты в большом свете! -- сказал он Пьеру.

-- Я знал, что вы будете, -- отвечал Пьер. -- Я приеду к вам ужинать, -- прибавил он тихо, чтобы не мешать виконту, который продолжал свой рассказ. -- Можно?

-- Нет, нельзя, -- сказал князь Андрей смеясь, пожатием руки давая знать Пьеру, что этого не нужно спрашивать.

Он что-то хотел сказать еще, но в это время поднялся князь Василий с дочерью, и два молодых человека встали, чтобы дать им дорогу.

-- Вы меня извините, мой милый виконт, -- сказал князь Василий французу, ласково притягивая его за рукав вниз к стулу, чтоб он не вставал. -- Этот несчастный праздник у посланника лишает меня удовольствия и прерывает вас. Очень мне грустно покидать ваш восхитительный вечер, -- сказал он Анне Павловне.

Дочь его, княжна Элен, слегка придерживая складки платья, пошла между стульев, и улыбка сияла еще светлее на ее прекрасном лице. Пьер смотрел почти испуганными, восторженными глазами на эту красавицу, когда она проходила мимо него.

-- Очень хороша, -- сказал князь Андрей.

-- Очень, -- сказал Пьер.

Проходя мимо, князь Василий схватил Пьера за руку и обратился к Анне Павловне.

-- Образуйте мне этого медведя, -- сказал он. -- Вот он месяц живет у меня, и в первый раз я его вижу в свете. Ничто так не нужно молодому человеку, как общество умных женщин.

Продолжение следует

[1] Продолжение, начало в "Ликбезе" № 4-7, 10-16
[2] Вы собираетесь на войну, князь?
[3] Генералу Кутузову угодно меня к себе в адъютанты.
[4] А Лиза, ваша жена?
[5] Андрей,

ГВОЗДЬ НОМЕРА

Нина САДУР ►

▼ ОФЕНИ УШЛИ (пьеса в 9 картинах с прологом и эпилогом)

Действующие лица:
Герман ТИТОВ, *бизнесмен, за 40 лет*
Зина ЛУЧКОВА, *деревенская, под 40 лет*
Валерка БАБЫКИН, *деревенский, 20 лет*
Дед АНДРЕЙКА, *ничейный, забыл свой возраст*
ТАНА, *цыганка, 14 лет*
ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА, *красавица-агроном, деревенская, 30 лет*
МОРИН, *майор милиции, деревенский, за 50 лет*

В эпизодах:
ФЕЛЬДШЕР
САНИТАР
МАЛЬЧИК ЛЕТ 8
Коты ЩОРСИК и ЧЕРНОМЫРДИН.

Наши дни

ПРОЛОГ

Зима. Сильная – сильная метель.
Мальчик лет 8 в нарядном костюмчике 60 годов стоит на стуле и, запинаясь, страшно волнуясь, забывая и не понимая слов, рассказывает стихотворение какому-то большому, жаркому празднику.

МАЛЬЧИК. *(обращаясь к «Вечору»*)
«Вечор, ты помнишь, вьюга злилась?
На мутном небе мгла носилась.
Луна, как бледное пятно
Сквозь тучи мрачные глядела
И ты… и ты…а нынче…
Ты погляди… печальная…
А нынче ты печальная …
Сидела ты печальная…
Блестит… снег…

Мальчик разволновался, тут же рассердился и выпалил другое:

МАЛЬЧИК «А из нашего окна Площадь Красная видна!
А из вашего окошка – только улицу немножко!»
(*в отчаянии*) Папа, папа, карлики! Вот опять повсюду карлики! Карлики вылезают, плохие! Я боюсь карликов! Убей карликов!

Мальчик спрыгнул со стула и убежал.
Метель осталась одна.

КАРТИНА 1

Косенькая деревушка Дракино. За нею свекольное поле. За полем на взгорье новорусский высится ложноготический замок.
Бедняцкий дом Зины ЛУЧКОВОЙ.

Но летний, буйно-цветущий сад с огородом, цветами, кустами, стайкой яблонь-белоножек.
Знойно. Тихо. Пылают гладиолусы. Зреют маленькие яблоки. Июль. Жасмин.

*Во двор входит **Герман ТИТОВ**. Это ухоженный, хорошо одетый, лысеющий и полнеющий господин с полными, какими-то обиженными щёчками. Вид нарочито-злобный, каверзный. Боязливо, как собаку, обходит непомерно толстого чёрного кота, без сил лежащего на солнцепёке.*

ТИТОВ (*Коту)* Тебе чего? Я тебя трогаю? Чего тогда?!

*На крыльцо выходит **ЗИНА**, миловидная смуглявая бабёнка. Глаза чёрные. И блестят*.

ЗИНА *(с ходу голосит*) Я кумача вашего не просила у вас! Вы с Петра Елисеича спрашивайте, это он всю дорогу фасонил! На все праздники пинжак одевал с наградами. И на выходные одевал. Всё Дракино в курсе. Оно в курсе, что я в одном и том же всю дорогу, как ёлочка, и зимой и летом – одним цветом . Вы не пучьтесь глазами своими, не хлопайте веками, вы у людей спросите! А лично мне кумача вашего даром не надо!

ТИТОВ. Вы можете не вопить?
ЗИНА. Хочу – вопю!
ТИТОВ А успокоиться вы можете? В принципе?
ЗИНА В принципе – не могу.
ТИТОВ А как же я тогда скажу
ЗИНА. (*подумав)* А ты не говори. Ты, господин-товарищ, иди своей дорогой. В ларёк. Слышь, «Столичную» чёрные завезли. Не отличишь!
ТИТОВ. Какого чё… Я не пью.
ЗИНА. Она в пОлтора дешевле, в ларьке-то, у чёрных. А-то в миг разберут. Дракинские, слышь, наши, первые, налетят. Потом «Малые Сапожки» притащатся. С болот со своих. Впрочем, я не думаю, чтобы «Весёлые Глазки» соблазнились. Нет, «Весёлые Глазки» у чёрных травиться не станут. Они у нас гордые! Они богатые! У них в каждом дворе по «Жигулю». Так вы чего смотрите? Дуй к чёрным! В пОлтора!
ТИТОВ *(слегка потрясённо*) Я не хочу в пОлтора! Я - к вам!
ЗИНА *(злясь*) А я не к вам!

Зина хочет закрыть дверь, Титов вспрыгивает на крыльцо, вставляет ногу в зазор.

ТИТОВ (*борясь*) Я не по кумачам!
ЗИНА *(взрываясь*) Мы простые люди! Мы в голой сосне хоронимся! Вы нам кумачи впариваете, а мы всю дорогу в простом ходим! А потом плотишь вам! Пожизненно.
ТИТОВ. У меня дело к вам. Очень приятное.
ЗИНА. А по лицу не скажешь. Так вы не ритуальные?

ТИТОВ. Наоборот!
ЗИНАЯ даже не знаю. Если честно, прямо не знаю я! Если вы из ритуальных услуг, я гроб не просила в кумаче. Хочете, выкапывайте, если совсем обнаглели. Но учтите – он участник ВОВ! Учтите – пехота!

Титов достаёт толстую пачку денег мелкими купюрами.

ЗИНА *помолчав*) То ли я денег не видела! Проходите! Разувайтесь только! У нас мыто. *(Коту*) И ты, Черномырдин, иди в дом. Хватит шляться! *(голосит*) Мырдик! Мырдик! Мырдик! (подхватывает чёрного кота).

Титов и кот обменялись тяжёлыми взглядами.

КАРТИНА 2

В доме у Зины.
Уютно. Половики, Занавески. На открытых окошках вазочки с искусственными ветками яблонь, усыпанных цветами, хотя в эти же окошки лезут живые яркие летние цветы июльского сада. Стол покрыт чистой клеёнкой. Над кроватью коврик-гобелен: средневековый замок и олени, пьющие из ручья. Портрет пожилого мужчины в наградах ВОВ, траурная кайма. Лавка. Печка. Иконки в красном углу. За них заложены свечки и высохшая верба. Окошечки, открытые в сад, цветы в них свободно заглядывают. Ощущение, что дом прибрали в ожидании гостей.

ЗИНА *(церемонно*) Располагайтесь, где хочете!

Оба садятся за стол.
Черномырдин запрыгивает на стол, и ложится во всю свою длину. Оба глядят на кота.

ТИТОВ Метра полтора будет в длину.
ЗИНА. А то! Даром что ли тянули?
ТИТОВ (*встревоженно)* Как понять?!
ЗИНА. Не бери в голову.
ТИТОВ *(слегка отодвинувшись*) Да кот ли? Такое прямо…
ЗИНА. Чем могу быть полезна, сударь?
ТИТОВ. Ах да, конечно… Словом… как бы это сказать…
ЗИНА. Понять не могу, на что вам Зина Лучкова сдалась? Если вы, конечно, не ритуальные?
ТИТОВ. Зина. Зинаида. Гражданка Лучкова. Я вам принёс три тысячи рублей.
ЗИНА. Спасибо вам огромное. Вы, я извинюсь, не контуженный?

ТИТОВ. Вроде нет пока.
ЗИНА. А-то у нас в Дракино все контуженные. Видите ли, любезный, войн вокруг нас тьмы – а мы одни посерёдочке. Неловко, знаете ли, так притягивать к себе внимание…
ТИТОВ. Не одни вы. «Малые Сапожки». И эти… глядят, которые… как эти, прям… из болот глядят…
ЗИНА. Вы имеете в виду «Весёлые Глазки»?
ТИТОВ. Вот чёрт! Я ведь вроде не пил сегодня!
ЗИНА. Вы наше кладбище видели?
ТИТОВ. Зачем? Не люблю!
ЗИНА. А ты сходи. Через «не люблю» сходи. Через «не могу» даже… Сходи, преодолев себя. Сходи, претерпевая естественную неприязнь к распаду. Сходи, это долг твой. Долг каждого. Всё равно там будешь. Заранее сходи. Лучше сам сходи. Ради смеху!
ТИТОВ. Не пойду! Нет!
ЗИНА. Сходи. Да.
ТИТОВ. Хорошо. Схожу. Вот… Я пришёл, собственно, чтоб просить…
ЗИНА. Правильно сделаешь! Ты впечатлительный? Если ты впечатлительный, то лучше не ходи…
ТИТОВ. Так идти или нет?!
ЗИНА. Даже не знаю. Я на себя такую ответственность не возьму. Я тебе тут не советчица. Как сердце подскажет… Человек сам должен решать… Ты примешь правильное решение, я знаю. Единственное возможное… Хотя, кто тебя, собственно, спрашивать будет? Пойдё-ё-ёшь… В кумачах- ли, нет- ли…

Титов вскакивает и бежит к двери.

ЗИНА. Куда вы?

Титов останавливается и в растерянности смотрит на Зину, потом возвращается и садится на прежнее место.

ЗИНА. Там тебе и ВОВ, и Афган, и Чечня, и разные засекреченные от народа мелкие войночки нашего правительства с окружающим его миром. А так народ всё простой лежит. Добрый. Прощёный. По драке лежит, по водке, по несуразице, по всякой бедняцкой беде.
ТИТОВ. А можно не ныть? В принципе, я потребовать могу!
ЗИНА. Можешь – требуй. Докричись! Достучись. Пускай они оградки обновят хоть. Ведь вся там лежит история нашей Родины. В миниатюре.
ТИТОВ. В чём?
ЗИНА. Маленького размера. Как образец.
ТИТОВ. Я знаю, что такое миниатюра. Какой-то бесконтрольный разговор у нас. Скачем с одного на другое… Мотаемся, как эти прям…
ЗИНА. Что ты, что ты! Ты пойди, сходи к «Весёлым Глазкам». Наведайся… Вот у них скачут. Врать не буду – мотаются. Потомственные скакуны. Но их понять можно – их утягивает…
ТИТОВ. Я нажать могу. Не хочу. Но могу. Ненавижу даже. Но могу. У меня очень-очень солидные связи.
ЗИНА. И у меня солидные. Молодец, что решился. (*внезапно голосит)* Ой, да как же эти деньги пришлись-то! Как свалились-то! Вот справедливость! Вот её торжество! *(портрету*) Видишь, Пётр Елисеич, помнят о тебе люди-то!
ТИТОВ. Кто такой Пётр Елисеич?

ЗИНА. Ты, правда, хочешь знать?
ТИТОВ. Нет.
ЗИНА. Нет, ты, правда, хочешь знать?!
ТИТОВ. Да нет же, нет! Сорвалось с языка… Так просто…
ЗИНА. Знай же! Не жалей потом. Обратного не будет пути. Тебя за язык никто не тянул!
ТИТОВ. *(нетерпеливо*) Ну?!
ЗИНА. Вот он – Пётр Елисеевич! Гляди ему в глаза!

Титов смотрит на портрет.

ТИТОВ. Ну и что?
ЗИНА. А как же вы догадались-то, господин-товарищ? Или сердце подсказало?
ТИТОВ. Какое сердце? У меня… в голове порой шумит. У меня внутричерепное давление. Мне нужен покой и простор. Нужны. *(раздражаясь*) Я их, кажется, заслужил!
ЗИНА. А всё же молодец, что пришёл, молодец. Стукнуло тебе сердечко твоё невинное, что сегодня 9 дней Петру-то нашему Елисеичу. Новопреставленному.
ТИТОВ (*глядя на портрет*) Какой-то он у вас пучеглазый.
ЗИНА. Какой же он тебе пучеглазый? Всё! Он уже не пучеглазый, ни рябой и ни вот этой бородавочки ни-ни-ни… Было – не было. Как корова языком слизнула. Он уж бестелесный. Вот так-то, Пётр Елисеич.
ТИТОВ. У меня очень крупный бизнес. Я незлобивый, мягкий, даже интеллигентный человек. Я не бандит, кстати, ненавижу их, мне в принципе претит любое проявление насилия. И вот – я пришёл к вам!
ЗИНА (*шёпотом*) Самые строгие дни. Великие мытарства наш Пётр Елисеич проходит. До самых сороковин. Поэтому и поминать надо со всей душой.

*Входит **Валерка БАБЫКИН**. Когда он волнуется, то сильно заикается. Ходит колченого, мотаясь во все стороны, будто переболел слабой формой церебрального паралича.*
Валерка ставит на стол бутылку.

ВАЛЕРКА. Здрасьте всем! Вот! На девять дней держал. Удержал!
ЗИНА. Валерка! Не поверишь! Да где тебе! (Титову) Он такой – короче – Бабыкин он. Сами понимаете!
ТИТОВ. *(с сарказмом*) Естес-ственно!
ЗИНА. *(Бабыкину*) Видишь, что про тебя люди говорят?
ТИТОВ. Я что-то сказал?
ЗИНА. А им чихать! Бабыкинские все такие! Гусь нещипаный! По мужской линии.
ВАЛЕРКА. М-можно хоть с-сказать-то тё-ё-ёть Зин?…
ТИТОВ. Нельзя. Здесь только Зина говорит. Лучкова. Зинаида. Улица Лобачевского, дом 3.
ЗИНА. Ты бы поучился, Валерка, как с женщиной разговаривать! А-то вид у тебя… где валялся, товарищ, где твой образ человеческий?
ВАЛЕРКА. В-вечно вы, т-тёть Зин! Обидно всё-таки! Н-ну чо опять Бабыкины-то? В-вот сейчас-то чо Ба-абыкины? В данный момент?
ЗИНА. Да отстань ты! (Титову) Встаньте, товарищ. Покажитесь. Вам нечего стесняться!
ТИТОВ. Хорошо. Я даже встану. Но потом – скажу!

Титов встаёт.

ВАЛЕРКА. Из ритуальных? А ты докажи про кумач? Ищи кумача! Тю-тюшки кумач тебе!
ЗИНА. Вот оно, попёрло! Видишь?! Бабыкинская кровь! Увидел человека – в миг урыл! И ревёт, и воет, и мотается, и скачет…
ТИТОВ. Я могу сесть?
ЗИНА. Нет ещё! Пусть он увидит человека, Бабыкин этот! Это ж срамота, а не Валерка! Я ж его с пелёнок знаю, и такое говно из этого выросло!
ВАЛЕРКА. Вы не слушайте тёть Зину, я сразу увидел – нормальный человек! Мы добрых людей любим!
ТИТОВ. Я заслужил, чтоб сесть. (*садится)*
ЗИНА. Садись!
ТИТОВ. Сижу уже. Так вот…
ЗИНА. Сиди.
ТИТОВ. Так вот…
ЗИНА. Отдыхай пока…
ТИТОВ *(взрываясь*) Простите, э… Зинаида, а мы давно на «ты»?

ЗИНА. Только что.
ТИТОВ Ладно. (*озирается)* Мило. Мне нравится. Всё это – нравится.
ЗИНА. Он «мило» сказал. А сам, чтоб ты знал, Валерка, - он денег подарил!!!

Титов встаёт.

ЗИНА. Сядь.
ВАЛЕРКА. Врёт!
ЗИНА. Не врёт! Сядь!
ТИТОВ. Врёт! Хочу – стою!
ЗИНА. Валерка!
ВАЛЕРКА. Вру!

Титов рушится на стул.

ЗИНА. На поминки принёс. В руках!

Оба уставились на Титова.

Не все люди, как ты, Бабыкин. Мир – на вот таких держится. Узнал. Пришёл. Принёс. (*Титову, ласково*) И ничего больше объяснять не надо.
ВАЛЕРКА. Не надо! Хороших всё равно больше, чем говнюков!
ТИТОВ. Я деньги принёс…
ЗИНА (*мягко, прерывая*) Оценим мы это, товарищ. Хочете, я Мырдика сгоню со стола?
ТИТОВ. Хочу!
ЗИНА. Я ведь заметила, вы с ним не очень… Я глазастая! Иди, Мырдик, иди, сына моя хвостатая, иди, погуляй, птичек подави... *(выбрасывает кота во двор).*

Зина глядит на водку.

(Валерке) Ты где её брал?
ВАЛЕРКА. У Славки Смоложуя.
ЗИНА. Не врёшь?
ВАЛЕРКА. Я что, рёхнутый?!
ЗИНА. У чёрных не бери, Не зарься, что дешевле. (*осеклась, Титову)* Мама моя родная! Я ведь вас чуть не убила, товарищ!
ТИТОВ. Господи!
ЗИНА. У чёрных не берите, товарищ! Брали уж! Вот Валерка знает. Пять человек умерло! Включая и тебя, Пётр ты наш Елисеич!
ВАЛЕРКА. Чё попало! Они людей уже водкой убивают! А менты только ржут, типа, что алкашей поубавилось. Опупели совсем!

ЗИНА. Что ты брешешь, Валерка? Брешет он, Бабыкинская кровь! Вы, Бабыкины, одни хорошие, а все кругом виноватые!
ТИТОВ. В каком смысле – чуть не убила?
ВАЛЕРКА. Ничо не виноватые! Я правду говорю!
ЗИНА. Какую правду? (*Титову*) Будь свидетель, товарищ! (*Валерке)* Свояк из Ростова – алкаш тебе?! Афган прошёл, вся грудь в наградах. На хлебзаводе шоферил, помер ни за что… трое сирот за ним осталися! (*Титову)* А с нашей улицы Лобачевского, товарищ, услышишь, не поверишь! – Владимиваныч, пенсионер, у него сад-огород видали? Алкаш он тебе? К тому же он и сам участник ВОВ, и тоже – пехота! У нас все ВОВцы – пехота!
ТИТОВ. В каком смысле – чуть не убила?!
ЗИНА. Супруга у него, правда, неприятная особа. Не любила, что мы дружили огородами. Дура ревнивая. А где теперь эта Маша? Только мы с ней помирилися!..
ТИТОВ. В каком смысле – чуть не убила!!!
ЗИНА. Валерка, а детдомовский, помнишь, рябой такой, тихий, после армии, не женился, ничо…
ВАЛЕРКА. Толик с лесопилки?!
ЗИНА. Ну! Все умерли! Как один.
ВАЛЕРКА. Все умерли. Сам видел!
ТИТОВ. В каком смысле – чуть не убила!..
ЗИНА. Вот, Пётр Елисеевич, как твои день рожденья праздновать! Так
не убила же!!! Ну, за упокой. Стой! Ты¸точно, у Смоложуя брал?

ВАЛЕРКА. Я что, опупел? У кого тогда брать? Всё Дракино у Смоложуя берёт. И Малые Сапожки! И Весёлые Глазки! Наученные уже! А чёрных там и нет уже, тёть Зин! У них ларёк спалили! (*разливает водку*).
ЗИНА. Ну, за упокой!
ТИТОВ. Я воздержусь.
ЗИНА. Ты что, нерусский?
ТИТОВ. Хорошо, земля – пухом. *(опрокидывает рюмку*).

Все на него смотрят.
Подождали.

ЗИНА. Пить можно.

Титов передёрнулся.
Зина и Валерка выпивают.

ЗИНА (*ласково*) Теперь скажите, товарищ, как нам вас величать!

ТИТОВ. Герман Титов. Не космонавт. Папа захотел. В честь. Дерзновенная мечта. Кстати, сегодня годовщина, как умер.
ЗИНА. От водки?
ТИТОВ. От… укуса. Его укусили. Он был номенклатурный работник.
ЗИНА. Горе какое!
ВАЛЕРКА. А зубы? Какие у родителя были зубы?
ЗИНА. Да?!
ТИТОВ. Что за бред? Нормальные. *(вспоминает*). Мелкие, белые, крепкие зубы! Зубы отца моего… В конце концов это его укусили.
ЗИНА. *(Валерке)* Да?! Сдурел ты, мил-друг, вот что! Начёрта ты про зубы-то?
ТИТОВ. Зубы… его же укусили, а не он… Белые.
ВАЛЕРКА. Отца потерять – лучше самому удавиться!
ЗИНА. Вот ты и есть опять Бабыкин. Хоть тебе и двадцать лет! Учти, дети должны переживать отцов! Обязаны!
ВАЛЕРКА. Мы и переживаем!
ЗИНА. Я что-то не пойму, ты наглеешь или нет?
ВАЛЕРКА. Нет!
ЗИНА. Герман Титов. Давайте же, Герман Титов, и вашего родителя помянем, раз так замечательно совпало. Валерик!

Валерка разливает.

ТИТОВ. *(с запоздалым любопытством)* А покойный, Зинаида, он вам тоже отец… был?
ЗИНА. Муж мой.
ТИТОВ. Муж твой?
ЗИНА. Я в 16 вышла. Я санитаркой работала в детском интернате. Сейчас там казино. Знаешь – нет?
ТИТОВ. Это не я!
ЗИНА. Не ты?
ТИТОВ. Я по лесу… торгую… пшеном… порт у меня… железные дороги…
ЗИНА. Какой лес у нас был там!
ТИТОВ. О Господи!
ЗИНА. Мы ж в самом лесу стояли! Сосняк!
ТИТОВ. Лес и сейчас там. Я гулял!
ЗИНА. Это лес? Люд там теперь азартный – повыгрыз всё! Это теперь – плешь. Игроки!
ТИТОВ. Никогда не играл! Склонности не имею. Я спокойный, мягкий, даже кроткий человек.
ЗИНА. А в том печальном месте мы с Петром Елисеичем и нашли друг друга. Среди сироток - уродиков.
ТИТОВ. Уродов боялся с детства. Всегда казалось – по их лицам – что их зачинали в чаду, в дыму, под гром духового оркестра, и сыпались искры повсюду.
ЗИНА. А замуж я вышла по любви, хоть и за пожилого человека.
ВАЛЕРКА. Тёть Зин, вы мне как родные…
ЗИНА. Глупыш ты, Валерик, дитё. (*Титову*) Двадцать лет всего парню-то. Эх, Пётр ты наш, Елисеевич, не послал нам Бог детей, а работали мы с тобой с сиротками-уродиками. Такие они милые, такие разные. Умирали только быстро. Не хотели вырастать.

ТИТОВ. Карлики не могут расти!
ВАЛЕРКА. Ты закусывай, а?!
ЗИНА. Вот, только Валерка наш до сих пор живёт.
ТИТОВ. Всё-таки я чего-то недопонимаю. Как будто в голове что-то мерцает. Это деревня Дракино? Мне из окон видно – вас?
ЗИНА. Да что это я! Всё про себя, да про себя! Твоего-то родителя, Герман Титов… как вашего родителя величали?
ТИТОВ. А вам зачем? Андрей Фёдорыч. Обыкновенно.
ЗИНА. Покойся с миром, дорогой ты наш Андрей Фёдорыч.
ВАЛЕРКА. И спасибо тебе большое за сына. Вырастил ты человека!

Пьют

ТИТОВ. Видимо, вы удивительно добрые люди. Впрочем, мой отец был достойным человеком.
ВАЛЕРКА. Везёт тебе. А у меня нет отца. У меня никого. Пелёнки. Сосны. Какие-то лица сверху… Молочная пелена сиротского младенчества. Идиотия. Ножки только мёрзли… Некоторые считают, что дети-уроды родятся от демонов.
ЗИНА. Брехня! От генетического сбоя.
ТИТОВ. У меня теперь тоже никого нет! Но я не хнычу. Как некоторые.
ЗИНА. Всё правильно, Валерка! У нас двое покойников, а мы, как эти… На тебе пол денег! Бери всё! Беги - купи всего! Чтоб было! Поминать будем!
ВАЛЕРКА. Я уж сам про это думал! (*сгребает деньги*) Мы за них поедим-попьём, им полегчает на том свете… Да, тёть Зин?
ЗИНА. Бабыкин! Трепло. Деньги взял? Дуй!

Титов как-то болезненно содрогнулся при виде уходящих денег, но осененный какой-то идеей, затих вдруг. Валерка рассовал деньги по всем карманам.

ВАЛЕРКА. Так я пошёл?
ЗИНА. А ты ещё здесь?
ВАЛЕРКА. Уже нету меня!
ЗИНА. Стой!
ВАЛЕРКА. Опять – вот он я!
ЗИНА. Ты сервилатику купи. Ветчинки. Шоколадок на сладкое. И винограду – дамских пальчиков. У чёрных виноград и груши купи, дюшес; купи гранатов.
ВАЛЕРКА. Я извиняюсь. А запивать?
ЗИНА. У Смоложуя, у Славки. А-то брали уже у чёрных-то – вот теперь – запиваем! *(Титову*) Да вы не грустите, мы весело помянем!
ВАЛЕРКА. Так я пошёл?
ЗИНА. Гад ты, что ли?
ВАЛЕРКА. Исчез! (убежал, путаясь в ногах).
ЗИНА *(Титову*) Жизнь у нас в Дракино текёт медленно.

Титов мрачно молчит.

Правильно. Минута молчания. Не каждый день близкие люди умирают.
ТИТОВ. Зубы были – обыкновенные!
ЗИНА. Если зубы у тебя болят, то мы можем. Полуклинику у нас сломали, так мы сами успешно лечимся.
ТИТОВ. Я абсолютно здоров.
ЗИНА. А я вижу! Ты вот скажи мне, Герман Титов, вот самолёты стали каждый день биться. Может они рулить разучились? Или… запрет какой вышел на полёты в небесах?
ТИТОВ. Мой отец, Андрей Фёдорыч Титов, работал в КГБ. Он жёг запрещённую литературу. Прямо во дворе КГБ. Оно стояло буквой Г. А я маленький, таскал из огня книжки. Они были опасны для государства, и папа их жёг по заданию партии. Я же невинно азартно таскал, ласкал горячие страницы. Огонь возбуждал детский неокрепший организм, и смертельно поражали смятенно мятущиеся чёрные в алом буквицы. Бесповоротно грозно они уходили в никуда. Уходили, как советские войска в сорок первом. Ещё виделась птичья голова с тонким длинным клювом. Клюв сглатывал слёзоньки детоньки. Птица дремала. Пел огонь. Отец мой сухощавый высился по ту сторону пламени. Загадочна была ярость его. Я приближался к огню всё ближе и ближе, ближе и ближе. Серые глаза отца смотрели на меня сквозь пламя, не мигая. Я мечтал стать для отца интересным. Меня вынули из огня. Органы удивлялись – ожоги где? Некая длинноклювая птица охватила меня серыми крыльями –

дымом… в пламени шелестели спелые книги. Птица пела вот так: а-а-а-оо-еее… Всё КГБ меня баловало. Я брал любые книги из огня. Я был дитя. Мне разрешали.
ЗИНА. Прямо уже летать страшно.
ТИТОВ. Мне снятся сны.
ЗИНА. Может, запретили летать, а люди ещё не знают?
ТИТОВ. Океан. Небо. Из океана в небо немыслимых объёмов ледяной столб. Это нестерпимо красиво. И страшно. Почему? С пяти лет. И он прозрачен. Неизмерим в прозрачной глубине. Вода – плоть без разума. Лёд – муж воды?
ЗИНА. За людей страшно. За девушек – бортпроводниц. С неба навернись-ка… В синей юбочке. В туфельках-шпильках. Врагу не пожелаешь. Кувырк-кувырк – а если я как раз внизу тут прямо и стою?!
ТИТОВ. Я простор люблю. В просторе – тихость. Ищу везде. Татарскую степь ненавижу, боюсь до усрачки. Простор среднерусской прибитой низины. В ней моя тихость. В ней покой левитановых рощ. В ней Алёшунка-дурочка товарища Васнецова. Выпуклые богатыри. Я патриот. Тишайшей неразгаданнешей страны. Но тихость только во сне. Она в шерстяных носках. Шур-шур. Страшно. С пяти лет вздрагиваю. Почему? Я ведь живой человек. В чём-то – как все…
ЗИНА. Слушай, Герман Титов, давай Америку помянем? Снится плохое об ней.
ТИТОВ. Я не пью. Алкоголь искажает восприятие. А я хочу всё видеть чётко и ясно. Я хочу понимать хоть что-нибудь.
ЗИНА. Давай, пригубь хоть! За здравие.
ТИТОВ. Хорошо. Пригублю.
ЗИНА. Будь здоров, США!

Выпили.

ТИТОВ. Я зачем про свои сны рассказываю? И чего я тут жду? А иногда я кажусь себе маленьким злым гномом карловидным. А детей у меня нет. Холост. А в груди у меня застряло рыдание. Напился-таки, идиот…

В это время происходит два события. С печки скатывается какое-то чудище, а на плечо Титова вспрыгивает облезлый, весь в пятнах зелёнки, кот.

ТИТОВ *(напряжённо)* Это кто на мне?
ЗИНА. Точно – не ритуальный! Щорсик подлянку чует! К чужому ластиться не станет! Честный вы человек, Герман Титович!
ТИТОВ *(тихо)* Убрать!
ЗИНА. А зря! Я его зелёнкой мажу. Он своим лишай не передаст. Бриллиантовой зеленью!
ТИТОВ. Задавлю!
ЗИНА *(пугаясь*) Иди, Щорсик, иди к матери к своей, иди, сына моя хвостатая. На вот, полежи на подушечке.

Зина бросает кота на кровать.

Старенький совсем. Слепой. А усы всё- ж- таки славные!

Пугало с печки подбрело к Титову.
Титов делает защитный жест.

АНДРЕЙКА *(Пугало*) У нас баня сгорела
ЗИНА. Опять врёт! Она сгорела, но ты, Андрейка, говоришь, как врёшь!

Дед Андрейка долго взбирается на табурет за общий стол.

АНДРЕЙКА. Когда баня горела, покойник, Пётр Елисеевич, сильно убивался. А потом привыкли – в речке моемся. Зимой моржуем.
ТИТОВ. Он – кто? Он - человек?!
ЗИНА. Он врёт. К Елене мы ходим мыться, к агрономше нашей. Красавица. Такая красавица! И справедливая!
АНДРЕЙКА. Теперь ты врёшь! Красавицы справедливыми не бывают. Вихревой каприз – они!
ЗИНА. Елена за станцией живёт. В квартире. Что ты! У ней ванная! Духи! Зеркала! Всё Дракино к ней ходит на помывку. По графику.
АНДРЕЙКА. Старый я. Не помню я, сколько мне годков. Не помню лет своих.
ЗИНА. А ты не томись. Живёшь и живи!

Титов вскакивает, подбегает к окну.

ТИТОВ. Вон, вон, за полем, на взгорке – мой дом!

Зина подбегает к окну, смотрит, потом – на свой гобелен.

ЗИНА. Это не дом. Это интервенция. Сроду на Руси таких домов не было! Русский барин ленив был, у него усадьба низкая и длинная. Его в твои разные башни калачом не заманишь. Вот, Тит, глянь – коврик трофейный, Пётр Елисеевич с Германии привёз. У них – да! А я всё думаю – кто этот замок нерусский выстроил?
ТИТОВ. Я хотел – высоко. Чтоб простор. Чтоб воздушные слои омывали. Чтобы светы сияли от утра до вечера. Чтоб средь звёзд летнего русского неба самолётик мирно мигал… И я на диване. Неторопливые мысли о разном. Благородные книги. Чай с булочкой. А к окну подойду – ваше Дракино кособокое в низинке валяется. Сердцебиение сразу, нервы, изжога…
ЗИНА. Наше Дракино низенькое, Тит Германович. Ты поверх нас смотри.
АНДРЕЙКА. У царя, помню, у Николая Второго – вот такие усы! Или у Первого? Который глазастый ещё был? Пучился всю дорогу? Глянет – душа в пятки.
ЗИНА. Ври, Андрейка, ты столько не живёшь!
ТИТОВ. Я специально на возвышенности построил. И все эти башни – ещё больше вверх! Я хотел, чтоб простор днём был. Чтоб воздушные слои ласкающе передвигались над спелой и нежной землёй. Чтоб замкнутой ночью, я, маленький, карлообразный, не очень боялся. Когда из океана – вонзается в небо ледяное неизмеримо грандиозное столбище, сияющее насквозь сине-зелёною вздыбленной бездной, я бы – скок с кроватки, пробежался до тумбочки, тяпнул рюмашку горючей водчонки и быстренько юркнул бы под одеяло пуховое… зная, что утром омоюсь я умилительно ласковой зорькой, июльской и тёплой… - во все стороны – свет и я, свежеумытый – чай в окошечке пью!
АНДРЕЙКА. Живу.
ЗИНА. Ну и живи.
АНДРЕЙКА. Ну и буду.
ТИТОВ. Ночью простор – не-простор. Бездна он. А днём приятный. Поля. Вьюнки. Даль.
ЗИНА. Через нас смотри в даль. Мы пригнёмся.
ТИТОВ. Почему я временами гном? Карлообразный. Хоть и богатый. Я все книжки прочитал опалённые. Одно и то же – все ищут простора. А сами – гномы. Правильно папа их жёг. В итоге он и заботился о народе своей страны. Хотя народ КГБ не любит. Даже не всегда удобно сказать, где твой папа работал.
АНДРЕЙКА. А я видел, как человек горел.
ЗИНА. Врёт!
ТИТОВ. Писатель?
АНДРЕЙКА. Китаец. В Китае это было.
ТИТОВ. А в моих снах этот ледяной столб поднимается из океана, достигает неба и снова погружается в пучину. И тогда члены мои пронзает смертная тоска. Я просыпаюсь - эхо убегает от меня. Я один, и подушка в слезах.
АНДРЕЙКА. В позатом веку жгли того китайца. Орал он сильно. На Великой Китайской стене это было.
ТИТОВ. Ночью я кричу. Но поймать свой крик не могу. Проснусь – только эхо. Оно гуляет в доме, а я лежу и молчу уже. Не догнать.
ЗИНА. Андрейка, ты мне человека вдребезги размотал всего!
АНДРЕЙКА. Всех видел! Царей видел! Пугача – как ему ноздри рвали, а потом уж косточки чёрные дробили – видел. Глубже взглядывал. Соловьишку в гнездище его поганом видел… Княгинюшку чернокосую Олюшку с голубкой у губочек… Я их видел – а они меня – нет. Я незаметный человек.
ТИТОВ. Скажите мне, Зина, этот старик, он болен шизофренией? Или, как я – страдает сновидениями?
ЗИНА. Ты не поверишь, Титович, с пелёнок его знаю. Всё старик. Всё Андрейка. И шапка заячья. Весь год.
АНДРЕЙКА. У старых людей уши мёрзнут. А темечко опять худое, как у младенцев. Показать?
ТИТОВ. Не надо.
АНДРЕЙКА. Так поверишь?
ТИТОВ. Так поверю. Я старость, чёрт, уважаю!
ЗИНА. Ещё Пётр Елисеевич говорил – Зина, Андрейка притащится, пускай живёт, сколько хочет. Не спорь даже! Супруг велел – я выполняю.
АНДРЕЙКА. Зин, он наивный?
ЗИНА. Титович, что ль?
АНДРЕЙКА. «В честь».
ЗИНА. Наивные дети. А «В честь» - то ли гном, то ли нервноистощённый олигарх.
ТИТОВ. А почему мне не дико вас слушать? Своеобразное какое-то чувство охватывает… *(вспомнил*) А я ведь пришёл-то… дело у меня… деликатное.

ЗИНА. Ясное дело. Отца помянуть! Ну, надо ж, как совпало! Нашему-то девять дней. А вашему – весь год! Притянуло, значит!
АНДРЕЙКА. Зина, у него в глазу рябь.
ЗИНА. Уж рябь сразу!
АНДРЕЙКА. Говорю - рябь!
ТИТОВ. А я и не говорил, что я не мошенник! Что не бандит – да! А мошенник – мне бизнес делать!
ЗИНАИ делай.
АНДРЕЙКА. Что, своё дело? Палатка с вином?
ТИТОВ (*Зине*) Я пришёл вас обмануть.
ЗИНА. И обмани, Тит Германыч! Раз хочется, так и обмани! От всей твоей души. Размахнись!
АНДРЕЙКА. А палёную водку не ты продавал, штоб наши все умерли?
ГЕРМАН. Я что, идиот?
АНДРЕЙКА. А я знаю?
ГЕРМАН. Я такими мерзостями не занимаюсь. Тем более такой мелочёвкой. Я дороги строю. У меня речной порт. Корабли. Я лес рублю. Какой мерзостный старик.
ЗИНА. А я согласна! (*Андрейке)* Отлепись, прилипало!
АНДРЕЙКА. А где им тогда жить, если ты дерево срубишь, Оне ж крылатые.
ТИТОВ. Язва у меня. А так бы я напился. Вы зачем моё имя коверкаете?
ЗИНА. Это не твоё имя. Под ним другой человек просиял.

На лавке, где, казалось, лежит куча цветных тряпок – движение. Встаёт хорошенькая девочка-цыганка. ТАНА.

ТАНА. Тётя, цыгане не приходили?
ЗИНА. Пока не приходили, Тана. Они в Румынии. А у нас человек новый. Тит. В честь ракеты!
ТАНА. *(Герману*) Деньги есть? Кушать есть?! Помогай – помогай!
ЗИНА. Тана! Он во сне кричит! Его небо зовёт!
ТИТОВ. Я не космонавт. И я не Тит. Герман Титов и всё!
ТАНА. Тётя, это по картам?
ЗИНА. Нет – в честь!
ТИТОВ. Зачем нужна цыганка? Я – честный мошенник. Я начитанный, образованный человек. А это – черновлажное лепестковое мельтешение – вмиг обчистит!
ТАНА. Наши цыгане богатые. Люди.
АНДРЕЙКА. Я видал людей. Весёлые.
ТАНА. Старик! Дедушка. Цыгане ни для кого. Они идут сквозь. Они, как песок.
АНДРЕЙКА. Ась? Тана, дочка, ухи у меня заросли. Ори прям в голову.
ТАНА. А я цыганкой была, всё-всё умела. Шпагат. Двойное сальто. Воровать умела. А теперь забыла. Тётя, теперь я кто?
ТИТОВ. Гном, кажется. Ну. Конечно, смугло-кудрявый гном!
ТАНА. Гном – это кто такой? Это русский? Это не цыган уже? *(смотрит на свои ладони)* Где, куда идти – я не ведаю. Я не хочу быть русским. Я цыганская дочь! Я не люблю русских!
ТИТОВ. Будешь, как миленькая! А что любишь – такого не будет!
ТАНА. Почему? Тётя, почему он так горько сказал?
ЗИНА. У него язва желудка.
ТИТОВ. Потому, дура цыганская, что ни у кого нет, что он любит. Ни у кого! В мире!
ТАНА. А что тогда есть?
ТИТОВ. Течение, дура, жизни.
ТАНА. У всех гробы тёмные. А у цыганов светятся.
ТИТОВ. Врёшь!
ТАНА. Дай денюжку, скажу.
ТИТОВ. Не дам. Я олигарх. Мне это тяжело. Я даже у психиатра пробовал лечить эту окаянную страсть к деньгам.
ТАНА. Ну и как?

Титов молчит.

ТАНА. Хорошо, я тебе даром скажу, жадный русский. Цыган хоронят в стеклянных гробах.
ТИТОВ. Спящие красавцы?
ТАНА. Да! Спящие красавцы! Им невмочь в темноте, невмочь!
ЗИНА. Товарищ Тит, она маленькая, она контуженная. Дитё же.

АНДРЕЙКА. Когда я был маленьким, я в другой стране жил. Забыл – где. Вроде – здеся, только чуток повыше. Как найти такое?
ТИТОВ. В итоге я понял. Или вы издеваетесь все, или глубоко несчастные люди. Хоть и в противном обличие.
ТАНА. Русский, дай денюжку?
ТИТОВ. На тебе рублик.

Титов даёт Тане монетку.
Тана играет монеткой.

ТАНА. Тётя, я боюсь, цыгане вернутся, они вас обворуют.
ЗИНА. Тана, цыгане по-другому не могут.
ГЕРМАН. Вот, вы, Зина, даже и не спросите, как же я решил вас обмануть?
ЗИНА. Гера, не обманул ещё? Я уж думала – позади это.
ГЕРМАН. Мне нужен простор.
АНДРЕЙКА. А правда, чё-то счастья нигде нету!
ГЕРМАН. Мне не нужно вашего счастья, старик в заячьей шапке! Простор. Необъятный.
ТАНА. Пустыня – простор. Кара-Кумы.
АНДРЕЙКА. Тихий океан – простор. То – бедуины. То – водоплавы.
ГЕРМАН. Нет-нет! Поля и небо! Среднерусский – умеренный дневной простор. То зной, то вдруг унылая прохлада. Трава в простых цветочках. Лишь безобразит вид ваш дом!
ТАНА. Как они там, в Румынии?

Тана садится на лавку и нижет бусы из ягод рябины, нашёптывая на каждую ягоду.

ТИТОВ. Это зачем она так?
ЗИНА. Это цыганская контузия.
АНДРЕЙКА. А в энтих полях умеренных не заплутаешь? Может пустыня послабже будет?
ЗИНА. Мы с покойником, Петром Елисеевичем, Тану-цыганку в поле нашли. Табор ушёл, а она лежала одна. Девочка.
АНДРЕЙКА. Было время весёлое, русский барин заскучает средь полей-то и на цыган выпрется. Рубаху рванёт на груди. Дотла промотается. Чибиряшечка!
ЗИНА. А ты откуда знаешь?
АНДРЕЙКА. Знаю. Пуля в лоб.
ЗИНА. Врёт он всё! Короче! Лежит девочка в Иван-чае, а у самой голова липкая. У цыган волос густой, кучерявый, мы даже не сразу рану нашли. И тело всё… сволочь какая-то бешеная искусала всю. Мы с покойником в больницу, а у ней страховки нету. Тогда мы сами. И коза наша Милка. Втроём выходили цыганку.
ТАНА. Правда, тётя, правда! Помню, чёрный такой, зубы железные. Навис. Я укусила. Он ударил. Не помню.

Тана от волнения грызёт свои бусы из рябины, съедает одну ягодку.

ГЕРМАН *(трёт виски*) Так. Так. Так. Ну что ж. Всё это очень интересно, уважаемые… скажите мне, Зинаида, я вам давал три тысячи рублей?
ЗИНА. Давал.
ГЕРМАН. Все слышали?
ЗИНА. Все.
ГЕРМАН. Где они, три тысячи?
ЗИНА. Сейчас придут.
ГЕРМАН. Так кто у нас наивный?
АНДРЕЙКА. Ты! Ротозей! Ухошлёп!
ТИТОВ. Я-то в порядке! А денюжки – где?
ЗИНА. Простите вы нас, Германида Титовна! Мы стараемся, угождаем, как можем.
ТИТОВ. А я вам вот что скажу. Эти деньги украли! Плевать, что вы обзываетесь!
ТАНА. Врёшь! Я не брала! Сволочь! Титя сучья! Чтоб тебе покойница грелкой была! Чтоб тебя в мокрой земле хоронили! Чтоб ты ссал и Тану вспоминал!

Тана прыгает в погреб.

АНДРЕЙКА. Титюшка Германская, я лично денег в руках не держал с одна тыща семьсот…
ГЕРМАН. Молчать! Всем молчать! Деньги украл урод Бабыкин!

ЗИНА. Свёклу. Это всё Дракино ворует. Красавица Елена – агроном кричит – свекла пестицидная, перетравитесь! Бабыкины особо охочи до свёклы. Они на голову слабые по мужской линии. Товарищ Германович, денег Бабыкин не крал. Денег в Дракино никто не крадёт. В Дракино денег нету.
ТИТОВ. А мои три тыщи?!
АНДРЕЙКА. А чё твои три тыщи на наших на просторах?
ЗИНА. Вот придёт Валерка, я ему шею намылю, что ждать заставил.
ТИТОВ. В бегах он уже… Я чувствую…

Входит Валерка весь в колбасе и свёртках.

ВАЛЕРКА. Вот он я! Киш-миш даже нашёл! Чёрные жадные, но Бабыкины жаднее! Сбил-таки цену! Помянем с миром!
ТИТОВ. А теперь слушайте. Я вам деньги дал – вы взяли. Назад пути нет. Вы колбасы купили. А я вам впрок дал, чтоб вы жили потом, чтоб дом ваш сломать, а у вас деньги были. Из моей башни мне на вас смотреть противно. Я хочу холодную природу видеть, а не вашу мучительную избёнку. А про хрустали и океаны я наврал для смеху. Для поддержания идиотского разговора. У меня серьёзный, холодный характер, будьте уверены! Миллионер я и бизнесмен. Я хочу отдыхать красиво. Чтоб к завтрашнему дню вы из этой халупы съехали. Слышите рокот? Это бульдозеры идут. Здесь будет ровно. Здесь будет газон. Возможно, розарий. И уж несомненно – фонтан!

Герман уходит.
Все потрясённо выпивают.

КАРТИНА 3

Ночь. Полнолуние. Река. Высокие травы. Кусты. Ивы. Нескончаемое лето.
ГЕРМАН прячется в кустах.
Входит ТАНА. Тана снимает юбку, полощет её в реке, развешивает на кусте.

ТАНА. Ляля.
Тана снимает вторую юбку, полощет её в реке, развешивает на другом кусте.

ТАНА. Сона.
Тана снимает третью юбку, полощет её в реке, развешивает на третьем кусте.

ТАНА. Лорина.
Тана снимает четвёртую юбку, полощет её в реке, развешивает на четвёртом кусте.

ТАНА. Зара.
Тана остаётся в белой рубахе. Входит в воду, окунается с головой, выходит. Разводит руки в стороны.

ТАНА. Теки, вода, по белой рубахе, по цыганскому телу, по… как дальше? Забыла…

Тана злится, сдирает рубаху, топчет её.
Тана нагая. На груди шнурок. На шнурке рублик, подаренный Германом.
Тана успокаивается, принимает важную позу.

ТАНА. Гипотеза! Цыгане вышли из Индии. Догадки. Домыслы. Размышления. Сидят в своих домах под лампами, пишут глупости про цыган.
Цыгане идут, идут, идут. У цыган нет богов, совсем ни одного. У цыган золота много. Они воруют детей. Цыгане никогда не умирают, потому что идут, не останавливаясь. Цыгане отличные воры. Цыгане ничего не знают. Цыгане гадают наугад. Цыгане пляшут и поют. Пляшут вот так вот.

Тана пляшет.
Заметно движение в кустах.

ТАНА. Перестань же ты ходить за мной, горестный Бабыкин! Ты ведь знаешь, я цыганка!

*Выходит **БАБЫКИН***

Теперь он стройный, красивый парень.

БАБЫКИН. Тана. Цыганочка… Возможны смешанные браки. Примеры есть!
ТАНА. Почему ты не заикаешься? Почему не качаешься, Валерка?
БАБЫКИН. Не знаю. Что блестит у тебя на груди?
Т**АНА.** Рублик. Космонавт подарил.
БАБЫКИН. Он тебя никогда не полюбит. А я – навеки.
ТАНА. Убей Железные Зубы!
БАБЫКИН. Ты же знаешь, кто это! Всё Дракино от него стонет!
ТАНА *(дразнясь*) И Малые Сапожки! И Весёлые Глазки!
ВАЛЕРКА. Весёлые Глазки откупаются. Они богатые. Тем более, он сам оттудова. Тана! Это майор милиции Морин. Он творит с людьми, что хочет. Издевается ради одного удовольствия! В подвалах милиции.
ТАНА. Убей майора милиции товарища Морина.
ВАЛЕРКА. Тогда ты будешь моей, Тана?
ТАНА. Буду. Недолго.

Тана глядит на луну.

«Луна-луна моя, скройся.
Когда вернутся цыгане
Возьмут они твоё сердце
И серебра начеканят…»

Герман от неожиданности подскакивает в кустах.

ГЕРМАН. Бля!!! Вот бля!..
ВАЛЕРКА. У тебя такие чёрные глаза, Тана. И грудки у тебя маленькие. Ты дитё ещё, Тана. *(Глядит на луну).*

Герман от волнения чуть не весь уже выперся из засады.

ВАЛЕРКА.
«Не бойся, мальчик, не бойся,
Взгляни, хорош ли мой танец.
Если вернутся цыгане,
Ты будешь спать и не встанешь»
ГЕРМАН. Бля! Вот бля!
ТАНА. Цыганки в 15 лет уже по два по три цыганёнка родили. А мне весь мой живот разгваздал железными зубами майор милиции товарищ Морин. Убей его!
ВАЛЕРКА. Я так люблю тебя. Мне прямо везде больно от любви. Хожу-шатаюсь. Слова застревают в груди. Я прямо умираю весь от тебя, Тана. Но я сильно боюсь майора Морина!
ТАНА. Начёрта тогда ты нужен, Бабыкин!
ВАЛЕРКА. Нет, Нет, не исчезай! Жасмин меня душит, Тана!
ТАНА. Нежный синеглазый русский. Давай танцевать твой холодный танец!

Танцуют.
Герман окончательно выперся – весь на виду. Но танцующие не обращают на него внимания. Луна – полна.

ВАЛЕРКА. Люблю, Люблю, Люблю.
ТАНА. Любовь, когда жарко?
ВАЛЕРКА. Я убью Морина!
ТАНА. Убей! Убей!

Тана целует Бабыкина в губы, тот сжимает её в объятиях.

ВАЛЕРКА. Тана. Ты пахнешь водой и травой. Немного тиной, немного песком.

Валерка кружит Тану.

После убийства меня тут не схватят. Ты придёшь ко мне в тюрьму?

ТАНА. Нет.

ГЕРМАН. Сука цыганская!
ВАЛЕРКА. Всё равно. Я даже не успею прикоснуться к тебе больше!
ГЕРМАН. Лох!
ТАНА. Всё равно! Кружи меня, Бабыкин! Я всё-таки ещё маленькая девочка. Мне нравятся карусели. Ребёнка любят кружить!
БАБЫКИН. Убийством я обреку себя на разлуку с тобой и с небом, Тана!
ТАНА. Ах, ведь я цыганка. Цыганское дитя со всеми в разлуке, Бабыкин.
ВАЛЕРКА. И руки мои будут в крови, Тана.

*За спиной Германа появился майор милиции **Морин**. Герман страшно испугался.*

МОРИН *(Герману*) Замри. Спугнёшь!
ГЕРМАН. Вам чего?! Вы – он?!

Морин улыбнулся. Зубы железные. Герман это увидел.

Вы – преступник. Оборотень в погонах!

МОРИН. Всё слыхал? Всё видал? Свидетелем пойдёшь.

Герман переживает услышанное.

ГЕРМАН. Я доносы не пишу.
МОРИН. Замри!
ТАНА. Я твои синие глаза поцелую, Бабыкин.
ВАЛЕРКА. Это к разлуке. Ах, нет!

Тана целует Бабыкина в глаза.

ВАЛЕРКА. Я чувствую… она приближается… разлука с тобой, Тана!
ТАНА. Не грусти. Смотри, что цыганка умеет!

Тана делает «солнце» - с рук – на ноги – прыжок. Потом «мостик».

МОРИН *(вопит*) Стоять. Всем – стоять! Руки вверх!

Герман от страха присел и зажал уши.

ТАНА *(вскочив, визжит*) Это он! Железные зубы! Убей его, убей, Бабыкин! Мучитель!

Бабыкин бросается к Морину. Морин стреляет. Бабыкин бредёт к Тане, обвисает у неё на руках.

ВАЛЕРКА. Не успел. Всё равно бы потерял тебя, цыганка. *(умирает)*

Тана отталкивает мёртвого.

ТАНА. Ничего не можешь. Умереть только смог – бестолочь! *(Морину*) Ты, сволочь с железными зубами, цыгане придут и убьют тебя…
МОРИН. Не придут!

Морин стреляет в Тану.

ТАНА (*умирая*) Цыгане не умирают, русский ты дурак.

Герман вскакивает.

ГЕРМАН. *(Морину*) Вы их убили!
МОРИН. Натюрлих.
ГЕРМАН. Вы что, больной? Вы их убили. Застрелили. Из пистолета. Совсем ёбнутый.

МОРИН. Лови!

Морин бросает Герману пистолет. Герман машинально ловит. Морин достаёт платок.

МОРИН. А теперь дай обратно. Пальчики твои возьмём.
ГЕРМАН. (изумлённо) Да ты и в самом деле дерьмо! Вот дерьмо-то!

Герман стреляет в Морина и убивает его.

Я совсем не ожидал. Я такого никогда не видел. Господи, что теперь будет?! Кто эти люди все? А – я?!

КАРТИНА 4

УТРО В ДОМЕ ЗИНЫ
Стол, накрытый к чаю.
Зина чаёвничает. Рядом два кота.
Из открытого погреба полувылез – лёг грудью на пол и спит Герман Титов.
Андрейка спит на табурете у двери.
Дверь отлетает наотмашь. Поток солнечного света врывается. Вместе с ним – красавица-агроном ***ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА****. На ней брезентовая роба, кирзовые сапоги.*

ЕЛЕНА (*зычно-простуженно*) Есть кто?

Слышен рокот трактора. Длинные крики баб.
ТИТОВ *поднимает голову, болезненно щурится на Елену, сияющую в световом проёме.*

ТИТОВ. Вы за мной?
ЕЛЕНА. Смотря кто вы!
ТИТОВ. Герман Титов.
ЕЛЕНА. Точно!
ТИТОВ. Не космонавт!
ЕЛЕНА. С приземлением вас!
ГЕРМАН. Слушать противно!
ЕЛЕНА. Зинка!
ЗИНКА. Ась? Еленушка Николаевна! (Герману) Это красавица наша, душа справедливая, хоть и строгая! Агроном наш вечноцветущий! Еленушка, гордость совхозная, ненагляда приречных деревень, к столу, не обижай крестьян!
ГЕРМАН. Эту ночь я запомню навеки. Спросите меня – почему?
ЕЛЕНА. Зинаида, бабы с утра в поле, тебя одну опять не видно!
ЗИНА. Так я ж оладушков напекла. Покушай от души, Николавна. Со сметанкой. Сёмужкой прикусывай малосольной.
ТИТОВ. Но он, в свою очередь, убил ещё двух человек!
ЕЛЕНА. Так. Понятно. Лучкова, ты гостя своего свёклой потчевала?
ЗИНА. Окстись, агрономша!
ТИТОВ. К тому же он первый начал. Я и так чуть не рехнулся от удивления, а тут ещё и он вылез. С зубами с этими…
ЕЛЕНА. Лучкова. Воруешь, воруй. Все воруют. Ешь ты её – ешь, все едят. Наши к пестицидам адаптированные. Но ты чужих-то не трави хоть, а!
Имей совесть!! Они ж три месяца распадаются!
ГЕРМАН. Я убил майора милиции. И не жалею!
ЗИНА. Лёля, вчера поминки справили. Два покойника. Угостить надо было чем?
ГЕРМАН. Три! Плюс два… Один из них мой папа годичной давности. Один… в кумаче где-то замотался. И три на чёрной и мокрой поляне, где зло блестит река под мертвенно бледной луной.
ЕЛЕНА. Картина до боли знакомая. А прополка свёклы меж тем идёт своим чередом. Лучкова, ты как? Тебе особое приглашение, или сразу – докладную писать?
ЗИНА. Иду, иду, я разве отказываюсь! (*засуетилась).*
ТИТОВ. Подождите. Я здесь не останусь.

Герман червём выползает из погреба.
(Елене) Помогите мне встать.

Елена помогает Герману встать.

ЕЛЕНА. Вы прямо в этом и летаете? На саван похоже.

На Германе белая, до пят, рубаха.

ТИТОВ. Нет. Не в этом. А это цыганкина рубаха. А где мое - того не знаю. От «Хьюго Босс»…
ЕЛЕНА. Лучше б я на фельдшера выучилась, в городе б жила, чем в земле копаться с ленивой и коварной деревенщиной.
ТИТОВ (*неожиданно жарко*) Да, да! Это намного лучше! Убеждён, там ваш труд оценили б… (*смутно*) И правда, редкая красавица. Где я видел это лицо?
ЗИНА. У Елены высшее образование. ВУЗ.
ТИТОВ. У меня тоже. Прощайте. Где тут выход? Я домой хочу.

Титов бродит по дому, ощупывая стены. Наткнулся на табурет. Проснувшийся ***Андрейка*** *суетливо-угодливо подбежал и убрал табурет. Титов смотрит на освободившееся место, осторожно ставит туда ногу, вторую. Утыкается лицом в стену. Потом, тратя неимоверные усилия, «отлепляется» от стены и бредёт дальше, в поисках выхода. Адрейка, на полусогнутых семенит рядом, сочувственно заглядывая Титову в лицо.*

ЕЛЕНА. Короче – тракторист допился, упал, нос сломал.
ЗИНА. Валерку возьмите. Валерка непьющий, парень серьёзный…

Титов тем временем, в поисках двери упёрся в комод. Пытается влезть на него. Андрейка суетливо убирает вазочки с комода. Повозившись с комодом, Титов бредёт дальше вдоль стены и доходит до дверного проёма. Но свет, резко бьющий с улицы в дом, пугает Титова, он шарахается от него прочь – к другой стене. Андрейка - за ним.

ТИТОВ (*бормочет*) Пожар где-то…

Титов начинается биться телом в стену. Вначале тихо, а потом всё сильнее и сильнее.

ЕЛЕНА. Валерку я б взяла, да кособокий он какой-то…
ЗИНА. В трактор залезет – кто увидит?
ЕЛЕНА. Так-то оно так…
ТИТОВ. Мама…
ЕЛЕНА. С другой стороны – трактор не танк, красоваться нам не перед кем…
ТИТОВ. Можно выйти?

Титов побрёл обратно и вновь стал перед открытой дверью. Боязливо ёжась в солнечном свете, бьющем в проём, Титов обхватил себя руками.

Жжётся. Укажите мне, пожалуйста, на дверь.

Андрейка зацепился за пустое ведро, оно загрохотало, Титов увидел выход. Титов уставился в дверной проём. Осторожно переступил порог, будто за ним не деревенский весёлый двор, а бездна. Солнечный поток сомкнулся за ним.

КАРТИНА 5

ДЕРЕВЕНСКАЯ УЛИЦА
Титов идёт по улице.

ТИТОВ. Отец мой. Ты умер. Я целый год не верил в это. Ты пошёл погулять в поля русские, тебя укусила какая-то гадина, ты сгорел в одночасье. Летательный исход. Пока тебя в алых шелках, в чёрном бархате не положили в печь, я всё думал – встанешь. Не встал. Говорят, в крематории, от высокого огневого накала покойник садится в гробу. Сгорает сидя. Сжатие мышц. Ты просил урну с тобой не хоронить. Ты боялся под землю. Ты просил запустить её в космос. Но это очень большие деньги, отец, гораздо большие чем, на которые сжигают чужие книги. Я ещё столько не заработал, папа. Папа, я любил тебя, да, мой отец. Приходя с работы, ты, усталый, сажал меня на острые свои колени, и я думал, что ты сожмёшь меня, как пустой орех. Но ты гладил меня по голове чуть

дрожащей рукой. Твои сильные узловатые пальцы. Мать тихо звала тебя ужинать. Ты спускал меня с колен, и, скрипя ремнями, устало шёл в столовую. Или тогда уже не было ремней? Портупея называется. Серый, строгий, двубортный – пистолет на крестце. Знаешь, отец, в моём доме много комнат, башен, переходов и тонкая сеть потайных комнат. Но ни одного подвала. Сплошной монолитный фундамент. Этот особенный, сладковатый и тёмный запах. Отец мой, я любил тебя! Ты восхищался достижениями нашей Родины. Ты презирал отсталый Запад. Ты был аскет. Ты знал, что я стану космонавтом. «Земной шар будет наш, сын», - говаривал ты порой. Ты по утрам делал зарядку под громкое радио. «Это запах моей работы», - говаривал ты порой. В пять или в шесть… Сны мои! Мои чёрные океаны! Когда вы нахлынули на меня? Вы поглотили малыша. Поглотили. Совсем поглотили! Отец, успокойся, пожалуйста, успокойся! Ты в надёжном месте, в прекрасной хрустальной урне, в освещённом сейфе, в швейцарском банке. Тебе никогда не темно. И ты будешь запущен в космос. Это говорю тебе я, твой Герман Титов.

КАРТИНА 6

Дом Германа Титова. Это ново-русский, ложно-готический «замок». Окна – узкие бойницы. Витражи. Огромный, круглый зал – библиотека. Выпуклый потолок – стеклянный, от этого небесные движения меняют атмосферу в библиотеке.
Среди роскошной мебели обжитой диван – развалюха.

Титов в уютном спортивном костюме лежит на диване. Книга падает из рук…

ГЕРМАН. Сейчас крикну.

Долгая пауза.

Надо же, какое дружное молчание кругом! (*кричит*) Э-э-эй!..

Эхо несётся по дому.
Титов, довольный, повернулся на другой бок, бормочет:

Вот пусть оно теперь бродит по дому. Мой голос без меня. Мой бывший крик. Я уже молчу, а он не знает – усердно бродит. Я уже думаю про другое.
Я уже снова заговорил, а он – бродит. Эхо. Оно не понимает, что существует время и воля пославшего его. Оно думает – оно мой голос. А я давно уже отрёкся от него. Я уже изменился. Постарел. Я уже даже уснул. Всё. Сплю. Эхо – ты осталось совсем одно. (*Притворяется спящим*).

Титов садится на диване.
Эхо всё звучит.

Захочу, спрячусь в потайную комнату. Когда эхо обойдёт дом и вернётся – на диване меня не обнаружит. Это будет что-то! Это будет ого-го-го!

Герман подходит к книжной полке, нажимает на рычаг, полка открывается, как дверь.
Герман прячется, полка становится на своё место.
Ослабевшее, истончённое эхо, возвращаясь обратно, обретает силу, становится женским: «Э-э-эй!!!»
*Вслед за эхом входит агроном **ЕЛЕНА**.*
Елена смотрит вверх на стеклянный потолок.

ЕЛЕНА. Ой, небо! Небо! Правда, небо! Нет, честно, небо это! Надо же, небо! А ну-ка, а вот так если… (*легла на диван и смотрит вверх*) А так облачка плывут… щекотно. Лечу я… какой простор! Прелесть! Нет! Меня застанут! *(встаёт с сожалением*). Прилично ли, что я вошла без спроса? Да разлеглась! Да загляделась в небо! Скажут – ротозейка. Нахалка. Ждать буду здесь. Он придёт, а я деловая, собранная. Говорю суховато, отрывисто. С деревенской грубоватостью.

Нервно ходит вдоль полок, рассматривает книги.

Какой начитанный человек! О, «20 тысяч лье под водой!» Моя любимая книга! Раз, два, три… пять штук! Зачем пять? А где тогда полные двадцать таких же? В честь лье? Какой неточный человек!

Елена вынимает все пять книг.
*В проёме – лицо **Титова.***

Смотрят друг на друга.
Молчание затягивается.
Елена, не зная, как выйти из положения, ставит книги обратно, закрыв ими лицо Титова.

Неудобно как-то. Будто застала за… плохим. Ах, чёрт! Я, в конце концов, не девочка! Я агроном, представитель совхозного руководства. *(стучит в книги).* Гражданин Титов! Можно вас на минуту!

Полка отъезжает – с обратной стороны на ней ***Титов****. Спрыгивает. Полка становится на место*.

ТИТОВ. Итак. Вы обнаружили моё потайное место! Оно было самое любимое!
ЕЛЕНА. Я не хотела вмешиваться. Я не хотела вникать. Я увидела любимую книгу в ожидании вас
ТИТОВ. Зачем вынули все пять?
ЕЛЕНА. Зачем вам пять? Я бродила. Искала. Вас нигде нет. Хотя в полях меня всегда слышно. Особенно в страду.
ТИТОВ. Вы в сапогах, а у меня паркеты.
ЕЛЕНА. Сама не заметила, как забрела так глубоко. Надеялась встретить вас у порога. Я прямо, знаете ли, с поля. В обед. Решила заскочить.
ТИТОВ. Прошу. *(Указал на кресло).*

Елена садится.

ТИТОВ. Курите. *(протягивает ей дорогую сигаретницу*).

ЕЛЕНА. Спасибо, я свои. (*закуривает «Беломор»).*
ТИТОВ. Пьёте?
ЕЛЕНА. Только водку.

Титов наливает ей водки. Себе – минералки.

ЕЛЕНА. Обожаю, когда пузырьки в стакане вьются… их 20 тыщ. Не меньше!
ТИТОВ. Желаете? Полезно для кишечника и почек.
ЕЛЕНА. Нет, я своё. (*Опрокинула рюмку, закурила).*

Титов наблюдает.

ТИТОВ. И всё же, я вас где-то видел!
ЕЛЕНА. Видели, конечно же! У гражданки Лучковой. У Зинки. Ну, черноглазая такая!
ТИТОВ. Не то! Не то!
ЕЛЕНА. Пока вы тут строились, я всегда в полях… здесь все друг друга видят.
ТИТОВ. Не то!
ЕЛЕНА. Тогда не знаю. Простите, если что не так.
ТИТОВ. Это похоже на эхо. Только наоборот.
ЕЛЕНА *(энергично*) Как член совхозного руководства… (*прыснула)* Такое у нас руководство – смех один – я да майор Морин, старик да баба… и всё же, товарищ, я должна вас известить… вы, конечно, частное лицо, не совхозник какой-нибудь… *(с мольбой*) бульдозерист мне очень нужен! Трактористы всё ж трезвеют потихоньку, но бульдозерист – никак! Погибаем!
ТИТОВ. Я, пожалуй, тоже выпью… невзирая на язву… (*опрокинул рюмку).* И. позвольте угоститься вашими. (*затянулся)*. Мой отец тоже курил «Беломор». Заметьте, не «Герцеговину Флор»!
ЕЛЕНА. И кем работал ваш родитель?
ТИТОВ. В подвале. Он больше - в подвалах. Теперь он умер. Год как.
ЕЛЕНА. Такое со всяким может случиться.
ТИТОВ. Да, он теперь под землёй. При жизни – в подвалах, а в смерти – и того ниже. Как-то всё тесновато. Темновато жил родитель. Его укусили, он умер.
ЕЛЕНА. А наши мужики все повально в горячке. Сезонных мы брать колеблемся, технику боимся, попортят. Молдоване они, что они там понимают!
ТИТОВ. Но я его очень уважал! Очень! Я всем обязан ему!
ЕЛЕНА. Кому?
ТИТОВ. Родителям, вузу, стране, бывшему комсомолу и собственному каторжному труду!
ЕЛЕНА. Тогда вы справитесь. Бульдозер такой многогранный человек освоит в миг.

ТИТОВ. Фактически всем, что я имею, я обязан себе. Он никогда не вмешивался в мой бизнес. Очень принципиальный был человек.
ЕЛЕНА. Да вы о ком, Герман?
ТИТОВ. Я всё о том же. В моём доме нет ни одного подвала. Монолитный фундамент.
ЕЛЕНА. А я потеряла нить беседы.
ТИТОВ. Я веду внутренний спор.
ЕЛЕНА. А мы – если оставим Москву без свёклы, совхоз наш признают нерентабельным. А у нас и так все пьяные. И тогда в полях наших будет не свёкла, а полынь до неба.
ТИТОВ. Вас, кажется, зовут Елена Николаевна?
ЕЛЕНА. У Зины мы с вами познакомились, Герман Титов, у Лучковой.
ТИТОВ. Как женщины лгать любят!
ЕЛЕНА *(потупясь*). Во лжи наша сила пред вами.
ТИТОВ. Отец мой ложь различал. В подвалах. На крестце у него был пистолет. Вот этот.

Открыл ящик стола, показал пистолет, положил обратно.

ЕЛЕНА. Вид оружия льстит любой женщине. В нём есть что-то опасное.
ТИТОВ. Опять ложь!
ЕЛЕНА. Да.
ТИТОВ. Оружие внушает страх!
ЕЛЕНА. О да.
ТИТОВ. Ложь! Опять ложь! Ложь!
ЕЛЕНА. О да, да! Ну что же делать с этим?!
ТИТОВ. Оружие вас возбуждает. Я вижу по вашим серым глазам это.
ЕЛЕНА. Я лгу беспрестанно.
ТИТОВ. Вам нужен был повод прийти ко мне.
ЕЛЕНА. О да!
ТИТОВ. Вы придумали самый дурацкий повод, что в голову взбрело – про бульдозер. Вернее, вы не удосужились ничего пристойного подобрать для визита. Откуда такая самонадеянность?
ЕЛЕНА. Я сирота. Мне не с кем было посоветоваться. Когда я шла к вам по тропинке через поле, я всё-таки немного робела. Бабы на грядах окликали: Елена Николавна, куда вы? Но я не отвечала. Махну им рукой, мол, обед, а сама иду. К вам. А сердце так бьётся: и сомнения, и робость, и голова болит.
ГЕРМАН. Вы? С вашей красотой? И вы как будто бы не знаете, что вам всё дозволено? Ведь знаете? Знаете?!
ЕЛЕНА. Да. Я знаю.
ГЕРМАН. И эта кирза. Эта роба. Выгоревшие на солнцепёке кудри. Ветер их разметал, и она не причесала их, идя сюда. Всё так продумано. Травинка вон прилипла к сапогу.
ЕЛЕНА. Я не замужем. Совсем. Я одна лежу в лугах.
ГЕРМАН. Ну так бери же меня! Мучь, терзай, рви, доводи до истерик и слёз, прекрасная агрономша! Смейся надо мной! Весь я – твой!
ЕЛЕНА. Я так и знала! Я так и знала! Ты отзовёшься, внешность обманчива, а сердце отзывчивое! Ты очень хороший человек, Герман Титов.
Бульдозер наш в прекрасном состоянии!
ГЕРМАН. Ложь упорствует. Но ты без этого не можешь. Ну хорошо, Елена Николавна, я принимаю вызов. Причина вашего визита?
ЕЛЕНА. Июльским предгрозовым полднем ты спрашиваешь прекрасную женщину о причине её визита?

Свет меркнет.
Гроза. Потоки бьются о стеклянную крышу и. кажется, что помещение в воде.

ТИТОВ. *(Как будто издалека)* Когда льёт, я как будто на дне океана.
ЕЛЕНА. Возьми меня!

Стеклянный потолок библиотеки освещается молниями и тогда видна библиотека и происходящее в ней.

На ручке дивана сидит обнажённая ***ЕЛЕНА*** *и ест персик.* ***ГЕРМАН*** *в трусах смотрит на неё.*

ГЕРМАН *(сквозь шум дождя*) Хочу слизать сок персика с твоих ключиц.

Елена с готовностью разводит руки в стороны. Герман слизывает сок с её ключиц, поднимаясь к шее…
Елена успевает быстро откусить от персика и. жуя, вновь разводит руки в ожидании ласк.
Герман отходит.

ГЕРМАН. Теперь скажи, зачем ты приходила?
ЕЛЕНА. (*Смотрит вверх)* Вода не проломит стеклянную крышу?
ТИТОВ. Нет. Не знаю.
ЕЛЕНА. Правда же, мы с тобой как будто на речке? Ведь похоже, да?
ГЕРМАН. Ты знаешь... Ты тоже там была!
ЕЛЕНА. Где, любимый?
ГЕРМАН. На речке. Всё объяснилось.
ЕЛЕНА. У нас речек две. Синичка и Банечка.
ГЕРМАН. На той, где чёрная поляна. Осока высока и режет ноги. И бледная над всем луна.

ЕЛЕНА. Синичка. Нет, моя радость. Я не была там. Детьми мы там ловили раков летними ночами. Жгли костры. Пели. Мой первый поцелуй остался где-то там.
ГЕРМАН. Но сейчас-то зачем лгать? Или в этом особая тайная радость? Лёгкий зуд, возбуждающий кровь? Ложное ощущение превосходства? Ведь ты видишь, я сдаюсь! Я готов на всё! Я не прячусь, не отпираюсь, как бы делал это злобный гном, гоняемый в подвале. С кровавой пеной на губах я не визжу, спасая шкуру. Я говорю тебе твёрдо: Синичка, луг, луна.
ЕЛЕНА. А вот что, Герман Титов! Пока что всё выходит, как ты хочешь. Не так ли? Папа мне говорил – сильный и опасный этот Герман Титов.
ГЕРМАН. Твой отец? Кто он?
ЕЛЕНА. А ты как думаешь? Майор милиции товарищ Морин мой родитель.
ГЕРМАН. Всё, что угодно… всё, что угодно… но не это!
ЕЛЕНА. Это!
ГЕРМАН. Елена, я так хотел тебя любить!
ЕЛЕНА. Возьми меня скорее. Пока ночь гремит июльскою грозою. Возьми меня, Герман Титов, я твоя!
ГЕРМАН. Люблю тебя!
ЕЛЕНА. Люблю тебя!
ГЕРМАН. Назло судьбе.
ЕЛЕНА. Судьбе навстречу!

Вспышка молнии и тьма.

Светает. ***ЕЛЕНА*** *одна. Германа нигде нет.*
Елена, потягиваясь, встаёт с дивана.

ЕЛЕНА. Гера…яишенку хочу с колбаской и чаю с молоком! Смотри, солнышко!

Встаёт, нагая, под потоки солнца.

Как же я тебя люблю, солнце моё! Одно ты знаешь, что мы вместе можем сотворить. (Поёт) «Я роза среди роз, сказала роза.
- Ты роза среди роз?
- Я роза среди роз.
- Ты роза среди роз, но где примета?
- О, мой июль, о, сердцевина лета,
Солнце, солнечная погибель.

Только что прибывало лето,
Уже на убыль.
Кровь черенков моих примета».
(Стихи Евг. ХАРИТОНОВА)

(грустно) Солнце моё, ведь у меня диплом с отличием, а специальность ботаник-селекционер. *(Бодрясь*) Но мне и агрономом неплохо! Ведь правда, солнце моё? Чу! Какой-то шорох. Так не ходят добрые люди!

Елена, озираясь, на цыпочках подходит к дивану, надевает наспех кожаную куртку Германа, перетягивает её ремнём. Потом вспоминает про пистолет. Прыжок – и пистолет пляшет у неё в руке. Оставаясь голоногой, голозадой, чутко крадётся.

Выходи!

Мелкий, убегающий топоток, как будто дети или гномы разбежались.

Любимый, я спасу тебя! Не знаю, кто это – но я их застрелю!

Елена резко наставляет пистолет во все стороны. Но в зале тихо, льётся солнце…

ЕЛЕНА. Почудилось, наверно. (Слегка сердясь) Но где же Герман? В магазин пошёл? Или утренняя пробежка? Буду ждать здесь. Где курево моё? (суёт руку в карман куртки Германа и… достаёт железные челюсти). Зубы майора! А он их обыскался! Перемалывает пищу дёснами. Какие, однако, злые шутки! Пожилой человек майор Морин никогда уже не накопит на новые зубы! Новым русским этого не понять. Некрасиво, Гера! Жестоко. Как они блестят, право!

Елена надевает железные зубы, смотрится в зеркало.
Входит ГЕРМАН с покупками: молоко, хлеб, яйца.

ГЕРМАН. Какой у тебя миленький задик!

Елена оборачивается, оскаля железные зубы, наставя на Германа пистолет.
Герман роняет продукты.

(в ужасе) Отец?! Но в чём моя вина?! *(Убегает).* Я не гном! Я твой сын! Сын тебя и Родины! Летать не смог!

ЕЛЕНА. Стой, предатель! Всё ясно с тобой! *(Бегает, ищет Германа).*
«80 тысяч лье под водой»! И там найдут несбывшегося летуна!

Елена обыскивает зал.
Находит множество потайных комнат.
Но Германа нигде нет.
Устав от поисков, Елена ложится на диван, вскидывает глаза и… на стеклянной крыше лежит Герман. Над ним небо. Герман будто бы летит в небе.
Елена медленно встаёт.

Ты в небе, Герман? Ты летишь, сынок! Как тебе видно весь шар земной? А нашу Родину видать тебе с высоты? *(помолчав)* Но отчего ты смотришь так пристально?.. Так пытливо… как собака в руках лаборанта? Я понял! Ты обманул меня! Ты разбил мои надежды! Ты наврал! Ты не космонавт! Ты не Герман Титов! Получай!

Елена стреляет вверх.
В дожде стекла рушится к её ногам ГЕРМАН.
Елена осторожно подходит к нему, садится на корточки, вынимает изо рта железные зубы, кладёт их в карман. Глядит на Германа.

В июльский душный полдень предгрозовой внезапно смеркается. И всё затихает в ожидание первых ударов. Не пускай же к себе, не пускай в такие опасные дни, не пускай на порог малознакомых красавиц! Пережди грозу…

Елена падает на Германа и плачет.

Но я люблю тебя, Герман. Я люблю тебя! Ты погубил меня, ты разбил сердце неприступное моё! Была я агроном, а кем я стану теперь, ради тебя, любимый мой?!

Само звучит эхо: «Э-э-эй»…
Смеркается.

КАРТИНА 7

Заброшенный, разломанный и заросший дом Зины ЛУЧКОВОЙ. По битым стёклам хмуро бродит агроном ЕЛЕНА НИКОЛАВНА. Кирза. Брезентовая роба. Руки в карманах. Входит ГЕРМАН.

ГЕРМАН. О Господи!

ЕЛЕНА *(кричит*) А я что могу?! Я уже начальству плешь проела – когда расчистите мне землю? Черти! Вон, Малые Сапожки сломали, а ты мне скажи – на хрен? Они всё равно на болоте стояли! А здесь… вот с этого места начать… и всё Пяткино снести. Всё равно людям жрать нечего! Вы из какой комиссии?
ГЕРМАН. Я человека ищу! Зину Лучкову такую! Знаете?
ЕЛЕНА. Лучкова… Лучкова... а чёрт его знает! Нету здесь таких! И в Малых Сапожках, точно, не было! Может, в Петухово? Я Петухово, а, чёрт, порезалась! плохо знаю Петухово я!
ГЕРМАН. Почему вы кричите?
ЕЛЕНА. Потому что здесь поле! Потому что здесь ветер!
ГЕРМАН. Мы стоим в доме.
ЕЛЕНА. Где – дом?
ГЕРМАН. Был…
ЕЛЕНА. Я извиняюсь. Привычка орать. В поле наорёшься за день. (*Опять набирает воздух в лёгкие*) бульдозерист у нас сволочь, валяется в дымину! И так-то башкой слабый, а тут даже не мычит! Я его умоляю – Валерка, сволочь такая, бульдозер ты бросил на дороге прямо… и дом этот целый стоит.
ГЕРМАН. Зачем?
ЕЛЕНА. *(нормальным голосом*) Я здесь розарий разобью. Вместо деревни Пяткино. С этого места решила начать.
ГЕРМАН. Зачем?
ЕЛЕНА. Я розы очень люблю.
ГЕРМАН. Елена, где Зина? Зачем карнавал этот?
ЕЛЕНА. *(пристально*) А вы, вроде, на лицо… знакомый. Не артист?

Герман опустился на венский стул. Упал.

ЕЛЕНА. Ноги считай, а-то всю жизнь будешь падать.

Герман поднимает стул, тот трёхногий.

ГЕРМАН. Я же всё равно всё узнаю! Где Зина Лучкова? Где Андрейка? Где трупы?
ЕЛЕНА. Не знаю я таких! Не знаю! Бульдозерист – сволочь! Валерку знаю! Вот его я знаю! Он самая сволочь – всю дорогу не просыхает, а ему эту халупу сносить ко всем чертям! Ну где я тебе возьму бульдозериста?
ГЕРМАН. Я здесь был вчера! Все здесь были! И ты… была. Не отпирайся.
ЕЛЕНА. Да ладно, что там вспоминать! Зато увидишь со своих высоких окон красоту вместо деревни этой долбанной! Розы увидишь!
ГЕРМАН. Не хочу!
ЕЛЕНА (*недоверчиво*) Цветов не хочете?
ГЕРМАН. Я передумал. Я хочу, чтоб все вернулись. (*вопит)* Где хотя бы коты? Коты где?!
ЕЛЕНА. Что, кошек любите? Одинокий, значит. (*преображаясь).* Пшеничкина. Елена Николаевна. Можно просто Лена.
ГЕРМАН. Герман.
ЕЛЕНА. Титов.
ГЕРМАН. Ну, слава Богу. Теперь рассказывай, что случилось.
ЕЛЕНА. Скажите, вы не родственник космонавта. Германа Титова?
ГЕРМАН. Умоляю тебя! Прекратить всё это! Сердце моё разрываешь!

Пауза.

Слышна пьяная песня.
Песня приближается.
Елена просияла.
Входит ***ВАЛЕРКА БАБЫКИН.***

Живой?! А, ты был просто ранен! Господи!

ВАЛЕРКА. Здрасьте вам!
ЕЛЕНА. Здравствуй, сволочь Бабыкинская!
ВАЛЕРКА (заикаясь) А-а… я у-уйду ка-ак! Не ругайте меня и всё!

Валерка рухнул на трехногий стул, с которого недавно упал Герман. Но Валерка чудесно, твёрдо сидит на нём. Герман взволнованно заглядывает под стул, считает ножки, пробует выбить стул из-под Валерки. Но Валерка без видимого усилия удерживается на стуле и не понимает недоумения Германа, он тоже заглядывает под стул, но ничего интересного там не находит.

ГЕРМАН. Может, я вчера так напился!

ВАЛЕРКА. Уважаю! Мужик! Елена Николаевна, дозвольте нам опохмелиться?
ЕЛЕНА. А, чёрт с вами, черти!

Елена рукавом робы смахивает мусор со стола, ищет по избе, находит три стакана.
Потом Елена шарит по избе и находит бутылку водки.

ЕЛЕНА. Здесь вся пяткинская сволочь собирается, я ихние заначки все знаю!
ГЕРМАН. Как это? А Зина?
ВАЛЕРКА (горланит) Резиновую Зину купили в магазине! Резиновую Зину в корзине принесли!
ЕЛЕНА. Заткнись!
ВАЛЕРКА. Молчу.
ЕЛЕНА. И молчи.
ВАЛЕРКА. И молчу.
ГЕРМАН. А если сволочь, зачем были занавески, коврик, поминки эти виноградные? Нет, здесь жили, жили, вчера ещё! Зина Лучкова! И цыганка! И Андрейка, дедушка странный.
ВАЛЕРКА. Цыгане в Петухово живут. Два дома. Васильевы. И Поповы!
ГЕРМАН. ТанА! ТанА! Ты знаешь, Бабыкин!
ВАЛЕРКА. Я и у цыган, и у чурок водку не беру. Клянусь.
ЕЛЕНА. Налито!
ГЕРМАН. У Смоложуя брали?

Оба уставились на него.

ЕЛЕНА. Я извиняюсь, я тогда вообще не понимаю.
ВАЛЕРКА. Я тоже.
ЕЛЕНА. Славка Смоложуй только своим продаёт.
ВАЛЕРКА. (*Титову*) Ты за кого?
ГЕРМАН. Может, я не напился? Я обкурился? Но я же не курю траву? Может, я наркотик принял? ЛСД? А где я его взял?
ВАЛЕРКА. У Смоложуя!
ГЕРМАН. Я его даже не знаю! Не видел!
ВАЛЕРКА. Его все знают! У него всегда есть. «Столичная», Кристалловская.
ЕЛЕНА. Как вы мне надоели! Обои в бреду каком-то. Чё-ёрт! *(Опрокидывает рюмку*). Травлюсь прямо с вами, черти!
ТИТОВ. А сейчас ты закуришь «Беломор».

Елена закуривает «Беломор».

ЕЛЕНА (*Холодно*) Не любите курящих женщин?
ГЕРМАН. Чёрт! Чёрт! (*выпивает*) Ужрусь. Тогда пойму.
ВАЛЕРКА. Давай вместе?
ЕЛЕНА *(вопит*) Вы мне бульдозериста не спаивайте! Он только просыхать начал! Ему эту халупу сносить срочно!
ТИТОВ. Пей, Валерочка!
ВАЛЕРКА. Спасибочки. (Пьёт)
ЕЛЕНА. Вот гады! (*Тоже пьёт, потом плачет*). О Господи, я так хотела роз! Вообще-то я по диплому – фельдшер, а сейчас агроном. Но тайно и неотступно всю свою жизнь тянуло к розам. Бабыкин, сволочь, исполни мою мечту – снеси халупу.
ВАЛЕРКА. Щас…

Валерка старается подняться из-за стола.

ТИТОВ. Нет, Валерик, сиди. На, выпей.
ЕЛЕНА. Умоляю!

ТИТОВ. (непреклонно). Пей.

Чокаются с Валеркой

ВАЛЕРКА. Не плачьте, Е. Н., я всё для вас сделаю!
ЕЛЕНА. Что ты сделаешь для одинокой женщины? Пьянь ты непросыпная! Только что бульдозерист!

Елена встаёт, подходит к Бабыкину, уронившему голову на стол. Елена хватает его за волосы и запрокидывает ему голову так резко, что Бабыкин хрипит. Помедлив, смачно и длинно целует его взасос.

ГЕРМАН. Сука! Убью!

Герман вскакивает, бросается на Елену, но мешает стол. Бабыкин, наконец, падает с трехногого стула.

ГЕРМАН. Дрянь! Тварь бездушная! Убью тебя!

Елена хохочет.
Смеркается.

КАРТИНА 8

Дом Зины. Прежнее убранство.
Накрытый стол со снедью и водкой.
За столом сидят: ЗИНА, АНДРЕЙКА, ТИТОВ, ЕЛЕНА, ТАНА, БАБЫКИН.

…ЕЛЕНА продолжает хохотать.
ТАНА сидит на коленях у ГЕРМАНА. Робко жмётся к нему, трётся головой о грудь его, снизу заглядывает в лицо. Герман, сдерживая брезгливость, терпит. Тана запрокидывает детские руки, браслеты, звеня, скатываются к плечам. Тана пытается обнять Германа.

ГЕРМАН (*возмущённо*) Ты что, без трусов?! Это же… негигиенично!

ТАНА пулей улетает на лавку, забивается в угол, грызёт свои бусы.
БАБЫКИН падает со стула.

ЕЛЕНА. Стул трехногий! (*Хохочет с новой силой*).
ТАНА. Дурак! Непристойный человек! (Указала на Титова). Он цыганочке обидное сказал!
ГЕРМАН. Ничо, перетопчешься!

Тягостное молчание.
ГЕРМАН *(Зине, оправдываясь).* Она Лорку знает!

ЗИНА. Какую Лорку?
ТИТОВ (*Мрачно*) Бабыкин тоже знает.
ЕЛЕНА. Какой с него спрос? Он же под стол упал!
ТИТОВ (*Елене)* А тебя я ненавижу!

ЕЛЕНА. Как человека?
ТИТОВ. Как любовницу!

Неловкая пауза.

Мне плевать, что вы все думаете! Я говорю то, что считаю нужным!

АНДРЕЙКА. Я тоже. Значит, в прошлом веке один раз иду я. Короб полный: ленты, ситцы, булавки, румяна, сурьма…
ТИТОВ. А что-нибудь весёлое, радостное, было в ваших «прошлых» веках?
АНДРЕЙКА. Было.
ТИТОВ. Что?
АНДРЕЙКА. Пушкин.
ТИТОВ. Хамство.

АНДРЕЙКА. Почему?
ТИТОВ. Скажешь, и Пушкина видел?
АНДРЕЙКА. Видел.
ТИТОВ. Ну и что он тебе сказал?
АНДРЕЙКА. Ну, как… вот видишь, я колосок-то сорвал с голодухи, не углядел, что барин пешим ходом гуляет. Прям обмер весь. Шапку заломил, стою. Проходит, глянул, засмеялся… «здравствуй, милый», я смотрю – а он Пушкин!
ТИТОВ. А чего это он засмеялся?
АНДРЕЙКА. Так смешливый был барин, Александр Сергеевич, его эта… чуть не дурачком почитали, юродиком кудреватым.
ЗИНА. Недоступный.
ТИТОВ. Каждый шаг, каждое слово А.С.Пушкина зафиксировано историей, а тут какой-то паршивый старикашка на себя напяливает встречу с ним и целое: «Здравствуй, милый!»
АНДРЕЙКА. Точно. И засмеялся.
ТИТОВ. Но почему он засмеялся?
АНДРЕЙКА. Можно по новой рассказать. Значить, в тем веку иду я среди ржи… (*запел, перевирая*) «Распрямись, ты, рожь высокая, тайну свято сохрани!»
ЗИНА. Точно! (поёт) «Как увижу черноглазую…»

ЕЛЕНА (*подхватывает красивым голосом*) « Сразу замуж выхожу»
ТИТОВ (*пробует переорать их)* Наврали! Слова переврали!
ЗИНА. А как надо?
ТИТОВ *(поёт правильно*) Вот как!
ЗИНА. Спиши слова!
ТИТОВ (*хмуро*) Вы их и так знаете.
ЗИНА. Тогда зачем пел, как дурак?

Герман долго смотрит на Зину.

ГЕРМАН. Какие чёрные глаза. Как мои океаны. Из снов моих жутких. Я пришёл…
АНДРЕЙКА. В каком веку?
ГЕРМАН. Уже не знаю. Зина, я пришёл купить ваш дом за 3 тысячи рублей. Обмануть вас. Вы деньги взяли, потратили. Теперь дом мой, я его хотел сломать, чтоб простор видеть. Но я вас умоляю – я передумал!
ЗИНА (*грустно*) Мы такие люди, милый Тит, мы с полнамёка понимаем. Мы уходим, если кому надо.
ТИТОВ. О нет, я не хочу прощаться!
АНДРЕЙКА. Я тоже!
ТИТОВ. Я некоторых тут… ненавижу. Но пусть всё остаётся, как было…
ЗИНА (*сурово*) Не положено. По закону.

Врывается МОРИН.

ТИТОВ. Это он! Он стрелял в них! Видимо не попал! А я в него… и тоже промахнулся!
МОРИН. Это кто у тебя, Зина, психованный такой?
ЗИНА. Это гость, товарищ Каморин.
МОРИН. Зинаида, в ноги тебе валюсь, началось уже…

Майор МОРИН протягивает рулон ткани, завёрнутый в бумагу.

ЗИНА. Положь и сядь. Рано ещё. За подарок – спасибо.
МОРИН. Как рано? Зин? Воды отошли! Рожает дочка, орёт!
ТИТОВ (*Елене*) Это ты? Рожаешь.

Елена передёрнула плечами, отвернулась.

МОРИН. Ты же знаешь, она тяжело родит. Ты же двоих у ней принимала!
ЗИНА. Вот жизнь! Тут поминки, там – роды, а отдых мой заслуженный – где? Сказано тебе – рано ещё. Он ножкам пойдёт и пуповиной замотается.
МОРИН. Делать-то чего?!
ЗИНА. Посиди пока с нами. Чего я даром пойду, если рано ещё? Головой подумай!
МОРИН. Это тебе рано. А я отец! Дед.
ТИТОВ. Товарищ майор, а это вы видели?!

ТИТОВ достал железные челюсти.

ЦЫГАНКА ТАНА страшно закричала, зарылась в тряпки.

МОРИН. *(отодвинув челюсти*) Мне не надо, у меня свои. (*медленно встаёт).* Так. Зинаида. Цыганка у тебя – чьих?
ЗИНА (*лебезит*) Васильевых!
МОРИН. Не Поповых?
ЗИНА. Васильевых! Товарищ майор!
МОРИН (*тяжело садясь)* А-то Поповы опять криминал развели. Ты смотри, Зинаида, если девчонка Поповых, я её – в участок, там в миг разберутся.
ЗИНА. Да на кой ляд мне Поповы твои, товарищ Каморин? Приболела цыганочка, я её травкой попою да и выпущу… тебе-то что?
МОРИН. Цыгане – лживый народ, обманчивый.
ТИТОВ (*тоскуя*) Не знаю я, чьи это челюсти. Не ответчик я за них, не ответчик. *(Елене*) И ты, любовь, так страшно лицо своё меняешь, так коварно. Горю я, горюю.
ЗИНА. Теперь пора!
МОРИН. Ну, слава Богу, сжалилась.
ЗИНА. Зарина, тазы готовь, воду ставь. Светозар, окна затворяй. Темноход, имя ищи. Каморин, заткни свою глотку и не путайся под ногами. Милава, роди сына.

КАРТИНА 9

ВНУТРИ.

ЗИНА (*Титову, ласково*). Остуды просишь, родной, охлады?
ТИТОВ. Жарко.
БАБЫКИН (*закрывая окна*) Милава, цыганку куда девать?
ЗИНА. Отпусти с миром, Светозар. Чужой народ. Тёмный.
БАБЫКИН. Иди себе, иди домой. К своим иди. Тебе нельзя здесь.

ТАНА (*уходя, Бабыкину*) Дяденька, дай денюжку.
БАБЫКИН. На вот, возьми себе рублик.
ТАНА. Ребёночку моему на молочко.

Тана уходит.

ТИТОВ. Верните окна! Ещё жарче мне! Задохнусь сейчас!

Зина встаёт в полный рост.

ЗИНА. Тихомир!
АНДРЕЙКА. Вот тебе перёд, вот – зад, вот – поперёк, вот – по вдоль.

Андрейка раскатывает рулон Морина по избе на 4 стороны. Это длинные полотна кумача.

ТИТОВ. Горю! Сгораю!
ЗИНА. Зарина, помогай, помогай Милаве… (*тяжело дышит*).
ЕЛЕНА. Я здесь, Милавушка, ты дыши не сильно, вот я тебя поглажу, вот успокою.

Елена подводит Титова к Зине. Нажимает на плечи, тот становится на колени. Зина прижимает его лицо к своему животу.

ЗИНА. Ой, не могу терпеть! Мама моя родная, ой, бабы-женщины, да как же вы такое терпите!
ТИТОВ. Тьма… океаны снов моих (*вцепляется в Зину*). Я тону в чёрных океанах…

Титов, цепляясь за Зину, поднимается, плотно прижавшись к ней всем телом.

ЗИНА. Ой, толкается, ой, не хочет идти. Пуповиной обмотался. (плачет) Помрёт моё дитя.
ЕЛЕНА. Не помрёт, Милавушка. Ножками вперёд идёт дитя твоё. Сына родишь, терпи, милая.

Елена обматывает полотнищем кумача Титову и Зину. Они – как одна мумия.

ЗИНА. Зарина, Зарина, держи меня за руку, я кричать буду.

ЕЛЕНА. И кричи, Милавушка, ором ори, милая.

Крик роженицы. Потом плач младенца.
Затемнение.

ЗИНА. Тихомир! Имя!
АНДРЕЙКА. Милава, шепну имя на ухо, а для людей пускай будет Герман Титов. Для смеху! Для путаницы. Для ложной славы. Для трудного пути. Для тайной боли. Для дальнего света.
ЗИНА. Быть по-твоему, Тихомир. Прости-прощай. Герман Титов, уходим мы…

ЭПИЛОГ

Роскошная зима. Московский бульвар. Деревья блистают снегом и гирляндами огоньков. На детской площадке – новогодняя ёлочка медленно вращается, будто танцует.
ГЕРМАН ТИТОВ лежит на лавке в позе эмбриона. Его уже стало заносить снегом. Ночь.
Подходят ФЕЛЬДШЕР и САНИТАР.

ФЕЛЬДШЕР (*Елена).* Жмур. Пятый за ночь. Вот любят они в праздники умирать!
САНИТАР (*Бабыкин*). Елена, ты проверь, может, есть жизнь.
ФЕЛЬДШЕР. Слушай, Бабыкин, не стой над душой! Кто фельдшер?
САНИТАР. Ты.
ФЕЛЬДШЕР. А санитар?
САНИТРАР. Я.
ФЕЛЬДШЕР (*обследует тело ТИТОВА*). Если и есть в нём жизнь, нам уже до неё не достучаться. (*Озирается)* Красиво как! Как думаешь, ангелы есть?
САНИТАР. Сегодня – есть. А вообще – не знаю.
ФЕЛЬДШЕР. Стой-ка. *(склоняется над лицом Германа).*
САНИТАР (*испуганно)* Ты чего?
ФЕЛЬДШЕР (*целует Германа в губы*). А что?
САНИТАР (*в ужасе*) Это извращение, Елена. Забыл, как называется! Тебе всё! Тебе на природу пора! С этой работы.
ФЕЛЬДШЕР (*насмешливо)*. Ага, агрономом в полях на просторе! Умник ты, Бабыкин! *(закрывает Герману глаза*) Губы сладкие.
САНИТАР. Ну что, паковать, что ли?
ФЕЛЬДШЕР. Пакуй. Нет, стой!

Фельдшер вновь склоняется над Германом, прислушивается.
Потом Елена засмеялась, махнула рукой…
САНИТАР укладывает ГЕРМАНА в чёрный пластиковый пакет, задёргивает молнию.

ФЕЛЬДШЕР. Стой!
САНИТАР (*заикаясь*) Бо-ольше не по-ойду с тобой в одну смену!
ФЕЛЬДШЕР (*смеясь*) Знаешь, что он сказал?
САНИТАР. Как это «жмур» - и сказал?
ФЕЛЬДШЕР. Он сказал, что офени ушли.
САНИТАР. Откуда ты знаешь?
ФЕЛЬДШЕР. Если нажать на грудину, последний воздух выходит из лёгких и слова получаются.
САНИТАР. Давай и мы пойдём. Закрываю? (Тянет молнию на лицо Германа). Чё это сне-ежинки на нём тают, если он умер, не до-олжны таять.
ФЕЛЬДШЕР (*зычно*) Взялись! Дружно! Держи, не роняй!

ФЕЛЬДШЕР и САНИТАР несут мешок с телом Германа.

ФЕЛЬДШЕР. Слышь, Бабыкин, наша смена кончается. Давай хоть посидим, как люди, Рождество хоть отметим.
БАБЫКИН. Ленка, я «Столичную» ещё с того раза берегу! Уберёг!
ФЕЛЬДШЕР. И всё ж таки я его где-то видела…

Уходят. Уходящих заметает метель.
Мигают гирлянды на деревьях. Рождество.

ЗАНАВЕС

2003 – 2007гг

ПОЭЗИЯ Часть 2

О СТАРОЙ СЕКИРЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

Всегда было три типа людей: одни ломали ветви, другие сдабривали их снадобьями и причитали над ними, а третьи прилаживали к ним заговоренный камень… Так и получались крепкие, но неотесанные топоры….

Я бы хотел увидеть, как этого человека обольют серной кислотой. Да. Именно так. Серной кислотой, которая будет тут же добыта из его поджелудочной железы. Мне могут задать вопрос: а при чем здесь творчество?
Я отвечу: вы правы.
Я отвечу: вы чертовски правы.
Я еще раз отвечу, суки, вы сейчас с кем, бля….
Речь о дядьке с именем Ведяшкин. Да. Именно так. Его старый зиг хайль придется впору и безусому щенку. Он водится в достаточно редких болотах, и, чтобы содрать с этой скотины шкуру, придется потрудиться. Это вам не малоподвижный туалетный утенок. Это вам не на бронепоезде в объезд. Он знаменателен тремя вещами: бакенбарды, смысл, ритм. Все остальные аллюзии – манифестарны и безглазы. Он не явится вам, если вы ищите. Вы узрите его, когда обрящете… Этот беспочвенный огр любит обходиться вельветовой рифмой. Она струится сквозь его апокрифичное тело и никак не может прийти к финалу. Фильм «Девчата» только замедляет его бег. Хотя если бы не этот невыносимый ажиотаж мы вообще не говорили бы о его заметках. Он не любит править (править? Ницше?) свой текст. Ему достаточно ледянок с горки. Он стар как дерево и уксус. Я даю ему право на жизнь.

Ксюша

Я хотел бы увидеть, как этого человека нашпигуют шпинатом. Природная составляющая – вот твой манифест, женщина. Сиди, тереби костер голой рукой. Это жгуче. Вы спросите меня, к чему столь обреченная мизогения? Я отвечу: вы не столь одинаковы, дамы, чтобы ужасаться:
Я скажу: деревня не сгорела бы, если бы не ты!
Я скажу: уверуй!
Я скажу: не возможно тебя не читать.
Каюсь. Я зачастил к тебе. К тебе в текст. Это редкость. Я редко остаюсь в стороне, меня редко кто-то видит дома (да у меня его и нет). Я засиживаюсь. Засиживаюсь за твоими стихами. Это патология – бросают в меня тряпку соседи, а я продолжаю. Я слушаю невидимый тростник Паскаля, который кричит мне в ухо: «Я – вещь». Ксения. Это не имя. Это обрубок имени. Это кора, благодаря или вопреки которой однажды возгорится имя, и мы будем ловить губами стебли этого вязкого анестетика, утопая в подвижных ритмах как хорошо когда заканчиваются запятые и многословия это новая коммуникация Ксения я обожаю этот ритм я еще не вещь, но я стремлюсь…

Лиля

Я хотел бы увидеть, как этот человек форсирует события. Что не понятного? Динамит отчуждает мышь. Т.е. снимает все симптомы неуверенности Станиславского… Мне не жаль, что в отличие от меня, эта дама не росла в Херсонесе. Мне ли давить вшу на ее неблагополучную сатисфакцию миру?..
Я зареву: это кто скребется в мое убогое окошко?
Я зареву: это кому под силу управлять моим утлым суденышком?
Я зареву: ЛЕВО руЛЯЯЯЯЯ!!!
Почему когда я вспоминаю о ней, меня колотит? Меня колотит очередной ее не выветрившийся муж или сплетник осипший от остеохондроза, но так и не выбросивший табакерку сестры. Она поет. Она выходит. Да. Это она. Она не может врать. Она не Он. Но у нее невыносимо сиплый голос. Да. И что за ним. Почему я прислушиваюсь. Слово «прана», где-то рядом с «лиля». И что?
Что. Я это ценю. Мы шествуем, матюгаясь, сквозь анфилады сомнений. Она говорит мне: «оцени погрешность» И я так легко заливисто смеюсь… Я так давно не смеялся заливисто, степенно и без надрыва…

Георгий Гемист Плифон

Виктор ВЕДЯШКИН ►

▼ КОСА НА КАМЕНЬ (подборка стихов)

НАКАЗАНИЕ ТАПКОМ

Увесистым тапком
Забив тебя в слякоть
Я нагло пошел блядовать
А ты неспособный
Не хныкать не вякать
Сподобься уже умирать
Царапалось солнце
С бессильною злобой
Из- под могильной плиты
Алтай хлебный край
Шукшин святой лапоть
Слепые ошибки судьбы
Нетрудно заметить
Что стала мне ближе
Увядшая бабья краса
А все потому
Никого б не обидеть
Медведев ушел в минуса

АЛИМЕНТАРНЫЙ УРОБОРОС

моему эндогенному другу Кену Уилберу

Замаринуйте мозги ребенку,
Сплюньте в ладошки Фрейду.
Базисная матрица звонкая
Напоминала звучание флейты.
Химический серый дождик
Нам уготовил веру.
Пустая голова ребенка
Трансцендентировала HOMO* -сферу.
Все капиталы Маркса
Разом сошли на нет.
Шлите поезд в Женеву
На маринад в обед!

* homo высшая ступень организмов на Земле. Телесно человек принадлежит к млекопитающим, а именно к гоминидам (т.е. "человекообразным существам"), ближайшим соседям понгид (человекообразных: гориллы, шимпанзе); и те и другие восходят к третичному периоду. Что касается души, то в этом плане человек отличается не столько сознанием вообще, сколько осознанием самого себя...
(Философский энциклопедический словарь. М, 2007).

ВЕЛИКАН

Как мама дочку трогает
Цвела в саду рябина
Чего бы не попробовать
Ты думал я скотина
Ты думала я немощный
Чего-то не смогу
Смотри я вновь сверкающий
Гляди я весь в снегу
Болтаюсь на веревочке
Веселенький пацан
Подряд три смелых стопочки
И снова ВЕЛИКАН

СТЕКЛОТАРА

Лети, холодный дождь,
Скончайся, вечный праздник.
Как вопль мой похож
На красный в бане тазик.
Слепили фонари
Лишенным снега светом.
Повесьтесь на тоске
На берегу с разбега.

Картонный Киев-град,
похожий на макеты,
Устраивал парад
и запускал ракеты.
Картон дымил от искр,
не сдерживал пожара.
А я во сне раскис

...пустая стеклотара...

СТАРИНА

Дурачусь, как ёбнутый тролль,
От звона разбитых бокалов.
Я робко съедаю хрусталь,
Хрустя и скалясь зубами.

Не гляну я дважды на вас.
Довольно в полглаза раза.
Умело жую апельсин.
Хотите, ругайте заразой.

Сверкаю я ярче свечи
В серебряных старых шандалах.
Огнем заражаю кричи!
Так хочется снова скандала...

ОТЕЛЬ СПРАВА

Отель Калифорния грязное слово
Подвешенный к нёбу гамак
Я так заебался быть снова и снова
Святые какой я дурак
А ты все хотела сидеть у окошка
И мелочь в кармане считать
А там снегири и из грязи окрошка
Ты снова етиттвоюмать

КАДР

Фотопленка крутилась вспять.
В ней местами мелькала ты.
И утробно рычали встать,
Своей черной пастью псы.
Под горой плетется вор,
Прикрывая в кармане вещдок.
Утром к зеркалу подбредешь,
У тебя еще тот видок.
Под горой странник спит,
Положив в изголовье мешок.
Он уже смело тянет свой срок.
Чем же поутру занят ты?
Может, точишь свой ржавый нож?
Ты поймай меня, им убей!
Первородный рептилий страх!
Выживание - тоже грех.
Либо мысли смелые вдруг,
Взбудоражат твой скудный мозг?
Ты попрыгай на левой ноге,
Они сами собой пройдут.
Фотопленка скрутилась вся.
На ней кадр последний - ты.
Почему-то уверен - не зря,
Ты нечаянно мне позвонишь.

ПРИТЧА

Хлопок одной ладони,
А не наоборот,
Не наяву, понарошку,
Бабочки легкий улет.

Он забодал Буддой
Добрую треть головы.
Выбью ему зубы.
Бабочки - не орлы.

Крепких, сухих пистонов
Полный карман набрав,
Рядом с костром на корточках,
Я сел изучать УСТАВ.

ДОМОСЕД

Гламур
На нашей улице гламур
Хрипя и мышцами играя
Для шоу гривой развевая
Бежит навстречу Вельзевул

Лямур
На нашей улице лямур
Для прокаженных и убогих
Без пистолетов и подмоги
Осилим блог любовных сутр

Горит
Вся наша улица горит
Визжа бегут жильцы и крысы
А я дешевая актриса
Цветные линзы протирая
Прогрею старый гайморит

ЧЕРЕШНЯ

замысел
Вот он повод громко крикнуть
В ухо розовой макаке
И с разбегу захихикать
Ей туда же на заметку
Чтобы знала с кем связалась
Приворовывать черешню

преступление
Тужась дюже неприлично
Новые унюхав формы
Обсуждая громко звуки
Я чесал об вымя спину
И неловко вел атаку
Против сволочи небесной

наказание
Руки розовой макаки
Оторвать бы с хрустом напрочь
Чтоб не маяться с товаром
Запредельно улыбаться
Мысли вслух не стоят денег
Ты торгуй дружок черешню

Покупай мою черешню
Покупай мою черешню
Покупай мою черешню

ИГРА

Жизнь игрилась пузырьками
Даже то, что иногда
На кишках реггей бренчало
Я хрома, но молода.
Бесполезно канителясь
В связке старых мелочей,
Спекулянт, не церемонься,
Gambling лучший друг детей.
А на полдничек кефирчик.
Кто не хочет, молоко.
Придавил Вам сиську лифчик,
Доигрались аж смешно.
Вы бесстыже утверждали,
Что книжоночки святы.
Нате, жрите с потрохами,
Литераторы скоты.
Йозеф Кнехт как потаскуха
Вам пятнашки тасовал,
Сочинял шальные схемы,
Сквош за Lusus выдавал.

КОСА НА КАМЕНЬ

Она смотрела Годара
В тесном, узком кругу.
Я же хотел маралом
Кричать, что так не могу.

Плюшевых апельсинов
Венок из нечаянных снов
Просто бы попросила,
Я же на все готов.

Радость моя в квадрате,
Или в круге, прости.
Просто я не умею
Толстую косу плести.

Лилия СЕРЕДИНСКАЯ ►

▼ МЕССЕДЖ В НИКУДА (подборка стихов)

Без названия

проснешься крикнешь какого черта не видеть выхода ждать когда
ударит тромбом рванет аорту в груди засевшая пустота
где та война на которой отпуск уткнуться мордой земле в плечо
чтоб без возвратов и без вопросов мол это что с тобой ДА НИ ЧО

цвета пакует в архивы память сжирает радужку монохром
тисками горло уже не давит от водки с привкусом похорон
и кровь из раны дверных проемов тебя как прежде уже не прет
так вымой душу плесни в граненый оденься в чистое и вперед

какого бога? в какую душу? иди разыскивай по мирам
где место есть еще для нарушивших
закон симметрии ран.

А – ритмия

Время метаться в теле
Не находить опоры
Станет совсем без цели
Скоро
Скоро придет убийца –
Страшное слово «завтра».
Будешь хотя бы сниться,
Правда?
Правда опять in vino,
Тело опять не в теме,
Падает как лавина
Время.
Время метаться в клетке.
Вот и убиты сутки.
Эй, поднимите веки,
Сссуки.

Без названия

На высоком камне расчесывать волосы над водой,
Засмотреться в речную текучую вечность имен и дат,
Как ложатся слова как пряди, как светлый песок в ладонь
Как еще один в зеркальную глубину упадет закат

И пурпурный гребень утонет лучом в золотой волне,
Как плывущих на голос (скольких?) в объятья взяла река.
А она улыбнется, та, что поёт иногда во мне,
И попросит на время душу, и волной захлестнет строка.

пограничное

Off. Пустота измеряет сама себя ударами пульса
Оглушит, заставит помимо воли неметь, стихать
Не нарушать границы его. В своих замкнуться
Совсем заткнуться
И не писать ему ничего больше.
Ни одного стиха.

Пусто
Off. Дыхание обрывается ровно на половине
Выдоха. Тишина горло перехватывает на вдохе
И все, я уже нечто несовместимое с его жизнью,
И это непоправимо.
Ему-то похер.

Дороги

Сны-воспоминания, волны, поднимающиеся на поверхность
Старая дорога, обочина с дикими фиалками
Босые ноги в пыли, тонкий запах полыни
Ветер, пойманный в ворот рубашки, цветы в волосах
Тихий глубокий как небо голос, ладонь в ладони
Свобода, открытость, любовь ко всему вокруг, неприкаянность.

Ночь, падучие звезды, асфальт трассы после дождя
Предельная скорость, теплый ветер целует сухие губы
Щемящий зов, зарево вскрытой раной на горизонте
Трасса, стремление в бесконечность огней впереди
Время включило обратный отсчет в груди под рубашкой
Свобода, никто не ждет, открытость всему, что будет, окончательное знание.

Поверхность, бесконечная война, безграничная любовь,
Бесстрастные голоса, лица, ладони, стены
Открытость, свобода, зарево вскрытой раной в груди
Кто-то держит, полынная горечь, ледяной под рубашкой ветер
Мост, желание скорости, знание вероятности окончания
Дорога домой, к месту, которого никогда не было

Отпустите меня

Без названия

Вчувствуйся: звуком, ритмом, шаманским танцем
бьется в висках в аорте в дрожащих пальцах
Древний как смерть обряд в изначальном пламени
Ночи расплавлены выпиты маленькими глотками
Звезды в зрачках растворились вспышками фотокамер
Луны вливаются в вены текут веками
Реками временами впадая друг в друга по памяти
Приди и танцуй со мной
Любишь меня?
Умрешь ради меня?
Сможешь, как я?

Памятки

Дальше… а дальше – всё. Встать, подвести итоги
Года, раздать долги, нахуй съебаться с сайта,
Встать. Постоять еще на болевом пороге.
Дальше – просто молчать. Что я могу сказать то.
Дальше – зубами рвать эти живые нити,
Сшившие кое-как клочья тебя когда-то.
Этим, кто за плечом, шепнуть: ребят, извините.
Больше хранить не надо.

Без названия

Нынче на рассвете
мысли невесомы
звякают в пакете
две пол-литры сомы
для поправки кармы
от утраты праны
всё - по сутре Камы,
все должны быть парны
доживем до мая,
света будет вдосталь
просто это Майя,
видишь, это просто
скурвилась эпоха
как семейка пьеха
сетовать на бога
нехуй.

Добрым прохожим

...из тумана кто-то глянет
из кармана ножик вынет
няня, я недолго, к Яне,
если что - ищите в Ине.
там на стрёме, говорят, светлых ангелов отряд.

налетели суки эти,
вперебой зовут творца:
- тятя, тятя, нахер сети,
глянь как круто - на живца!
- Не учите душ ловца! ламца-дрица-гоп-ца-ца.

трали-вали, тили-тили,
люди добры, - взгляды томны, -
что-то у меня купили,
а вот что - убей, не помню.
инте-инте-интерес, выходи на букву эс!

три червонца в тетрадрахмах
и четыре сольдо медью.
купим сомы на ночь Брахмы,
не помянем, так отметим...

МЕССЕДЖ В НИКУДА (цикл стихов)

Мессага первая

Мы стали в твое отсутствие ближе с болью:
Она как и я – со временем все тупее.
Теперь развлекаем друг друга в забитом холле,
Ждем вызов.
Говоришь, эскорт уже выслан?
Но я далеко, твоя скорая не успеет.
пиши пока на полях Элизиума свои схолии,

Я тоже тут ставлю разметку на складках Лимба,
Встретимся – сверим сны, траектории пуль и почерки.
Гитары мои, нунчаки, твои колокольчики
спрячу для сына меж полок книжных,
этот найдет, ты видишь: он выберет быть таким же,
Как мы.

могли бы.
если бы выжили.

Мессага вторая

даже не пробуй плакать толку то не умеешь
из-за спины локоть на-ка держись ну-ка
скоро уж будет финиш миракль твой питер китеж
шоры тогда снимешь только держи руку
крепче возьмись: ступени. кто нас потом слепит
текел : еще весома. мене: уже не старюсь.
-долго еще? - as many. кружит у ног пепел
всё. мы почти дома. поздно бояться.
фарес.

Мессага третья

Я все те же курю по привычке, и жду вестей.
По привычке верю, что ты - далеко, живой,
Не знаю, зачем.
Я заглядывала за край, я искала тебя везде
По зарубке на память, по отметине ножевой
На левом плече.

У меня - такая же - вдруг принялась болеть
А ведь впору было бы за тринадцать лет
Совсем зарасти.
А еще недавно – знакомый привкус, все та же медь,
Отголоском: нас не разлучат ни жизнь, ни смерть.
Не вышло, прости.

Это в сказках, помнишь, рассыпался перстень в прах,-
Значит, брат твой лежит убитый в чужих мирах,
Не медли, сестра,
Доставай заповедный меч, выходи сквозь мрак
По подсказкам, по жару в груди от его костра,
По ранам.
Пора.

Если просто помнить – значенье найдет само:
Свежий шрам вместо старого, медь на губах, письмо,
Две фотки в ряду.
Это время, как в мифе, иначе твое течет,
Это кровь говорит: «У тебя неоплаченный старый счет».
Я помню, приду.

Ксения ПОДМАРЬКОВА ►

▼ **НЕТ МЕНЯ БОЛЬШЕ** (подборка стихов)

Вещь

Я Вещь
Меня изредка переставляют из угла в угол
Я Вещь
Мои руки заледенели и потрескались губы
Моя целостность мнима
Словно черно-белый снимок
Передающий цвета весеннего сада
Системная единица огромного ряда
Непризнанных и непроснувшихся гениев
Символ упадка. Парфюмерия тления.
Размытые границы боли и наслаждения
Собственноручное уничтожение
Унижение перед кормящей рукой
Никогда не достигнутый покой...
Славные, славные детки
Убивающие родителей и тех, кто сыты
Они забиты, закопаны и забыты -
Вполне оправданно.

А я Вещь.
И с меня не стирали пыль от рождения *Христова*.
Я не могу дышать, я только жду
Время, когда *ОН* родиться снова.
Он - великий уборщик.
Я - убогий, немытый сосуд.
Чаша, подползшая к самому краю
Перестанет быть, когда ее разобьют.

Я заперта в вещном мире вещим словом
Словно с крыши упавшая перепелка
Нарисованного многоэтажного дома
Среди леса в поле
Которого никогда не было.
Попытавшаяся забыть полет и встать на ноги
Попытавшаяся говорить и вести себя так, как надо.

Я Вещь
А вещам нет дела ни до рая, ни до ада
Вещи, вообще, не судят строго
Когда догорает их фитиль
У вещей только одна дорога -
Бесповоротный утиль
Да возможность метемпсихозы,
Которую нельзя проверить.
Только Вещи умеют по-настоящему
Любить, Умирать и Верить.
****

Нет меня больше…

Я давно растянулась в прошлое на три поколения
Видели мои стопы мерзлые слезы таежные жен декабристов
Грустили, а после кружились в вальсе вместе с царем колени…
Где-то внизу живота прогремели для Саши выстрелы
Где же мыслимо – шесть покушений!
Мой пупок упивался знакомством с Лениным…и хотел задушить
Чтоб порвать вереницу страстей, но крепка была нить
Что пришила идеи безумного Карла к сердцам недовольных…
И калечила души и судьбы народов живущих -
В мерзлоте половинами тел, а другой половиной - в мечтах о грядущем.

Там, где должны быть лопатки – там были сражения…
Но не те, где брат против брата, а мать умирала от скорби
Пусть за это ответит Володя, или кто там был крайним…
А те, что на вечную боль обрекли половину Земли или больше…

Мое горло сдавили оковы цензуры на прошлое
И погоня за мнимым…
В носоглотку уткнулись ветра перемен
Только пахли они не французской ванилью – а гнилью
Что разрушила царство счастливых и равных…
Ну и что, что заставили. Автомат, хоть не честный, но довод
Лишь бы повод возник, чтоб забрать себе власть и чужое –
Претенденты найдутся и в райском саду.
На глазах моих люди с надеждою ждут – столь желанного конца света.
Но, увы, не померкло, и миллениум праздновал каждый
Кто умеет считать, кто живет в благе цивилизаций
А беды все те же остались… и все те же нации
Продолжают делить покрывало земли
Волосами моими горели на солнце разобщенные люди, попавшие в сеть технологий
Что живут по законам обратным, гигабайтами меряют настоящее.
Под энергосберегающими лампами решают проблемы –
Что близки еще были далекому предку в пещере,
которому сны-то цветные не снились
проносились события
словно органы при пересадке.
Я украдкой любуюсь строением тела.
Изогнувшись как ветка, дающая тень этим трем поколениям.

• • • • •

Нет, родной, не мани меня след
Я и в детстве не ела конфет, а теперь и подавно.
Так за ретушью лет, ставропольская сельдь
Поседела совсем, словно изморось – соль
На чешуйках узором легла.
Позвоночник стрелой, поволокой глаза…
Рыбы тоже, представь себе, плачут.
Поджимая плавник, крик беззубый молокой стекает в рассол
Вот она, настоящая боль – тайна всех океанов.
Мне не нужно конфет, сахарок сбереги для кобылы.
Это быль, а не сон. Это было со мной!
Ставропольская сельдь своим запахом мне
Въелась в кожу сосновой смолою. Не стереть, не отмыть.

Как забыть, как из банки консервной
Пряносолый судья тебя в лоб обвинил в преступленье.
Как ему рассказать, если он нем и глух?
Если он давно мертв, словно нерв удаленного зуба.
Да и нет таких слов и нельзя сказать вслух
Почему ты живешь, когда кто-то уходит.

• • • • •

Человек-не-птица.

Летели птицы по склону неба
Летели мимо…
И все следили, и много света
- невыносимо
А где-то слева ревели трубы
А справа трупы
Что тоже были в просторе неба
Мгновеньем раньше…

Знаешь,
бывшие люди похожи на вывернутые чемоданы
лопнувшая кожа внутри,
а снаружи сплошная рана…
И главное – бывшие люди пусты.
как дом, в котором никто не живет
как обезвоженный кран
как ведро с молоком прокисшим еще в неолите…

Можно часами рвать горло
Кричать о свободе и о политике
все не то…
пока люди летают по небу, и руки уже не руки,
а ненужные отростки
и легким уже не хватает воздуха

часы и браслеты
костюмы известных марок…

Последний подарок
Почти-уже-не-человеку –
Потеря сознания
За секунду до удара.

…где-то слева ревели трубы
фрагментарные трупы…
на том свете собирают урожай!

Скоро обанкротятся все авиакассы
Меня мучает вопрос -
Где заканчивается человек
И начинается кожа с мясом?

Где черта за которой свободные и равные
Превращаются в вывернутые чемоданы?

• • • • •

Хочешь я подставлю щеки?
Щупай, правда затерялась
Завалилась в складки платья.
За любовь платить не надо
Я, к тому же, на окладе.

Хочешь, я подставлю плечи?
Ведь не зря тебе дарили -
кисти. Плетью нарисуешь
мою суть - кровавым взмахом -
ахов, стонов не позволю
я как гордая особа - выгнусь
луком. Ты секунды не теряя -
бей сильнее. Звуком
рассекающейся кожи ты войдешь
в мои кошмары. Ты создашь
пространство боли. Я тебе читаю
Веды с забинтованной спиною.

Хочешь я уйду подальше?
Ты не любишь части тела.
Я - распалась на запчасти.
Я плевала в целое.

• • • • •

Когда последний,
Исписанный от руки день
Подошел к концу
Когда то, что было за кадром
Вывалилось на блюдо с отколотым краем
Я крикнула, что больше ничего не жду…
Последнее, на что хватило духа
Мне, самовлюбленной
Это признать себя - проигравшей
А его – побежденным.
Себя полупризрачной,
А его ощутимым
Тянула к нему руки –
Оказалось мнимое.
Нацеженное, как крутая заварка
Разлитое по столу, около чашки.
Напрасное прощание вслед
В спину выдохнутая затяжка
Прощение в лоб.
А за глаза - все почести
Разговоры о любви, да о чести – совести
За несладкой, чуть теплой правдой
Не большая очередь
А я и вовсе, все в конце топчусь…

Надеюсь на бесплатную раздачу,
Забыв о взведенной мышеловке
Любуюсь открытым ртом.
А по вечерам за угол бьюсь.
А по вечерам не узнаю себя.
Обзываюсь напрасным именем
Против неба – камни кинули
Друг в друга запустили, чтоб знали
Все знали, какие мы грозные
А то, что в землю по пояс закопаны
Ничего не значит. Ничего не значит.

• • • • •

Невнятно бормочет
Высоковольтный ставленник дерева
Постепенный переход от одного к другому
Внутривенная радость света
Захлопнулись ставни
Стойни
Дорого стоили
Мысли
Перпендикулярного гиганта
Сплошной вымысел
Вместо жизни
По дрожащей линии
Передача холодного пульса
Далее
Из сердцевины в бездну
Цветущего папоротника
Натянуты между
Прощальные провода
Посредники сиамских близнецов

целыми стаями
стояли
оставили цветы
ушли
не вспоминали

Печальные похороны
Столба
Невнятно бормочет, глотая слезы
Условный ставленник дерева
Неизбежный переход
От земли к земле
Ожидает
Противно скрипит
Проходная дверь
В чужие тайны

Наизнанку

Вывернута наизнанку
Измотана дождливыми днями
Словно зима поселилась в районе легких
Вытоптаны ладони болью
Выбиты пальцы с рук ловких.
ловчие меня ловили затемно
струями стучали в висках
просили стрелами быть
просили не уходить в леса
Просто проседью успокоилась
Неожиданно объявившейся
Оказалось, что недоношены
Мысли, что из меня рвались
Что вились канатами к парусам
Да не давали все взвалить на весы
А на другую чашу, что у земли
Не дали положить небо
И вот -
руки рукавами повисли
а через рваные раны
самозабвенно вливалась
вода с солью
и я превратилась в кувшин
с кувшинками
и лилиями на шее
намыленными
Как пузырь
Как тысячи сосновых игл
Как дождь и втоптанные дни
Как театральный зал без мест
И покидает ожидание меня
И тащит крест...

Безответно

«...вмажься снегом
вмажься снегом
вмажься снегом...»
Легко отделалась-
Небольшим вывихом души
Если хочешь найти себя – люби
Если нет – задуши
Шли словно прищепки
вдоль бельевой веревки
дни
Беспощадно набитый рот
не вымолвил ни слова
Все те же сны
и наяву они
не отпускают
Кружат стаей, голодной стаей
Стану ли я

Поддаваться сигналам дорожным
Веселому светофору
На красный – ложись спать
На зеленый – шагай в ногу
На оранжевый – покупай яблоки
Я ли?
Мне ли?
Еле-еле вспомнила, как выгляжу
И как хожу
Живу в кубометре воздуха
А думаю, то целый мир открыт
Как форточка
Чтоб съесть за всех сразу-
Проглотили ложечку
Проглотили заживо
Не дает силы
То, что нажили
Недостаточные усилия
Одного единственного сосуда
Ветер дует
-вдувает
Чтобы было зачем
Чтобы было как надо
Ломает лихо
Рубит в щепки
Но к этому
Как и к другому
Я безответна

Василий СЫРОЕЖКИН ►

▼ САЛЬМОНЕЛЛА (подборка стихов)

Текущий человек

Разорвана цепь красноречия,
В помойном ведре прокладка.
И плакать по сути нечего.
И было не так уж гадко.
И я, завернувши за угол
Послушно целую веко,
Отправив домой усталого
Текущего человека.

Урановые стержни – исполины

Он видел, как кожа его стала желтой.
Он спрашивал: Это пройдет.
Они качали головами. Нет. Это конец.
Он видел, как его лицо крылось язвенной коркой.
Это пройдет, умолял он? Нет. Нет. Забудь.
Он видел, как руки ломались о ребра
И медленно хапая пастью азот,
Щекотясь похабными плевками
И елозя кольями зубов по Гринвичу
Он, пяля язык в тубус, орал Милораду:
«Павич, Мироныч, Лукумыч» –
Я вижу безгрудую женщину Риту,
Оставьте мне ее термоядерный синтез.
Оставьте хоть это ее отопленье»…
Но древо «Упреков» размашисто
Драило ванну.

• • • • •

Большой арах плетет узор
В моей коробке спичек
А за спиной ночной дозор
Нимфеток-истеричек
На жопу ищет приклюЧе
По принципу Ламарка
Большой арах плетет узор
Не холодно не жарко

Дакота

Джон ощутил дежавю когда оказался в драке
Джун испытала оргазм, подобно дворовой собаке
Клив растоптал жука, опытный старый фермер
Бетти ждала мужика, чтобы наладить сервер
Рой заводил свой джип в своем кукурузном поле…
А Боб как всегда залип в тупой нереальной боли

Кладбище Монпарнас

«…дада – это жизнь без домашних тапочек и параллелей...
суровая необходимость без дисциплины и морали,
и мы плюем на человечество…»
Тристан Тцара
«Манифест господина Антипирина» (1929)

Я знаю что мне не лежать
на кладбище Монпарнас
Еще я знаю что мне наврали
И экватор не так бесконечен
а ширина тазобедренной кости
не влияет на цвет и качество печени
На кладбище Монпарнас
Петлюра ласкает жирные губы
Гусеницы-Земли
Боже
Щеки Симоны подопрут
хомячью улыбку Элены Боннер
Но ее нет на кладбище Монпарнас
И весной постаревший мсье
потерявший жену в катастрофе
подарит пришедшим на
похороны – по кольту
Дети решайте проблемы сразу
Не спорьте
Не дайте случайности шанса
На кладбище Монпарнас
удачливый юноша
выпив «шато» будет
буркать под нос из Пиаф кое что
Так по Сене
потащится труп
Весь в собачьих укусах
он вернется сюда
На кладбище Монпарнас
Только желтым в костюме
слегка молчаливым и как-то
дотошно уставшим
На кладбище Монпарнас
не всегда но бывает грустно…
Здесь садовник Луи
так удачно
посадил два уродливых
кактуса глупой породы
«вульгарис» в шкурки яиц
Они вырастут…
Вырастут
точно
И возгордятся
тем фактом что рожденьем
обязаны
Кладбищу Монпарнас

Ханна

Ханна, Ханна,
- это не твой ребенок,
Не твоя четвертинка, не твой колосс.
Устье Тигра устлав, биомасса-манна –
Комьями липнет к корням волос.

Ханна, Ханна,
- это не свыше знаки –
Это в песках необжитый сквот.
Долгожители прачечных Еревана –
Загорелые женщины без бород…

Ханна, Ханна,
- это простые числа,
Тарабарская ересь, нормальный быт…
По ступеням катится безымянно
Голова, затянувшаяся в гранит.

Ханна, Ханна,
- это размером с каплю –
Перемолото-смешанные языки…
Так не слышно, но въедливо-неустанно
Отныне пророчествует Иезекиль!

• • • • •

Дали мне шкалик земли
Делай сказали что хочешь
Я его выкинул в пруд
Сделал с ним как сумел
Дали слоновый ус
Делай сказали как знаешь
Я ткнул им себе в лицо
Ослеп и оглох и пошел

В городе безделушек

В городе безделушек
Бушевала война идей:
Расстрелами из «Шар-пушек»
Взбесившихся голубей.
Маска из фильма «Маска»
Захлопнула дверь на балкон…
Смакую твое фиаско,
Неистовый Багратион.

Трамвай – социальная сеть

Другой заслоняет переднюю дверь.
Здравствуйте. Вряд ли мы будем знакомы.
Лицо без морщин наступает на пятки
Волнуюс. Двенадцат.
Простите я с сумкой.
А я с бодожком.
Теперь или позже. Да.
Что да? Но был же вопрос?
Да. Простите.
Я с паспортом-иногородний.
Другая. Веревки торчат из ушей.
Простите.
У вас там звучит?
Это мьюзик.
Вам больно?
Уже.
Выходить?
Ну зачем же.
Останьтесь.
Здесь хором,
А там?
А там…
ингеборгадапкунайте.
Там хуже. Там пешком.

Эквилибриум

Осколки витрины битой
Застряли в глазу не зря
Мы слижем со дна корыта
Последствия ноября
Накрасим себе ресницу
И щелочью смазав шунт
Воткнем мозжечок в петлицу
Приветствуя русский бунт

Щенок по прозвищу «Щетинистый удар»

Самовоспроизводится неутомимый сахар чая
Как изморось взлетает лебединый альбатрос
Держась внизу шахтер кладет орешки в каску
А женщина прищепкой крепит простынь
Безусо налетает «Катерина» на побережья
И взгляд Эрнесто словно затуманен
Щенок по прозвищу «Щетинистый удар»
Трет морду о прибрежный камень
Знаю в этой теореме не будет новых неизвестных
Лишь те что приносил цветочник Эрни

Чудовище

Я увидел себя в земле
С желтой пастью, зубами – саблями
Я лежал, не шевелясь и рассчитывал
Выбраться.

• • • • •

Сказать бы пошлость не разбив яиц,
Но что-то как обычно не позволит
Так примыкает осознанье к воле
И размыкаются прощелины глазниц.
Телами свившись, превращаясь в пух
В утробе недр, полыхает клевер
И на задворках сумрачных харчевен
Неслышно подыхает св*Я*тый дух.

Ты хочешь

Ты хочешь посмотреть, дружок
На жизнь монаха однолетки?
А хочешь теплый пирожок,
Или потрогать груди Светки?
А хочешь ящерицын хвост
И топик с фейсом Че Гевары?
Упавший в слизь Гудзона мост
И брызнувшие светом фары?
Ты хочешь громко крикнуть «ХОЙ!»,
На смену выйти раньше срока?
Ты хочешь?
Вряд ли.
Ты, отстой,
Бросай свои кишки в пророка!

Отверстие

Это то самое.
А я о нем и забыл.
Дима, Евгения, Карлин.
Я столько всего пропил.
Теперь ужаснись мной город.
Который в натуре «Б»
Хожу сапогами молот
По в небо зарытой судьбе…

Секатор

Устройся рабочим на ферму
В руки возьми секатор.
Устройся в контору клерком,
В руки возьми бумажки.
Устройся удобней в кресле
На пульте нажми «Спасибо»
И тихо плыви по теченью
Пусть снится веселый Фредди.

Дерево сна

Он заматывался в полиэтилен,
Чтобы воздух пах только клеем.
Его радовали журавли,
Которых он никогда не видел.
Он хромал (после той собаки)
И любил динамичных женщин
Их роскошные букли-кудри.
Правда, женщин он тоже не видел.
Он заматывался в полиэтилен
И шуршал им до изнеможенья
Чтобы хоть как-то походить
На дерево которым он
и являлся (по сути).

Имбирь

Какая муть в душе и в организме,
А вроде бы вчера плясал кадриль.
Сегодня же сижу и крашу клизму
В цвета всех спектров радуги…
Имбирь!

День в году
посв. Гешелиной

Я безразмерно окрутел,
Я выбрил пах, покрасил волосы.
Сделал выводы,
Закрыл счет.
Скоро день рождения дочери.
Как это грустно, когда
У тебя есть дети.
Нужна тишина.

Лечь на дно, отдышаться…
когда я проснулся
Было уже поздно.
Меня закопали.

Общая Родина

Уроженец Тамбовской области,
Самородок Тверской губернии,
Дарование из Архангельска
И какой-то седой еврей
Выпивали в купе по маленькой,
По большой, за Россию – матушку,
За Тамбов и за Тверь с Архангельском
За Израиль никто не пил.
Уроженец Тамбовской области
Был спортсмен и хвалился голенью
И женой (кмс по плаванью)
И детишками (сын и дочь).
Дарование из Архангельска
На фаготе играл изыскано
Он без нот «полонез Агинского»
Наизусть (хоть и сильно пьян).
Самородок Тверской губернии
Был заводчиком серых страусов,
Переносчиком новых веяний,
В общем, множество перспектив.
А еврей был седой и маленький
Нелюдимый и зубы золотом.
А еще ноготки шлифованы.
И доверия не внушал.

Самородок Тверской губернии
В диалоге держался весело.
Он показывал «позу страуса»,
Головой бороздя паркет.
Дарование из Архангельска
На фаготе играл «Чайковского»
Он забавно притопывал ножкою
И топорщил смешно усы.
Уроженец тамбовской области
Приседал с чемоданом собственным,
Приседал с рюкзаком архангельца
А еврей чемодан не дал.
А еврей посмотрел внимательно
Молча водкой запил таблеточку,
Тихо выпил цветные капельки
И в момент отошел ко сну.

Так и едут по общей Родине
С рюкзаками и чемоданами,
Страусиными перьями, голенью,
Под фагот (полонез Агинского)
Уроженец Тамбовской области,
Самородок Тверской губернии,
Дарование из Архангельска
И какой-то седой еврей.

• • • • •

Дышать мочой, раздразнивая кашель
Кошерного не есть, не пить сакэ…
Латая дыры на шифоне Саши,
Губами утопая в молокэ,
Ты поднимаешь палую конечность,
Завешивая кисеей бока.
И горделиво выпятив увечность
Покручиваешь ручки верстака.

Йети

Как уссурийский тигр в самолете,
Как половина краба на тарелке,
Как девочка с разорванной губою
Все жду когда защемит позвоночник.
Все жду когда земля начнет вращаться,
Все жду когда семья начнет общаться
А долг знакомые забудут навсегда…
Но это не беда. Пора прощаться.
И лихолетья сменят лихолетья.
И на трибунах будут греться йети
И схватят разум социальной сетью
И выбросят из-за меня на ветер
Все желоба где не текла вода.

Тропа

Останкинской башни фаллос.
И эти банальные «па».
И снова не нам досталась
Естественная тропа,
Которая знает цену
Пологости для крутых.
Я снова ловлю измену
В присутствии понятых.

Взхолмье

Я в подземелье сею смерть
И никого в средине, сбоку.
Мне не всегда доступна твердь,
Как никудышному пророку.
И за деревьями всегда
Я вижу старый лес безмолвья –
Больная старая пизда –
Венеры половое взхолмье…

Импульс

«Я водяры стопарик грохну,
Чтобы стало совсем тоскливо.
Вот дождетесь – возьму и сдохну,
Весь такой молодой-красивый.
Вот лежу я такой, короче,
Подо мной дребезжит каталка.
Вся холодная, между прочим.
И меня, между прочим, жалко…»
Марат Багаутдинов

«Я ставлю жирную точку в эпопее по имени Вася.
Я чернозёмом грызу баллады. Гнилью, кожурой обвисаю,
Словно снежок прошлогоднего друга-дебила».
Хорошая речь, да и дело не хуже будет:
Поездки в Боливию, отсидки в Бутырках,
Бомбёж подъездов и до утра выплёскивание
желчи из уставших загодя ртов.
Едоки съезжаются со всех краёв,
Очень горды своим статусом гардемарина
его Величества Хрена Лысой Горы.
«Гони в печь стандартных людей!
Мой ротозей всуе узрей!»
Я захохочу прорывом рта и
подсоблю тебе багром, ковырну в печени.
Много мне не сдалось и не надо нахуй,
Скорее что я, автономно дробясь тебе подсоблю во всех тяжких.
Ношу по локоть свои руки кровавыми
В память о тех местах, которые
Оставил ни с чем и ни о чем.
А ты давай-дерзай, я снова сделаю той дуре тапель-тапель
и, опрокинув стул, залью ей в брюхо пиво через клизму.
Евроремонты мозговых циркуляций,
Экстремальные сподвижники движков,
Средний мидл-класс, торчащий под некое подобие еды и «ДДТ»,
Что может быть любимей, Комиссар,
Чем кружка теплого матэ или «Ленора»?.
За теплой восковою шалью мне виден бег новых звезд
по черепице забритых затылков идейных парней.
И снова я слышу из каждого рупора: «Выпей, дружочек,
стаканчик «Ленора», выпей, пупсик, не плачь, Комиссар,
Спи сладко, мой маленький, пусть снится герилья…»

• • • • •

Судебные приставы взяли диван
И вынесли вместе с Мариной.
За ними поплелся больной наркоман
Поросший махровой щетиной.
Он шел в пустоту с восхищением пса
Нашедшего кость в песке…
Вот так начинаются чудеса.
С экскурсии по тоске.

Судное Дно или Дно Судна

Анахронизм – мой старый друг,
Анафема – моя соседка.
Анаксимандр – мой худ.рук.
А сам я – стволовая клетка.
На судном дне мне будет шиш.
Я просифоню мимо кассы…
По горлу пробегает мышь,
Пока вы ссыте на матрацы!

Чингиз

Чингиз достает карандаш
Он рисует хромую бабку
У бабки большой карман
Набитый тугим кошельком
Чингиз достает пассатижи
Резиновые перчатки
Гезету и анастетик
И рвет расшатавшийся зуб

Держатели идейных скреп

Алкопритон живет законом гор.
Диапазоном заводного зайца
В разбухший труп втыкается багор,
Стремясь поддеть его смешные яйца.
Держатели слепых идейных скреп
Передают морзянкой «Марсельезу»,
И я спускаюсь скромно в этот склеп…
Спускаюсь?
Нет.
Скорей настырно лезу.

Сальмонелла

Кто простирнет худую простыню?
Кто сделает со мною вывих тела?
Я вас по-доброму и искренне люблю,
Как любит кур слепая сальмонелла….

ПРОЗА

Александра ВАЙС ►

▼ НЕБА НЕ БУДЕТ (рассказ)

Ну, вот и я научилась всё делать правильно: таскать детей по врачам, кушать каждый день, решать семейные проблемы.

Автобус в Катанду уехал ещё с утра, и это казалось настоящей бедой. Мужики на вокзале сказали, что частник тоже уехал. Однако потом удалось выпытать у продавщицы билетов, что через два часа отправляется газель, которая останавливается где-то рядом. Я взяла билет и решила прогуляться по городу. В этот раз я чуть не влюбилась Горно-Алтайск: маленькие домики, горы. Гуляя по проспекту Комсомольцев придумала даже четверостишие:

Ты всё ещё веришь в меня как в последнюю правду, как в истину?

Так крепче держись, и я мигом спущу тормоза.

А неба не будет. Ты смотришь рассветно и пристально…

Мне небо заменят твои золотые глаза.

Авантюрные предприятия всегда поднимали мне дух. А сегодня я решилась на авантюру: выезжая из Барнаула в семь часов утра, я и не представляла, где окажусь вечером. Я снова позвонила *ему,* но *он* никогда не брал трубку.

Когда газель набилась почти битком, я спросила у водителя, далеко ли ехать до Катанды. Он ответил, что далеко, и мне сразу не понравилась его ухмылка. Попытавшись уточнить время, я услышала «до одиннадцати приедем». Так ведь ещё обед! Оставалось только надеяться, что мы приедем не до 11 утра. Я почему-то была уверена, да и мама говорила, что это где-то совсем рядом. Друг дал мне в дорогу книжку, но на той бешеной скорости, что мы ехали, да ещё и по той трассе читать не представлялось возможным. На Манжероке ко мне подсел пьяный русский мужчина весь как будто обсыпанный землёй. И очень вежливо узнал у меня, как перезвонить женщине, что звонила ему последней. Я помогла и, вот чёрт, перебирая номера в его телефоне, проверила всё-таки, нет ли там упущенного вызова от меня. Я была готова к тому, что не узнаю *его.* Я была готова к чему угодно. Моего номера, конечно же, там не оказалось.

Мы остановились лишь однажды, чтобы перекусить. Не знаю, правда, какие камикадзе отчаялись есть в том придорожном бунгало. Оказалось, что Усть-Коксинский район (куда я и ехала) – это приграничная зона с Монголией, Китаем и Казахстаном. К милицейскому посту мы подъехали уже в темноте. Меня и ещё двух туристов, как не местных, заставили заполнять какие-то анкеты. Совсем ещё молоденький милиционер нашёл в моей анкете кучу пробелов:

- А вы на каком факультете учитесь? – Совсем удивляясь, зачем ему такая информация, отвечаю:

- Искусств.

- Так Вы в музей Рериха? Там шмуток столько, как будто он жил здесь, а он был-то всего денёк! – с искренним негодованием рассказывает парень, - Вы уж лучше в старообрядческий музей сходите. Очень уж он хороший.

- Да нет, я по делам государственной важности – делаю максимально серьёзное лицо.

- А-а, в гости, ну, вы напишите тут, в цели визита,… а ещё пункт, куда едите… вот тут – до какой даты…

- А что ж так мало, на одну ночь-то всего, вдруг понравится? – интересуется всё тот же милиционер, отдавая паспорт.

- Меня дети дома ждут – мне нельзя задерживаться – отвечаю я на выходе, – кажется, парень обескуражен.

На улице ко мне подошли те двое туристов из нашего автобуса:

- Мы с Вами вместе ещё из Барнаула ехали. А Вы куда? – спрашивают.

- Я – в Катанду.

- А это где?

- А хрен знает. Я в первый раз.

- Ну, Вас там хоть встретят?

- Нет, - завожу разговор в тупик.

Водитель не обманул – мы приехали ровно в одиннадцать. Катанда – большая, а точнее, очень длинная деревня. Плутать по ней можно было хоть до утра. Меня высадили у единственного административного здания – больницы. Мне повезло. Есть такие люди, которым даже в автобусах дают только счастливые билетики. Им везёт в любой мелочи, как будто судьба по капли пытается расплатиться с ними за какое-то большое горе. Или же их подмасливает

сам чёрт. Они точно всю жизнь играют. Они плюют на общественное мнение, на условности и порядки. Таких людей обычно пылко любят, если только не завидуют им. А завистники как раз и обвиняют их в этой мнимой лёгкости. Я из этой породы людей. И мне опять повезло. Я нашла *его* в этой алтайской деревне, где одна моя белая шевелюра, настраивала людей враждебно: алтайцы не любят русских. Память о белых завоевателях они пронесли через века, и в них до сих пор живёт ненависть ко всем русским. Но почему тогда все эти алтайки так отчаянно пытаются родить именно от русских? Почему привораживают, уводят из семей? Оттого что мужчины-алтайцы спиваются, как все малые народы? Или, я много об этом думала, может никто никого не уводит?! Может у мужчин просто появляется непреодолимое желание сбежать, хоть бы на край света, забыть о своей жене, о детях, обо всём на свете забыть?!

Я узнала *его*. *Он* не изменился за все эти годы, только немного оброс. А я-то думала встретить лысого старика, но, видимо, горный воздух пошёл *ему* на пользу. *Он* выглядел ошалевшим (это *его* слово и оно *ему* подходит). *Он* рассказал, что работал водителем, пока *его* не выгнали за какое-то хулиганство. Сейчас – разнорабочий. Накормил рыбой, которую поймал сам, дал с собой несколько банок грибов, *им* же собранных.

Автобус до Горно-Алтайска отправлялся в полшестого утра. Провожая меня, *он* делился своими тревогами. *Он* выдал целый монолог, достойный записи и последующих размышлений. Подумать только, настоящий философ! Но я не вслушивалась, в то, что *он* говорил. Мне было всё равно. Я думала о том, как я рада, что стала другой. Я была горда, что совершила такое путешествие не для того, чтобы обнять *его,* и даже не для того, чтобы высказать всё, что я о *нём* думаю. Мне просто нужен был *его* паспорт, чтобы уладить вопросы с имуществом. *Он* говорил, что несчастлив, говорил, что любит меня больше всего на свете. Задавался вопросами о смысле и цели. А я точно знала, что никогда и не при каких обстоятельствах не разрешу себе думать над этими вопросами. Тем более, если они подталкивают бросать собственную семью без гроша в кармане, даже не зная, что с ней после этого сталось.

Пару раз в жизни я ловила себя на гаденьком чувстве. Это когда смотришь на кого-то свысока. И мне от этого же чувства становилось противно. Но сегодня я ликовала. Я выше этого человека, я другая. Я никогда не брошу тех, кого люблю, никогда не заставлю их ждать. И то, что двое из них живут слишком уж далеко, всегда будет меня тревожить. Но меня никогда больше не затронут мысли о *нём. Тот*, кого я больше всего любила, *тот* единственный, кого ненавидела, при встрече не вызвал у меня никаких эмоций. Связь, которая была между нами, пропала.

Я отлично понимала, что после этой поездки, я стану старше. Но я даже не задумывалась, что стану другой.

Меня разбудил зашедший в автобус милиционер. Мы сразу узнали друг друга: «Что, уже обратно?», «Да, хорошего помаленьку». Я видела, как он открыл мой паспорт на странице, где указывают детей, и убедился, что в тот раз я не соврала.

За ночь выпал снег. Заснеженные горы выглядели обалденно: тут и там из-под снега торчали золотые и зелёные верхушки деревьев, а где-то даже мелькали рябины. Мы ехали по заледеневшему серпантину, и автобус дважды съезжал задними колёсами в обрыв – приходилось вылезать и толкать. Дважды мы встревали в свежем липком снегу. Из-за растраченного времени водитель не сделал ни одной остановки, но никто и не был против.

В Горно-Алтайске я решила купить несколько сувениров для родственников. Продавщица в ларьке спросила:

- Так вы не похожи на туристку. В гости, что ль ездили?

- Ну да, к отцу.

- А он женат тут что ли?

- Да нет, он там женат, а тут живёт с алтайкой. Вот и приезжала за паспортом, чтобы в Барнауле с документами разобраться.

- Да что Вы. Вот не далее как вчера девочка такую же историю рассказывала. Сказала: «Вот прижму его к стенке – никуда не денется!»… Вот умеют же привораживать, бестии!

Когда-то единственно важным для меня было творчество. И меня мучило, страшно мучило, отсутствие каких-то особенных в себе талантов. Я помню этот переломный момент – вдруг из маленькой девочки с серьёзными стихами я превратилась во взрослого человека всё с теми же стихами. Я не перепрыгнула через свою голову, я не стала гением. И это понимание жгло изнутри, отравляло всю мою жизнь. Но сейчас… Я всё ещё понимаю, что не стану Художником… Я даже не смогу просто бросить писать, просто уйти вовремя… Я превращаюсь в одну из тех, над кем сама и глумилась.

Раньше нужно было небо, свобода… Я ещё помню её терпкий вкус. А сейчас мне хватит земли, той, что под ногами. И любимых людей совсем близко. Пока они согласны быть близко. И писать я буду просто для них. И это моя правда.

Павел ФИЛИППОВ ►

▼ CAPTAIN JOHN (рассказ)

Oh, My God! вырвалось у Кэпа с характерным оглушением звука «d». Он мягко закрыл свой лэптоп. Это означало, что день удался.

Кэп был двухметровым уроженцем Найроби с приблизительными внешними данными Уилла Смита, только лучше и намного старше. Он был серьезным, красивым, опрятно одетым кенийцем со всеми параметрами успешного человека. Он носил туфли на босу ногу, и шоколадные щиколотки выглядывали из-под брюк, когда он садился нога на ногу.

Мы закрыли офис и поехали в Джумейру.

Джумейра, знаменита многим: там и Священная Мечеть из розового песчаника, и аквапарк Wild Wadi, и Madinat Jumeirah Resort, и Burg Al Arab… Но мы с Кэпом поехали… на пляж. В Jumeirah Beach Park. Это нормально для холостяков. ☺)

Рядом в шезлонгах размещались две престарелые англичанки, и я наслаждался королевским английским. Для выпускника иняза послушать английский, на котором говорят вменяемые шестидесятилетние англичане – это лучше, чем секс.

Кэп игрался в волнах Персидского залива. Двухметровый рост позволял ему оказывать помощь различного характера всем, кто находился рядом и был ниже ростом. Он подбрасывал юных англичанок, чтобы те ныряли в глубину, катал на руках каких-то смуглокожих пацанов, в общем, проводил почти все время в воде и был счастлив. Он кричал, смеялся, кувыркался и нырял! Он вел активную водную жизнь, пропитывая свой организм йодом. Кэп отрывался, и для этого были причины.

Пару месяцев назад, в Африке, грохнулся АН-12 с его грузом. ИЛ-76 застрял в Ташкенте, и Кэп, оставшийся без цента денег, вынужден был занять у меня сто долларов на ужин. Однако он обещал девочек из Найроби, и это согревало мне душу.

Мы весело болтали по дороге в Аджман. Я жил от Кэпа километрах в двух, но он настоял, чтобы я не ехал к себе переодеваться и сразу поднялся к нему. Я нехотя согласился.

В его номере сидели две одинаковые стосемидесятисантиметровые куколки с накрашенными ногтями в шикарных дорогих черных бесформенных платьях и хохотали над фильмом, который они смотрели по их словам уже целый час. Кэп отозвал меня на кухню и рассказал, которая девушка его. Я кивнул головой, но не был уверен, что не перепутаю.

Утром Кэп начал собираться на работу. Кроме нас в номере никого не было.

Кэп, сегодня же четверг![1] тихо сказал я и откинул голову на подушку. Кэп послушно лег назад на диван, и мы встретились только перед обедом.

Он был хмур, и я сделал ему кофе. Он отказался. Я сделал овощную яичницу и плов. Кэп брезгливо отвернулся. Тогда я съел все сам и предложил ему прогуляться.

Давай где-нибудь поужинаем, я голоден, сказал он через полчаса пробега. Мужчина вернулся к жизни, подумал я, и мы поехали в Тройку. Там Кэп наелся русских пельменей и стал приставать к таксисту с просьбой дать порулить новым Шевроле. Я останавливал Кэпа до тех пор, пока таксист не согласился. Так мы оказались в Фуджейре, в ста километрах от моего Субару, и Кэп, разочарованный в Шевроле 2004 года, попросил меня расплатиться с таксистом. Я долго торговался, обосновывая свое упрямство несколько поспешным решением пробовать аппарат ночью и на такое расстояние. Но таксист вызвал полицию, и я уплатил пятьсот дирхамов непредвиденных расходов таксиста.

Я смотрел на Кэпа с ненавистью, когда тот о чем-то шептался с чернокожим арабом у фуджейровской тюрьмы, до которой нас довез все тот же теперь уже абсолютно счастливый таксист.

Кэп обнял меня и сказал по-русски фразу из фильма «В бой идут одни старики»: «Pavlyuha, budem zhit!» И после этого невозможно было больше злиться. Мы смеялись и ехали домой.

Все утро пятницы он топтался у своего ноутбука: долговязый, шоколадный, со светлыми ладошками и ступнями. Он не мог инсталлировать какую-то прогу, и, проходя мимо меня, будто невзначай задевал мои свисающие с постели руки и ноги. Я вынужден был проснуться и помочь ему.

Мы завтракали в гостиной. Пока нам несли пиццу, мы отварили королевские креветки. Кэп приготовил соус, и это было так вкусно! А потом я сварил кофе, и Кэп говорил «Oh, My God!», с удовольствием пробуя напиток.

Так бы все и продолжалось, если бы, наконец, не вернулся ИЛ. Кэп быстро засобирался. Пока он брился, мылся и звонил, я вызвал такси. Ждать Кэпа пришлось недолго.

Все хотел узнать: сколько тебе лет, Кэп? спросил я по дороге.

Шестьдесят семь, ответил Кэп.

Выглядишь не старше пятидесяти, сказал я. Кэп улыбнулся.

---

[1] В О.А.Э. суббота – первый рабочий день недели, четверг и пятница – выходные дни.

Несколько раньше я выглядел не старше сорока, весело сказал он.

А насколько я выгляжу, Кэп? Только честно, начал приставать к нему я.

Тридцать пять, не больше, смеясь, ответил Кэп.

Ты меня разочаровал, сказал я.

Почему? Кэп посмотрел на меня встревоженным взглядом маленького ребенка.

Кэ-эп! Учись различать когда я шучу, а когда говорю серьезно! Это была шу-утка! и я засмеялся. Он – тоже.

Я любил разговаривать с Кэпом, потому что наши беседы всегда были почти ни о чем. Но эта безответственная болтовня успокаивала меня, разгоняла ностальгию и создавала простую семейную атмосферу.

Закончив скучные дела во фризоне, мы ползли в тоскливой вечерней пробке по Emirates Road из Дубая в Аджман. На подъезде в Аджман я свернул вправо и устремил нас к кровлям в пустыне, где были стоянки верблюдов. Когда мы были уже относительно близко, я остановил машину и достал бинокль. Кэп, облизывая губы, спрашивал как они там. Все нормально, отвечал я.

Дай мне посмотреть, сказал он. Кэп взял у меня бинокль и долго смотрел в него. О, там и верблюжата ходят! воскликнул он. И добавил «Oh, My God!». И все это делал улыбаясь. Мягко и чуть иронично.

Ты обаятельный мужчина, Кэп, сказал я ему, когда он выходил из машины. Твоим женщинам повезло!

У меня – одна женщина! сказал Кэп в ответ грустно. Моя жена. И я не знаю, что с ней.

И, взяв пакеты с деньгами, устало попрощавшись, ушел.

Я еще какое-то время сидел в машине. Я тоже устал и не хотел больше вести авто. Но вечер был жаркий, и топать по такой духоте от Кэпа домой было неразумно. Я вышел из машины и закурил. Но сигарету тут же выбросил. Воздуха не хватало. Я зашел в кафе и попросил апельсиновый сок.

В кафе почти никого не было, и я решил посидеть там некоторое время. Финал дня был странный. Кэп ушел сгорбившись. Печальный. Он даже не посмотрел на меня. Я что-то не так сказал. Через полчаса, допив сок, я уже собирался уходить, как вдруг в кафе вошел Кэп. Увидев меня, он воскликнул негромко «Oh, My God!», быстро приблизился и приобнял меня.

Вам не спится, Captain? - Громко и шутливо, «на Вы», спросил я.

- Не спится, - тихо ответил он.

- Ну, тогда поехали в Кемпински? - Предложил я. - Ты завтра свободен, я – тоже. Поехали в боулинг!

- Поехали, Пол, но я устал, - сказал Кэп.

- Да ла-адно, - бодро сказал я. (Ненавижу себя за это дурацкое выражение.)

В Кемпинском мы начали пить пиво. В перерыве стандартного шоу я вылез на тесные подмостки и спел Blackbird. Публика, состоявшая большей частью из бритишей, начала подсовывать мне купюры. Я пел под гитару все, что только мог вспомнить из Битлз, и концерт получился минут на тридцать пять.

Чуть позже, довольный собой и неожиданным заработком в триста долларов, я то и дело порывался угостить Кэпа пивом, но тот отказывался.

В боулинг-клубе мы вяло отыграли один победный сет и познакомились с очаровательными украинками из Фуджейры. Те приглашали нас к себе, мы приглашали их к Кэпу, но в итоге нас понесло в Бар-Дубай, и у Краун Плаза нас остановила полиция. Кэп строго посмотрел на меня, чтобы я не выходил из авто. Сам же, вместе с двумя нашими новыми знакомыми, долго приставал к полисмену с занудными просьбами отпустить меня. Они о чем-то долго говорили по-арабски и по-английски, и нас всех, в конце концов, отпустили.

Теперь паркуй свой автомобиль прямо около этого полицейского, и мы едем ко мне в такси, сказал мне Кэп.

В номере все начиналось неуклюже. Кэп хоть и пританцовывал, готовя вечеринку, видно было, что он жутко устал. Барышни же скоро заскучали, и одна грустно удалилась в ванную. Когда Кэп в очередной раз вальсом ушел на кухню, вторая приблизилась ко мне с расстояния в пять метров до расстояния метра и начала хвастать своими познаниями в области авиации. Поняв, что она, очевидно, спит с русскими пилотами, теперь заскучал я. Я хотел что-то спросить, но вдруг понял, что не помню ее имени. Очевидно, это открытие высветилось у меня во взгляде, и она сказала: «Вы оба какие-то грустные. Что-то не так»?

- Мы сегодня весь день трудились и не предполагали, что так получится. Вы милые девушки, но сил просто не осталось, - и я дотронулся до ее руки.

- Ну, тогда давайте ложиться спать, - кротко сказала она и нежно провела указательным пальчиком по моему плечу.

- Ты думаешь, это удобно? Спросил я.

- Вполне, - сказала девушка без имени.

- Я обычно сплю там, - показал я на комнату с балконом, - а Кэп – здесь, на диване. Он раскладывается. Диван раскладывается, не Кэп, - пошутил я.

- Почему ты называешь его «Кэп»? - Спросила относительная незнакомка, рассматривая спальню.

- Так его называют все, ответил я.

Кэп вернулся из кухни с блюдами, полными фруктов.

- Пол, принеси вино. Белое, в холодильнике, в самом низу, в дверке, - серьезно сказал он и посмотрел на меня вопросительно, будто говоря: «Ну и что теперь»?

Девушка внимательно смотрела на нас, и я вышел.

- Кэп, можно тебя? Я не могу вино найти, - крикнул я из кухни.

Когда он пришел, мы составили план вечера, потому что избавляться от девушек сейчас означало платить за такси до Фуджейры, а это встало бы нам дорого. «Проще оставить их здесь», - говорил Кэп.

- Но у нас с собой много нала, а их мы видим впервые, - шепотом рассуждал я.

- Они об этом не знают, - говорил шепотом Кэп. - Контроль ситуации, Пол. Все будет в порядке. Пусть переночуют. Ты с этой? - Спросил он, кивнув головой на девушку, имя которой забыл и он.

- Вроде бы она ко мне придвинулась с энтузиазмом, - сказал я.

- Хорошо, там видно будет, - сказал Кэп. И мы вернулись в гостиную.

- Это ваш бокал, пожалуйста! Простите-е? Фальшиво протянул Кэп.

- Лия, - ответила девушка.

- Ваш бокал, Лия! - Торжественно сказал Кэп.

Когда нас стало четверо, мы торопливо попробовали вино под саундтрек к фильму «Гладиатор».

В следующую минуту стройный шоколадный Кэп, переодевшись в свинцовый халат, поставил какую-то сюиту в исполнении своих любимых Modern Jazz Quartet, и, под их спокойные колокольные изыски, начал плавно танцевать один. Скоро к нему присоединилась Мария-Констанция. Так звали вторую красавицу, которая была узенькой, плотненькой и высокой. Целомудренно извиваясь под спокойные звуки электропиано, они поглядывали на нас с Лией, и мы вскоре составили им компанию.

За несколько долгих минут этого действа я ощутил странное чувство. Кениец, две украинки и русский топтались на площадке в сорок квадратов на шестом этаже аджманского отеля вдали от своих Родин, уставшие от работы и имеющие эти короткие часы для того, чтобы ощутить тепло, близость, а потом осознать, что больше не увидятся никогда. Никогда через час, никогда через день, никогда через два…

Странно, но после этого спонтанного танца мы все почувствовали себя друзьями. Мы стали общаться негромко и с большим желанием. В обеих парах наступил свой обособленный семейный цикл, но периодически эти человекоциклы пересекались для того, чтобы выпить немного вина и обсудить возникшие в пароциклах вопросы. А их было множество. Кэп терпеливо отвечал девушкам, а я иногда вставлял ироничные замечания. Когда я начинал говорить, Лия прикасалась к моему плечу, как верная жена, а Мария-Констанция смотрела на меня чуть высокомерно, но с достаточной долей уважения: Кэпа она оберегала от вторжения Лииных взглядов и моих вербальных юмористических поползновений. Делала она это ревностно, и Кэп, замечая ее заботу, говорил тихонько «Oh, My God…»

Кэп неумолимо становился душой вечеринки. Удивительно гибкий, подвижный, стройный, он показывал нам такие па, что все хлопали в ладоши от восхищения. Когда началась One Never Knows, Кэп сквасил мину маэстро, играющего на рояле, и показывал пантомиму пианиста. В общем, на этом этапе вечеринки усталость всех покинула, всем стало хорошо, и мы, уже переодевшись в домашнее, передвигались по номеру в различных вечеринко-бытовых целях.

- Я сейчас приду, - шептала мне Лия, и убегала на кухню за чем-нибудь из еды.

- Подожди, дорогая, я сейчас вернусь, - говорил я, и принимал короткий душ.

Девушкам нравилось наше общество. К ним не приставали с интимом. С ними не пошлили. Истосковавшись по нормальному мужскому обществу, они рады были услужить нам с Кэпом абсолютно во всем. Все шло хорошо.

Больше всего мне нравилось то, что девушки не переглядываются между собой, не удаляются в отдельный шамбр, чтобы обсудить какие-то свои профессиональные вопросы. Все было по-человечески. Пати была просто на удивление спокойной и интересной.

Никому не хотелось прекращать оказавшееся столь неожиданно ценным общение. Но физическая усталость брала свое, и вскоре Мария-Констанция, в очередной раз приклонив свою голову Кэпу на плечо, закрыла глаза и провалилась в дрему. Мы с Лией посмотрели на Кэпа. Кэп приобнял Марию-Констанцию и кивком головы показал нам, чтобы мы освободили диван.

- Ты женат? - Спросила меня Лия, когда мы легли в огромную постель Кэпа.

- Нет, - ответил я.

- Еще не был или разведен? - И, подставив под голову ладошку, она придвинулась совсем близко.

- Развелся, давно уже. Десять лет. А ты? - Спросил я, поворачиваясь к ней. От нее пахло ночным кремом.

- Я замужем не была. Вот приехала в Фуджейру, поработаю немного, может быть повезет, - грустно сказала она.

- В чем? Замуж выйти? - Спросил я.

- Ага, - сказала Лия с акцентом. Наши девчонки все тут за арабами.

- Вряд ли за арабами. Тут любой сириец или ливанец выдают себя за арабов, - сказал я.

- Расскажи, - попросила она.

- Арабы не станут по пляжам и ресторанам знакомиться. Им не до этого, - сказал я. - Но случаи арабозамужества наших барышень есть. Только надо быть осторожнее. Наши женщины привыкли быть единственными, а у них все несколько иначе, - вещал я сквозь неумолимо наступающий сон.

- У тебя девушка есть? Здесь, есть? - спросила она.

- Постоянной - нет, - я погружался в сон.

- А где ты живешь?

- В Мохейри, километра два отсюда, - отвечал я уже из другого измерения.

- Я знаю, где это, сказала Лия. Устал? - Спросила она меня.

- Угу, буркнул я.

Она перевернулась на спину и потянулась. «О-ох»! по-деревенски зевнула она. И я вдруг остро ощутил ее первоначальное предназначение. Я почувствовал, почему такое нужно мужчине. Красивая сильная молодая сексапильная самка. Но я понимал и то, что сейчас нельзя ничего делать. Был прекрасный вечер, и мы все испортим, если займемся этим. Я повернулся к ней и обнял ее за талию. Она нежно гладила мою руку, и это все что я помню…

«Oh, My God»! - Негромко доносилось из гостиной. Было позднее утро. Я осторожно убрал Лиину руку со своего плеча, выбрался из-под одеяла и оделся.

Кэп и Мария-Констанция пили кофе с сэндвичами и тихонько задушевно смеялись. Он ей что-то рассказывал, двигая длинными шоколадными пальцами.

Идеальная пара! Кофе с молоком просто, подумал я о них и, поздоровавшись, проследовал в ванную, а оттуда на кухню. Когда я вернулся со своим завтраком в гостиную, там уже была Лия.

- Пол будет завтракать, - сказал Кэп.

- Да, это так, - ответил я. - Лия, ты хочешь булочку с сыром и ветчиной? - И я придвинул блюдо к ней поближе.

Лия кивнула и осторожно начала есть бутерброд. Наконец-то я рассмотрел ее. В моей белой карденовской рубашке, которую она накинула вместо халата, Лия выглядела обольстительно. Короткий светлый волос был наспех причесан, и отдельные обворожительные золотистые струйки свисали там и тут. Стройные полные украинские ножки были целомудренно сдвинуты. Ложбинки, плавные выступы и изгибы создавали светотень и смотрелись настолько красиво, что я пожалел о том, что я не художник, а она – не натурщица.

Лия аккуратно ела вкусный бутерброд и еще более аккуратно отпивала кофе. Я наслаждался моментом. Я боялся что-то сказать: так прекрасно было это утро в обществе двух красивых девушек и офигенного Кэпа.

- Где машина стоит - помнишь, Пол? - Спросил Кэп спустя некоторое время.

- У Краун Плаза, в Бар-Дубае, - ответил я.

- Как ты смотришь на то, чтобы сегодня съездить в Фуджейру или Оман? - Спросил он. - Я уже обсудил это с нашими дамами, и им эта идея понравилась.

- Давайте съездим, - почти равнодушно ответил я. - Если меня первого пропустят в душ, то через минут пятнадцать я уже уеду за машиной.

- Идет, - сказал Кэп.

- Можно мне с тобой? - Спросила меня Лия. - Я быстро соберусь. Можно?

- Здорово, - ответил я. - Она улыбнулась мне и задорно поворошила короткие кучерявые волосы Кэпа.

Все переглянулись. Всем было хорошо. Гармония новых чистых отношений витала в воздухе. Мы все были в белом, как ангелы. И светлая палитра квартиры Кэпа казалась райской.

Впервые за много месяцев я ехал по Дубаю с женщиной славянского происхождения, которая проявляла ко мне нескрываемый интерес. Лия рассказала, что работает секретарем в небольшой гостиничной конторке и изредка спит с женатым шефом-индусом, чтобы не потерять работу. Похожее резюме было у Марии-Констанции.

Лия нравилась мне. Я устал от разовых скудных контактов и не мог наслушаться веселой болтовни прекрасной спутницы. Ее левая нога периодически касалась моей правой руки, и однажды я прикоснулся к ней. Она не обратила на это никакого внимания. Вернее дала понять мне, что я могу это в разумных пределах повторять. И я делал это несколько раз. Уже на подъезде к Аджману я остановил машину и поцеловал ее. Она была свежа и трепетна. Ей было лет двадцать пять.

Завибрировала трубка, и спокойный голос Кэпа справился как мы там и где мы.

- Мы – хорошо. Уже почти здесь, - ответил я.

Мы вчетвером ехали в Фуджейру. Странно, но мы молчали почти всю дорогу. Однако я не находил это молчание разрушающим. Напротив, мне это казалось доказательством взаимного обожания и полного доверия.

В Фуджейре мы посетили жилище Лии. Она предложила, и мы подъехали к одноэтажному отелю, состоящему из нескольких вытянутых домиков. Ее скромная комнатушка была чистой и уютной. На стенах висели ее фото разных лет. Кэп тактично разглядывал ее фотобиографию. Мария-Констанция готовила какую-то еду. Лия же не отходила от меня ни на шаг. Я был занят автомобилем и то и дело выходил на парковку. Так мы ходили с ней некоторое время, пока она мне не сказала одну странную вещь: «Я тебя люблю».

- Этого не может быть, Лия! На дворе 2005 год! Любви уже на свете белом давно нет, - по-доброму, шутливо ответил я. Но мне было приятно услышать такое.

- Я имела в виду, что ты мне нравишься. Сразу понравился. А как ты поешь! м-м! - И Лия погладила меня по взмокшей спине. - Пойдем в душ? - Предложила она. - А то ты уже упарился со своим Субару. Чья машина-то? И я тебе – как? - И она подбоченилась.

- Это одна из лучших японских машин, - ответил я. - А ты просто прекрасна! Я без ума от тебя, и ты это знаешь. Ну, пойдем в душ… - И мы пошли в ванную.

Там все было по-пионерски. Мы дурачились. Потом Кэп громко позвал нас, и мы, освеженные, вышли к столу, приготовленному Марией-Констанцией.

- Ты грустный, - сказала мне шепотом Лия. - Если бы я могла тебе чем-то помочь, - она обняла меня за талию незаметно для наших друзей.

- Меня Кэп беспокоит, - тихонько сказал я. - Он грустнее меня в сто раз. Ты не заметила? - И я кратко взглянул на нее.

- Заметила, - сказала Лия серьезно.

Мария-Констанция кормила монументального Кэпа с руки. Он сначала пытался все делать сам, но ему это не удалось. Внимание женщины с двойным именем было совершенно. И Кэп послушно слизывал яства с ладони примадонны.

Мы достигли Оманского побережья через полчаса и принялись бесцельно ходить вдоль берега Индийского океана, поражаясь тому, как цвет его воды отличается от цвета лазурной воды Персидского залива.

Остаток дня мы провели недалеко от Диббы, где даже умудрились договориться с пакистанцами, чтобы отправиться на рыбалку. Наловив немного рыбы, мы захотели что-то приготовить из нее, но я предложил отдать рыбу хозяевам лодки, зная, что для тех это будет большой подарок. Так мы и сделали.

Мы поужинали в Le Meridian, и обслуживание оставляло желать лучшего. Еда оказалась невкусной, и вообще после Le Meridian в Абу-Даби, я остался от Le Meridian в Фуджейре в легком шоке. Девушки тоже были не в восторге, хотя сравнивать, как это делали мы с Кэпом, не могли. Расстроенные, мы вывалили на улицу и упаковались в машину.

- Едем ко мне, - сказал Кэп. - Все неожиданно быстро согласились. Лия набрала шефа-индуса и сказала, что завтра ее не будет. Мария-Констанция сделала то же самое. И все наконец-то обменялись номерами телефонов.

Жизнь приобретала семейно-туристические формы.

Эти трое веселились на заднем сиденье, а я работал водителем. Позже Лия, навалившись на Кэпа под грозными взглядами Марии-Констанции, уставилась в окно и смотрела на вечернее небо. Кэп уснул.

- Останови, я пересяду к тебе, - попросила Мария, и остальной путь мы проделали молча. Я изредка лаконично, отзывчиво ухаживал за Марией, подавая ей зажигалку. Когда я поставил «Глазами эмигранта», она спросила: «Кто это»?

Я ответил: «Ден».

- Твой друг? - Спросила она.

- Нет, - ответил я. - Просто знакомы. Были. Он умер.

Она ничего не сказала. Молча слушала голос Дена.

Я припарковался у дома Кэпа. Все кроме меня спали, и мне не хотелось их будить. Я испытывал чувство нежности к этим ребятам. Мне хотелось их погладить, как своих детей.

- Катапультируемся, сони, - негромко сказал я и выключил кондиционер. Компания неторопливо покинула автомобиль.

Мы бродили по номеру в течение минут пятнадцати, готовясь ко сну, с полузакрытыми глазами, и уже через полчаса в доме Кэпа было тихо-тихо. Все мирно спали.

Я проснулся ночью и побрел на кухню. Мне захотелось холодного молока с каким-нибудь печеньем. Я полез в холодильник за молоком.

- Выспался? - Услышал я голос Лии и выпрямился. Я, онемевший, стоял с бутылкой молока в руке, как балбес. Она подошла ко мне и прильнула всем телом. - О, боже! Как же хорошо тут у вас, - сказала она тихо. И поцеловала меня в губы.

- Молока хочешь? - Спросил я и поперхнулся собственной слюной.

- Я лучше бы кофе выпила, - простенько ответила Лия. Она потянула меня за руку и снова прижалась ко мне. - Ха-ха, - хохотнула она, заигрывая со мной.

Лия забрала у меня бутылку с молоком, быстро устроила скромный стол, и мы осуществили неторопливый midnight snack. Все, от неяркого освещения до теплого поведения Лии, радовало меня. Мне вспомнился фильм «Ирония судьбы». Я закрывал глаза, и мне чудился Питер. Заснеженный, новогодний. - Пойдем уже, сказала Лия, и мы ушли в спальню.

Через пару недель мы с Кэпом пригласили девушек к себе еще раз, но это было уже почти неинтересно. Все думали только о сексе. От романтики не осталось ни следа. Девушки все больше нажимали на наши кошельки, и мы с Кэпом поняли, что это рандеву будет последним.

А еще через пару недель я уехал из эмиратов по делам. Это было довольно неожиданно, и я отсутствовал около месяца.

По приезде я перво-наперво набрал номер Кэпа, чтобы извиниться за то, что уехал не попрощавшись. Номер был отключен.

«Перезвоню через пару часов. Должно быть, отдыхает», - подумал я. Но и через пару часов номер молчал. Я звонил весь вечер, но Кэп был отключен.

«Сменил симку? Зачем?» - Думал я по дороге к нему. Я вошел в гостиницу и подошел к лифту. Огляделся. Индус, который всегда здоровался со мной, когда я бывал здесь, быстро подошел ко мне.

- Как дела? - Сказал он. - Вы что-то хотели забрать?

Но там уже была уборка, и он сочувственно смотрел на меня.

- Извините, что происходит? - Спросил я.

- Мистер Джон скончался у себя в номере несколько дней назад, - виновато сказал индус. - Примите мои соболезнования.

Была небольшая пауза.

Спасибо, - наконец ответил я. - Где его диски? Что-то осталось у вас после него?

Индус ушел в подсобное помещение и вынес один диск.

- Этот диск Джон мне давал просто послушать, - сказал он. - Я его так и не успел ему вернуть. Возьмите, я сожалею, - сказал он.

Я молча забрал диск с любимым квартетом Кэпа и вышел на улицу.

В офисе я включил его лэптоп. На рабочем столе лежала папка «to print». Там были смешные рисунки в стиле Битструпа. Под каждым из них было подписано что-то авторское. Там были небо, самолеты, лодки, смешные толстые и тонкие люди, женщины в купальниках и одна негритянка с браслетом на руке. Там был и сам Кэп, сидящий под пляжным зонтом в шезлонге и глядящий на Индийский океан. Я был нарисован с гитарой у микрофона. Под рисунком было написано: «Paul singing his nice songs». Сбоку было подписано: «The world is round». Внизу одной из страниц была надпись: «Permit the flight of fancy»… и еще много разных фраз.

Я затрясся, и слезы потекли у меня из глаз. Это длилось недолго. Я закрыл лэптоп и вышел из офиса. Самолеты шли на посадку и взлетали в синее дубайское небо. Кэп будто стоял рядом. Было не похоже, что его нет. Я даже слышал его неизменное «Oh, My Got». Я оглянулся. Но никого не было. Только электрокарщик проехал мимо и помахал мне рукой. Я помахал в ответ.

- Кэпу привет! - Крикнул он.

Я утвердительно кивнул головой.

Павел ФИЛИППОВ ►

▼ YA-NIA (рассказ)

Опель-Вита – маленький автомобиль серого цвета, в котором я совершал поездки для решения повседневных задач, выкатили из мойки прямо к моим новым итальянским туфлям. Качество услуг было налицо, и витиеватый пакистанец еще долго крутился вокруг меня, сдувая с меня пылинки. Получив десять дирхамов чаевых, он мгновенно удалился. Мне стало жаль, что его внимание оказалось продажным. Ведь все-таки хочется какой-то искренности! Но не здесь. Здесь я – источник дохода.

Holiday Beach Club находится на границе Аджмана и Шарджи. Средняя парковка и услужливый персонал, с самого входа до бармейд, когда ты хочешь что-то заказать, - все производит впечатление родного дома. Я решил провести здесь вечер, потому, что был снедаем тоской. Ностальгия и жара сделали свое дело, и я с удовольствием поднялся по спиральной лестнице в заведение.

Поп-группа филиппинцев из пяти человек, исполнявшая любую композицию из мирового популярного репертуара, впечатлила меня по прошествии первого часа. Они спели все, чего я не ожидал здесь услышать. Все хиты всех сезонов. Исполнение было великолепным, если делать скидку на легкий акцент, присущий даже образованным южноазиатам.

На сцену выскочила ведущая и провела конкурс. Не понимая, чего от меня хотят, я участвовал. Все меня с чем-то поздравляли, осыпали цветами, подносили ко рту микрофон, но я хотел отдохнуть от общения и в следующем конкурсе, несмотря на просьбы и требования общественности, участвовать не согласился. Тем временем групп-филиппинцы продолжили свое шоу, и когда они спели «Yesterday», я, повинуясь инстинкту, двинулся к сцене. Тихо сказав на ухо лидеру, что хотелось бы услышать (а то и спеть самому) «London Town McCartney», - я с удовольствием отметил, что песни в репертуаре нет. «Слабаки», - подумал я и пошел к своему столику. Через пять минут, пошептавшись и послушав в наушниках это произведение, мастера ресторанного попа приблизились ко мне и предложили спеть искомую композицию. Я согласился, хотя боевой настрой пришлось торопливо восстанавливать. Мы быстренько отрепетировали узловые моменты, и я подошел к микрофону.

«Ladies and gentlemen, this smart fellow, Paul from Ajman, Mohairi, is eager to sing Macca's London Town for you! Are you ready, guys? So, here we go! OK, Paul»! - бодро прокричал лидер-филиппинец, и первые волшебные туманообразные звуки органа, ничем не отличавшиеся от оригинала, неуклонно и динамично зазвучали в портале. Я понял, что не успеваю подготовиться, и поднял указательный палец кверху. Группа продолжала играть как ни в чем ни бывало. Они улыбались и кивали мне головами. Я подошел к филиппинцу-лидеру и попросил начать еще раз. Люди у сцены захлопали в ладоши и стали расходиться к столикам. Я покраснел. Мы начали еще раз…

Ко второму куплету микрообщество уже вновь стояло у сцены и водило зажигалками в воздухе. Смахнув пот, пожав лидер-гитаристу руку и поцеловав лидер-филиппинца, я удалился к столику.

Через секунду ко мне подсели две китаянки трудноопределяемого возраста в пределах двадцати пяти – тридцати пяти лет. Они плохо говорили по-английски, но я понял, что они впечатлены моим пением и хотят со мной выпить. Я заказал им какую-то бурду, а себе пиво, и мы в течение получаса, перекрикивая страшный грохот поп-филиппинцев, общались, не понимая друг друга. Но стало ясно почти сразу: одна из них свободна и ищет пару.

Мы ехали ко мне в квартиру, и по дороге она несколько раз приклоняла свою голову мне на плечо. Это не вызывало никаких чувств, но было очень необычно. Я смотрел на дорогу, а она трепетно смотрела на меня. Мне казалось, что я не стою такого внимания, но это было все же приятно.

- What's your name, dear? - начал я светский разговор.

- Ya-nia, - услышал я и несколько раз переспросил, чтобы уточнить необычное сочетание.

- Ya-nia, Ya-nia, - повторяла она, как это делает Любовь Петровна Борисова на четвертом этаже желтой субмарины в Барнауле.

- Ya-nia? - Повторял я.

- Ya-nia, Ya-nia, - смеясь произносила соотечественница Конфуция, легонечко пожимая мое запястье.

Хоть я и рассмотрел ее в клубе, все же мне хотелось разглядеть ее лучше, и я предложил купить конфеты. Она взвизгнула от радости (!), и мы припарковались у 24-часового супермаркета. Я первый раз в жизни ходил с китаянкой по продуктовому магазину, и это произвело на меня глубочайшее впечатление. Она двигалась плавно, постоянно поглядывала на меня и весело смеялась. Время от времени она окликала меня по имени и вертела в руках какой-то пакет. Взгляд был вопросительный: «Ты такое любишь»? Я кивал отрицательно и положительно через раз. Она набила возилку доверху минут за десять, и среди этих продуктов я не увидел ничего из того, что взял бы я. Ну, и я купил еще коробку конфет.

Мы ехали и смеялись. Просто смеялись, и все. Она была красива, спортивна, как маленький медвежонок с бочонком меда. Светлая, дружелюбная, совсем не похожая на блядь. Ноябрьская ночь была прохладной, не более двадцати пяти по Цельсию, и я прогулял нас на корниш. Там мы посветили фонарем крабиков, зашли прямо в одежде в Залив, насобирали банальных ракушек и уже под утро решили поехать ко мне.

Удивительно, но усталости я не ощущал совсем. Ya-nia прыгала как обезьянка. Она нападала на меня из засады, валила меня на песок, всячески жулькала меня. Я был счастлив и смеялся, как дитя.

Когда она вышла из ванной, я уже открыл бутылку красного сухого вина. Она села у моих ног на ковер. Обняла мои колени и начала гладить мои ноги. Это было щекотно, приятно и так необычно. Я тоже погладил ее, но

у меня не получалось гладить так же нежно и искренне. Потом она что-то мне рассказала, и я кивнул. Мы пошли на кухню. Она приготовила минимум, который нужен к вину. Это был салат из морепродуктов.

Она трещала по-английски без умолку. Я ничего не понимал, отпивал вино из бокала и кивал головой в ответ. Было уже совсем светло, когда она полулежа заснула на диване. Я сидел рядом с ней и любовался. Она спала тихо-тихо. Необычайно светлая кожа имела искристый оттенок, а незаметный светлый пушок на руках и ногах был виден только в контрастах изгибов. Оставив ее ненадолго, я ушел на кухню, сделал кофе и начал листать беззвучные каналы. Мне не хотелось спать, но я уже чувствовал усталость.

Я проснулся от легкого ветерка. Открыв глаза, я увидел свою новую знакомую, которая делала зарядку. От ее движений и возникал этот легкий ветерок. Я улыбнулся. Мне было хорошо. Она что-то пролопотала и продолжила упражнение. Потом она приблизилась ко мне, потрогала двумя пальцами мой бицепс и шутливо поморщилась. Это означало что-то вроде: «ну и мужик нынче слабый пошел»! И снова начала меня возюкать по полу, стащив с дивана за ногу. Падала на меня, смеялась, корчила рожицы. Убежала в ванную, потом начала что-то готовить на кухне к завтраку…

Я не знал, что с этим делать и решил не делать с этим ничего. Съел вкуснейшее что-то на завтрак и уехал в Дубай, поцеловав Янью в губы. Она что-то быстро говорила мне вслед, и я чувствовал себя почти женатым человеком.

Через пять минут я уже стоял в пробке и готовился к двухчасовому маразму. Ночью можно доехать из Аджмана в Дубай за пятнадцать-двадцать минут. Днем же это путешествие может потребовать до трех часов. К тому моменту, когда я уже пару раз ругнулся на кого-то из соседей (мол, куда ты лезешь, сволочь!?), вдруг раздался звонок. “Hi, darling!” было единственным, что я понял из слов Яньи, но наш разговор продолжался пока не села батарея моей трубки. Это было приятно. Я почувствовал, что обо мне кто-то заботится.

Мы занялись сексом только на четвертый или пятый день, и он был продолжением бесконечной игры с нападениями из засады. Она устраивала на меня сафари и с победными криками и смехом привлекала меня к шутливой борьбе, а когда доходило до секса, она становилась томной и чужой. Все было хорошо, но моменты отчуждения меня пугали. Она будто уходила в эти моменты куда-то, и оставалось только тело. Но мне нравилось, потому что я люблю секс, а она была прекрасной любовницей.

Так прошел месяц. Однажды вечером я ехал домой в предвкушении утех с Яньей, когда она позвонила. Я понял слово “another”, слово “man” и словосочетание “going with him”. Дальше все было как в тумане. Она что-то говорила, я что-то слышал. Потом прозвучали прощальные стандарты и вежливые откоряки. В сущности, в тот момент я не испытал ни чувства потери, ни горя… ничего…

Но уже через полчаса я бродил по комнатам, как герой Хэнкса в фильме «Форрест Гамп» и смотрел на предметы, оставшиеся после нее. Массажер, пилочка, зубная щетка, плавочки, электронные весы, рисунки с надписями “Paul and Ya-nia”, коробочки, сумочки, какие-то соусы и травы, шампуни, полотенце… Слезы неудержимо текли у меня по лицу. Я с трудом восстановился к утру, заснув буквально на один час.

И потом еще долго-долго, стоя в эмиратских пробках, я вспоминал ее звонки и прикосновения, а губы произносили тихонько: «Ya-nia…»

Руслан ДОЛЖЕНКО ►

▼ В ДОРОГЕ (рассказ)

Приглашение в дорогу

Этот день начался для Игоря Петровича Бергмана как обычно. Три последовательные трели будильника постепенно подготовили его к пробуждению и на последней, самой мощной мелодии, ныне действующий руководитель крупного федерального банка поднялся с постели. Позвоночник как всегда затёк до состояния сосульки и совершенно не хотел гнуться, но порция таблеток, запитая крепчайшим кофе и получасовая пробежка на беговой дорожке, сделали своё дело – жить после них становилось не так отвратительно. На одевание требовалось обычно от пяти до пятнадцати минут – время зависело от того, насколько галстук подходит к рубашке. Больше его в этой квартире ничего не держало, и можно было спокойно ехать в офис. За входной дверью его привычно ждал телохранитель – один из двух братьев-близнецов. Игорь Петрович никогда даже не задумывался над вопросом, как зовут каждого и как их различить - а зачем? Тонированная машина с быстротой чёрной молнии довезла его до работы, чему способствовал проблесковый маячок на капоте и пустота улиц ещё спящей столицы.

Многоэтажный офис должен был навевать на входящих в него людей первобытный ужас своей монументальностью, но не на всех: по мнению руководителя совета директоров банка, все должно происходить наоборот – его приход должен приводить все здание в ужас. Впрочем, именно так всегда и было. Подтверждением этого был семенящий к Бергману начальник поста охраны с традиционным отчётом об отсутствии происшествий в банке за предыдущую ночь. Внимательно выслушав привычную фразу, Игорь Петрович холодно посмотрел в глаза начальнику, задержал взгляд на несколько секунд, а затем улыбнулся. Ему нравилось производить гипнотизирующий эффект на подчинённых – несколько секунд, в течение которых их мир выворачивается несколько раз наизнанку – такие мгновенья дарят самые сильные и страшные ощущения как для змеи, так и для жертвы.

Работа началась, когда Бергман вошёл в приёмную – там его уже ждали секретарша и первый зам.

- Ирина Сергеевна, дайте указание кадровикам подготовить документы на увольнение начальника поста охраны и уточните данные по предстоящей поездке в Норвегию. На восемь часов у нас совещание – обзвоните второй список.

- Николай Михайлович, нам нужно обсудить, что нам дальше делать с алмазниками, мне позвонили от самого, просили помочь с выдачей кредита. У меня есть пара идей. Пойдёмте, обсудим…

Когда Игорь Петрович погружался в рутину работы, он терял ощущение времени, оно могло длиться очень медленно, когда нужно было обдумать какой-нибудь важный вопрос или, наоборот, очень быстро, когда нужно было подмахнуть на огромной кипе бумаг свою подпись. Можно было сказать, что кроме работы не оставалось больше ничего – ни внешнего, ни внутреннего мира – одна только работа.

В восемь часов, когда все собрались на совещание, Николай Михайлович начал объяснять присутствующим ситуацию с алмазодобывающим консорциумом, чтобы предложить свой вариант решения назревающей проблемы. У него был хваткий ум и отличная память, поэтому Бергман даже не слушал речь своего зама – тот, как обычно, правильно понял все инструкции. Когда дело дошло до кульминации, и часть присутствующих возмущённо заохала, шум прервала трель внутреннего телефона. Крайне удивившись этому факту (секретарша знала, что в совете важное совещание и беспокоить руководителя не целесообразно) Игорь Петрович, не изменившись в лице, взял трубку и почему-то очень медленно поднес ее к уху. Из динамика телефона слышался какой-то треск и шум, перебиваемый звуком похожим на завывание ветра.

- Да. Я слушаю.

- *Игорь… Уууу… Игорь… Уууу…*

- Алло, кто говорит?!?!

Бергману почему-то стало трудно дышать, галстук от Армани нещадно давил на шею. Дёрнув воротник, он не заметил, как у него оторвалась верхняя пуговица и в тишине покатилась по отполированной поверхности стола, не заметил он и того, что все присутствующие замолчали и с ожиданием смотрят на него.

- *Игорь – это я. Игорь, я…*

Левую скулу Бергмана обожгла капля пота, он узнал этот голос, даже не сам голос, а те интонации, с которыми было названо его имя….

- Да, это я, я слушаю…

…И это были не завывания ветра. Это мама с трудом сдерживала всхлипывания.

- *Игорь, папа умер. Завтра похороны. Приезжай.*

Тишина. Пустота. Тишина. Где-то за миллионы километров отсюда лопнула струна.

- Хорошо. До встречи…

Медленно опустив трубку, Игорь Петрович обвёл присутствующих взглядом. Посмотрев на своего зама, он будничным голосом спросил:

- Так что ты предлагаешь нам сделать в этих условиях?

…Поздно вечером Игорь Петрович стоял у окна, потирал пальцами виски и смотрел на ночной город за стеклом. Мерцающие сороконожки струились по дорогам внизу, в здании напротив поочерёдно гасли окна. Бергман смотрел не вниз, он всматривался усталыми глазами вверх, туда, где должны были находиться звезды. Первый раз за многие годы он смотрел туда и не находил того, что ему было нужно. Небо было затянуто темными тучами.

Медленно повернувшись к двери, надеясь, что секретарша наконец-то ушла, не дожидаясь ухода руководителя, он позвал:

- Ирина!

- Да, Игорь Петрович!

Почему то она ответила с небольшим запозданием, Бергману показалось, что в ее голосе сквозило небольшое удивление.

- Закажи мне билет на ближайшее время до Барнаула. Завтра меня не будет. Для всех я буду в командировке. Предупреди Николай Михайловича, что он может мне звонить на сотовый, но только по неотложным делам.

- У вас что-то случилось?

- Случится у тебя, если ты будешь задавать глупые вопросы. Все, я жду информации о билетах.

Отправление в дорогу

Шасси мягко коснулись поверхности, вокруг начали нарастать звуки шелеста. Самолёт пару раз тряхнуло, а затем он медленно начал сбавлять ход, пока полностью не остановился. Занавеска в конце прохода отдёрнулась и открыла вечно улыбающееся лицо стюардессы и чёрный зов открытой двери выхода из самолёта. Люди вокруг засуетились. Бергман сидел на сиденье и даже не думал вставать. В эти секунды он пытался приблизительно представить, сколько раз ему приходилось выходить из различных самолётов в различных странах, пьяным или трезвым, в день или ночь - все эти мысли проносились в его голове, но он даже не догадывался, что они лишь пытались закрыть своими черными тенями маленькую искорку понимания того, что в этом аэропорту он был лишь один раз в жизни, когда много-много лет назад уезжал покорять столицу. Дождавшись, пока последняя пыхтящая пассажирка исчезла в темноте выхода, Бергман встал и направился вслед за ней. У него не было с собой никакой сумки, джинсы и футболка непривычно давили на тело. Из вещей у Игоря Петровича не было с собой ничего, кроме портмоне с деньгами и документами и сотового телефона. Не было у него и плана действий на ближайшее время.

Внизу у трапа его уже ждали. «Все-таки она дура, приеду, уволю нахрен», - пронеслась мысль у него в голове, пока, спускаясь вниз, он пытался понять, кого из лизунов прислала ему судьба в виде будущей безработной секретарши.

- Игорь Петрович! - Самый нетерпеливый не стал дожидаться, пока нога гостя ступит на асфальт покрытия взлётной полосы. – Рад приветствовать Вас на территории нашего края!

Предвосхитив угрюмый вопрос, глаз Бергмана, маленький, начинающий толстеть и лысеть мужчина поспешил представиться:

- Управляющий дополнительного офиса города Барнаула филиала Сибирского округа банка У…

Игорь Петрович протянул ему руку, сделал вид, что наморщил лоб в поисках ответа в своей памяти и с вопросительной интонацией спросил:

- Семён …?

- Михаил Алексеевич! - поправил его, ставший ещё более довольным руководитель местного филиал.

- Ах, да, Михаил Алексеевич. Буду краток: не нужно меня знакомить с вашей политической элитой, я не поеду ни в гостиницу, ни в ваш офис, уберите эту девушку, хлеб и соль куда подальше. Мне нужен лишь один водитель и машина. Это все. Ещё одно слово и я завтра же закрою *свой* филиал и все *свои* кредитные линии всем администрациям и фирмам региона. Можете быть свободны.

С лёгкостью обнаружив фигуру водителя чуть вдалеке (она была самой худой и подтянутой из всей этой выставки пузатых фигур), он направился к ней, оставив превратившегося, судя по цвету лица и по издаваемым звукам в умирающую рыбу, директора филиала за своей спиной.

Водитель – молодой ещё, белобрысый парень, сразу понял, кто перед ним, махнул рукой за собой и пошёл к входу в аэропорт.

- Машина у входа. Куда поедем?

- Почему ты здесь? Обычно встречают только шишки, а водители ждут у машины?

- Наш управляющий в последний момент испугался, что ему придётся тащить ваши сумки, взял меня с собой.

Несмотря на раннее утро, внутри аэропорта было достаточно людно, эффект массовости увеличивался за счёт того, что в центре здания поток прибывших разбивался о линию встречающих. Пропустив водителя вперёд, Игорь Петрович вынужден был посторониться, пропустив к выходу мужчину с ребёнком - пацаном лет пяти.

- Пап! Я сам! Не месай! Я сам!

Мальчуган с разбегу воткнулся руками в тяжёлую дверь и начал с кряхтениями пытаться ее сдвинуть с места – у него ничего не получалось.

- Ну, давай, чемпион, покажи, что ты можешь. – Отца, действия отпрыска, судя по реакции, забавляли. Отпрыска, действия отца, судя по реакции, наоборот, злили.

Бергман, догадываясь, чем кончится это соперничество молодого отца, ещё более молодого сына и старой двери, по привычке посчитал про себя до трех, затем отодвинул плечом родителя в сторону и, не замечая возмущённых криков мальчугана под ногами, толкнул дверь вперёд.

- Ну, зачем! Я бы её отклыл!

Игорь Петрович, подходя к машине, по инерции повернул голову, прямо за его спиной стоял мальчик с перекошенным от злости лицом, сжатыми в ярости кулачками, который с вызовом смотрел ему прямо в глаза. За спиной мальчугана стоял его отец с точно таким же лицом, как и у сына, с той лишь разницей, что оно было лет на тридцать старше, и на нем была улыбка. Отец также стоял и смотрел Бергману прямо в глаза. Затем он подошёл к сыну, приобнял его за поникшие плечи и повёл в сторону.

Бергман вернул голову в исходное положение и сел в машину.

- Так куда мы едем, шеф?

Игорь Петрович невидящими глазами посмотрел на водителя.

- Мы? Мы – никуда. Еду я сам. Ты остаёшься. Давай ключи.

- Эй, шеф, мы так не договаривались! Так нельзя, машина не на вас записана! У вас нету на неё документов, даже доверенности!

- Плевать. Это не твои проблемы. – Произнося эти слова, Бергман по привычке, вдолблённой в сознание много лет назад каким-то тренингом, представлял на месте водителя испуганную жертву, себя в это мгновенье видел хищником. Раз-два-три. Картинка в воображении Игоря Петровича изменилась – он превратился во врача, водитель в больного пациента:

- Всю ответственность я беру на себя. Слушайся меня и через неделю ты будешь начальником любого отдела на выбор. Что ты выбираешь?

- Даже клиентского?

- Любого.

- Документы на машину в бардачке, хотя если вас остановят, вам это не поможет.

Парень резко встал с водительского кресла и, оставив дверь открытой, пошёл по дороге, постепенно исчезая в утренней дымке.

Начало дороги

Треклятый телефон отказывался показывать местоположение автомобиля, на экране моргало уведомление о необходимости закачать карту региона и почему-то не хотело исчезать. Бергман отбросил бесполезный гаджет в сторону, нажал ногой на педаль газа, и водительское сиденье послушно шлёпнуло его по спине. Дышать было очень легко, от свежего воздуха немного кружилась голова, предплечья немного сводило от напряжения, видно слишком давно он последний раз сидел за рулём автомобиля и выжимал из него столько, сколько позволяла атрофированная когда-то давно смелость. Вдруг машина въехала в какой-то сосновый лесок, в нос ударил смоляной запах, сразу стало темно, лишь изредка по капоту автомобиля пробегал солнечный зайчик, пытаясь нырнуть в салон. Мимо проплыл серый пожухлый знак с желтоватым пятном посередине и смазанной надписью «Берег лес огон жар», Игорю Петровичу показалось, что труба, на которой размешался знак, была угольно чёрного цвета у основания, словно её кто-то пытался сжечь, но огонь только и смог, что отдать свою любовь металлу без остатка, покрыв его черным семенем гари.

Лес поредел, темнота в последний раз попыталась обхватить мчащийся автомобиль, чтобы со вздохом отпустить его в бескрайнюю степь. У Бергмана захватило дух, далеко вокруг, насколько позволяли изуродованные лечебными лазерами глаза: простирался простор, пустота и волны жёлто-фиолетово-зелёных полей. Небо было абсолютно синим, в самом его центре пылало горячее солнце. Непонятно откуда в голове появился вопрос: «Если смешать синюю и жёлтую краску получается зелёный цвет. Почему солнце не опоясано зелёной каймой?». Вопрос остался без ответа, и осознание этого факта наполнило грудь Бергмана радостью – оказывается можно радоваться незнанию, ему пришло на ум, что он, наверное, сейчас радуется как моряк, вернувшийся из дальнего плаванья, только ступивший на гудящий берег, обнимающий тело жены, завёрнутое в невесомую ткань и вдыхающий запах ее волос без остатка. Сколько лет подряд он получал ответы на все свои вопросы, даже не заданные. «Ничего, пусть Михалыч поломает свою умную голову над этим вопросом, когда я вернусь», – подумал Игорь Петрович. Щека почему-то очень сильно зачесалась, Бергман потёр ее рукой, но щекотка от этого стала лишь сильнее. Бросив взгляд в зеркало заднего вида, понял, что было не так – он улыбался.

Впереди на дороге у какой-то будки что-то замелькало – на шоссе выскочила нескладная фигура и начала яростно махать руками. Игорь Петрович вспомнил присказку из детства: «Коров нужно объезжать спереди, быков сзади», - ему подумалось: «А не дописать к пословице окончание – а дураков давить к чёртовой матери?» Судя по довольному лицу голосующего и скорости, с которой он нёсся к автомобилю, на адаптацию народной мудрости ему было плевать. Руководитель нескольких десятков тысяч банковских клерков представил с упоением, как не обделённое интеллектом лицо ныряет куда-то вниз, под капот машины, ее чуть потряхивает несколько раз, раздаётся чпокающий звук, который бывает, когда перезрелый помидор роняешь под ноги, и нехотя нажал на тормоз. Парень начал тараторить ещё до того как открыл дверь, Бергман это понял, потому что фраза, которую попутчик закончил, плюхнувшись на сиденье, не имела начала и смысла.

- Ачила абдеть!

- Угу.

Игорь Петрович нутром почуял, что ему попался очень словоохотливый попутчик, и ему остаётся лишь скрипеть зубами с частотой ям и колдобин на дороге и держать крепче руль.

- У нас такой тачилы в р`айцентр`е даже нету! Цвет классный!

Такой дикой картавости Бергман не слышал уже давно. Уж в чем-чем, но в картавости он разбирался очень хорошо, чтобы избавиться от этого дефекта речи ему уже в юности пришлось подрезать уздечку, а потом месяц разговаривать лишь с логопедом и своим отражением.

- Ага. Красный.

- Меня Александр`, кстати, зовут. Ты к нам едешь? В центр`?

- Угу. В центрпартнершип. А что, его головной офис переехал к вам?

- Нее! Такой фир`мы у нас нету, а чем она занимается? Если р`емонтом автомобилей, то пусть не суётся, у нас р`ынок поделён. В Р`одино этим бизнесом занимается мой папаша.

Бергман сам не понимал почему, но неприязнь к парню сменилась на симпатию, как только тот начал говорить без умолку. Ему казалось, что этот непоседа, крутившийся на сиденье и его смартфоне из стороны в сторону, напоминал ему кого-то из прошлого.

- И как бизнес? Процветает?

- Эх, если бы! Папаша конечно машины знает, как свои пять пальцев, но он нихр`ена не р`азбирается в покупателях и их потр`ебностях. Р`азвиваться не хочет, боится деньги вкладывать в покупку новых тачек. А наш металлолом уже давно никому не нужен. Ничё, я скор`о кр`едит возьму в банке, кор`еша тачилы из Владика пр`игонят, пр`одам их, покажу бате, что ему пор`а полир`овать лавочку у дома. Кр`едит знаешь под какой низкий процент мне дадут?

Бергмана замутило, и он поспешно сменил тему разговора.

- Далеко, кстати, ваше Р`лодино?

- Да не Р`лодино, а Р`лодино! Не-а, чуть-чуть осталось. А ты не местный?

- Нет, я вроде в детстве бывал здесь, тут родители моего отца жили неподалеку, а сам я из соседнего района, Кулундинского. Ну точнее там мои родители живут… Жили.

- Аааа. У меня там в центр`е подр`уга живёт… Ну, жила… Мы там недавно с кор`ешами в какую-то дер`евню заезжали с местными биться, а они испугались, кир`пичами нас обкидали, мы ели ноги унесли.

- Ух ты.

- Слушай, а у тебя есть знакомые в Бар`науле? Может у них какая р`абота найдётся для пар`ня в р`асцвете сил? Сил моих нету в этой дыр`е жить, ещё чуть-чуть потер`плю, а потом все р`авно смотаюсь в гор`од.

- А как же батя? Бизнес?

- А что батя? Он сам по себе, я сам по себе. Мы все р`авно с ним слишком р`азные.

- Ну, да, точно.

- О, мы уже пр`иехали! Останови вон там у повор`ота. Ладно, до скор`ых встреч, ты обо мне ещё услышишь, я тебе обещаю.

Неумело, по-советски хлопнула дверка автомобиля, парень, коряво помахивая руками, засеменил по дороге уходящей куда-то в сторону. После него в машине остался травяной запах и звенящая тишина.

Бергман сидел, обхватив руль руками, касаясь его подбородком, и смотрел на пустую дорогу. Из оцепенения его вывела вибрация телефона, тот лежал на соседнем сиденье и моргал экраном, на котором горела надпись «Загрузка завершена. Путь проложен».

«Да, японцы молодцы, уж если их смартфоны выдерживают давление таких задниц – их техника самая лучшая», - подумал Игорь Петрович. Ему показалось, что до места назначения осталось не так много километров, если ехать прямо по главной дороге, но красная полоска пути на экране смартфона указывала куда-то вбок. «Вбок, так вбок», - произнёс Бергман и завёл машину.

Дорога, по которой он ехал, ничем не отличалась от предыдущей. Игорь Петрович открыл окно и вздохнул запах окружающей травы. За стрекотанием опьянённых пыльцой насекомых не было слышно даже звуков двигателя. Терпкий, щекочущий нос запах дурманил, по мышцам тела прошла волна расслабленности, одна – другая. Бергману захотелось заснуть прямо тут, не выпуская руль из рук, положить голову на тыльную сторону ладоней, улыбнуться солнцу, закрыть глаза и провалиться сквозь мягкие стебли пшеницы прямо вниз в тёплую землю. Силы воли, которая когда-то в другой жизни могла ломать хребты волкам в человечьей шкуре, заставлять в юности на спор с самим собой держать рукой раскалённую сковородку, хватило лишь на несколько секунд, но за это время он успел съехать к обочине и уже падая вверх-вбок, в пустоту забвения, заметить, как экран телефона пошёл красными полосами, озарился надписью «критическая ошибка» и погас в такт с сознанием Бергмана.

Сон

Какие смешные пальцы! Такие тонкие! Особенно если смотреть на них на фоне огня, прищурив глаза. Игорь сидел возле пылающего костра, вокруг, в темноте, за кругом отчерченным светом пламени, ходили взрослые, они перешёптывались, смеялись, трещали ветками под ногами.

- Игорь! Вот ты где!

Из тени вышел папа, он был таким высоким, что его голова терялась где-то в кронах деревьев, а его глаза блестели яркими звёздочками на фоне затянутого поволокой неба.

- Насобирал хвороста? Будем сейчас жарить мясо. Тебе не жарко? Сядь подальше.

- Не-а, пап, мне так хорошо, тут тепло. И совсем не страшно.

- А чего тебе бояться, сын? Я тут рядом, тут десяток клёнов растёт и одна берёза, а вокруг степь кругом и деревня всего в паре километров отсюда. Давай, подбрось веток в костёр, нужно, чтобы жар был побольше – пусть огонь целуется со звёздами!

- Пап, сегодня нет звёзд, одни тучи.

- Есть, Игорёк, есть просто их не видно.

Отец повернулся к костру спиной и шагнул в сторону темноты. Все звуки вокруг стихли, лишь звенела тишина, и даже огонь перестал потрескивать тонкими веточками.

- Игорь…

Тень обхватила папу со всех сторон, и конец его фразы поглотила ночь. Стало вдруг очень холодно, от соприкосновения с мокрой, липкой темнотой костёр начал шипеть и уменьшаться в размерах. Задул ветерок, разом начали шуметь листья. Игоря пронзила дрожь, он почувствовал, что за его спиной кто-то есть, этот кто-то сопел с хлюпаньями и от него пахло плесенью.

- Папа!

Перепрыгнул через темнеющие угли, Игорь бросился в темноту. Страх гнал его вперёд. Мимо проносились деревья, ветки больно хлестали по лицу, лезли в глаза, ноги постоянно скользили, а Игорь все бежал и бежал.

- Папа!

Ответом ему была тишина. Когда сил не осталось, Игорь остановился, закрыл глаза и протянул вперёд руки. Кончики его пальцев прикоснулись к тёплой гладкой поверхности. «Берёза», подумал мальчуган и по его щёкам потекли слезы. Захотелось забыть обо всем: о том, как он первый раз первый раз неудачно поцеловался, как он порвал и выбросил первое и последнее письмо из столицы домой, как поцеловал лоб бабушки в гробу – ее кожа была сухой и солёной, о раздавленном в темноте голубе – он потом несколько лет царапал в его снах асфальт крылом, об уволенном охраннике, о многом другом, обо всем плохом, что было в его жизни. Слезы жгли его грудь изнутри, он не мог больше терпеть этого жара. Шагнув вперёд, Игорь обхватил ствол берёзы руками и прижался к ней изо всех сил. «Это моё место, это моё дерево, моя кровь – его кровь, моя боль – его боль, пусть волосы станут листьями, руки – ветками, ноги – корнями, кожа – корой, я стану деревом, дерево станет мной. Подземные воды, смойте мою

грязь, солнечные лучи, прогоните тьму светом». Игорь повторял эту фразу как молитву. Его дыхание выправлялось, сердцебиение успокаивалось, запахло листьями. Мальчик почувствовал, как по его щеке кто-то нежно провёл пальцем.

- Папа!

Игорь открыл глаза, но ничего не изменилось – тьма осталась тьмой. За шиворот что-то упало, по одной щеке противно проползло какое-то насекомое, другая, прижатая к коре, почувствовала движение, дерево затрещало, застрекотало, пошло волнами. Игорь отпрыгнул, взгляд прояснился, чтобы явить как из-под коры сплошным потоком, темной массой потекли черные насекомые. Игорь от ужаса схватился руками за голову, сжал ее что есть сил, из-под волос посыпались жуки, начали лезть ему в рот, нос, уши, он почувствовал, как череп проседает под его пальцами и закричал…

Середина дороги

Задыхаясь, Игорь Петрович рванулся вперёд и наткнулся грудью на руль. Сердце бешено колотилось, отдаваясь буханьями вокруг. Ему приснился какой-то ужасный кошмар, от которого остался лишь тающий липкий холод. С шумом выдохнув, Бергман понял, что бухало не только сердце, бухало за окном. Повернув голову, он увидел, что возле двери стоит какой-то старик древнего вида, всматривается сквозь стекло и стучит по нему пальцами. Бергман нажал кнопку стеклоподъёмника, стекло опустилось вниз, старик с удивлением отпрыгнул назад и ухтыкнул.

- Парень, не поможешь мне? Беда у меня случилась, колесо у телеги отвалилось, а я не могу его на место поставить – силы уже не те. Вон там телега, на лугу.

Стараясь поскорее разделаться с послевкусием сна, Бергман, по привычке начал считать про себя до трёх, как старик вдруг выпучил глаза и рявкнул:

- Спишь, что ли? Я тебя спрашиваю!

Игорь Петрович посмотрел на его беззубый улыбающийся рот, улыбнулся в ответ и кивнул головой.

- Пошли, дед, я тебе помогу.

Пока они шли к телеге, пока Бергман поднимал ее, держал на весу, пока дед вталкивал колесо на ось и вбивал в неё клин, а потом собирал разбросанные пожитки в телегу, пока Игорь Петрович гладил старую клячу по сухой коже и заглядывал ей в затянутые плёнкой глаза, они задавали друг другу осторожные вопросы и получали односложные ответы.

- Как тебя кличут, парень?

- Вице-президент Банка.

- Какое-то дурацкое у тебя погоняло, а имя есть?

- Есть. Игорь меня зовут.

- Игорь, значит, а что ты здесь у Солоновки забыл?

- Я сюда случайно заехал. Я и не знал, что тут Солоновка, у меня в ней деды жили. Я у них в детстве как-то летом отдыхал.

- А фамилия у них какая была?

- Бергман.

- Бергманы значит. Помню-помню, как вчера за Нюркой на сеновале подглядывал. Кольку плохо знал, молчаливый он вечно был, у себя на уме, чужой. Чего она в нём нашла?

- А вас как зовут?

- Да никак, кто раньше звал, давно померли уже.

- А лет сколько живете?

- Не помню.

- А живете зачем?

- Сына жду. Ушёл он как-то утром из дома и не вернулся, а я с ним даже не попрощался. Деревни уже нету почти, а я все жду.

- Как нет? Она же большая была, как сейчас помню. Там и речка была, лесок недалеко.

На последних словах у Игоря в горле застрял комок.

- Все, нету деревни, речка высохла, от трёх улиц осталось три хаты, два алкаша и одна мумия.

- А мельница?!?

- Лет тридцать как сгорела. Да чего я тебе рассказываю. Не веришь, поехали, покажу. Давай, чего стоишь столбом – прыгай на телегу!

Бергман залез на телегу, попытался поддержать старика, пока он лез вслед за ним, получил локтём в бок, рассмеялся, вытянул жёлтую соломинку из-под ног и начал ее грызть. Дед покряхтывая, поправил поводья, щёлкнул ими по бокам лошади и заливисто засвистел. Телега дёрнулась, раз-другой и медленно поплелась по траве вслед за лошадью, периодически подталкивая её вперёд.

Игорь вертел по сторонам головой, пытаясь вспомнить окружающие виды, разбудить память потомками образов из детства, но она посапывала под стружками какого-то хлама и не собиралась просыпаться. Дорога пошла под уклон, кляча повернула голову и укоризненно посмотрела на мужиков. По бокам дороги шли посадки, впереди показались светлые крыши нескольких домов.

- Бергманы кажись вон там, на той улице жили – дед махнул рукой в сторону.

- Съездим туда?

- А чего туда ехать, там ничего не осталось, одни собачьи кости. Это люди бросают свою землю, а собаки всегда возвращаются домой.

- Дед, тебе же все одно заняться нечем. Поехали, а?

- Ишь ты, заняться мне нечем! Водки за это привезёшь-купишь.

Бергман присвистнул и схватился за борт телеги, дед потянул поводья в сторону, и лошадь повернула куда-то вбок на чуть светлеющую полоску травы.

- Но-о-о! Родимая!

Игорю в нос ударил знакомый сладко-терпкий запах травы, солнце резко скакнуло вверх, где-то в стороне залаяла собака, и раздался дородный женский смех. Бергман смотрел на свои толстоватые пальцы, ухоженные ногти и видел, как сквозь них просвечиваются маленькие кулачки все в цыпках, и худые, поцарапанные ноги в синих шортах. Он поднял лёгкую голову к старику, схватил его за рукав и заорал:

- Я был здесь! Я был здесь!!! Я ехал на лошади домой! Рубашка! Папина рубашка!!!

Дед хмыкнул и спросил:

- И чё?

- Нет, ты не понимаешь! Я ехал домой к бабушке, на телеге, я научился ездить на телеге этим летом, папа отправил меня домой, сам обещался приехать на машине позже! А я был в его рубашке, мне нравилось, как она пахнет! Я ехал по этой улице, в ту сторону!

- И чё?

- Ключи от машины были в рубашке! Папа бежал за мной через всю деревню, догнал где-то здесь, вот тут был дом, у калитки стояла тётка с тазиком, смотрела на меня и смеялась, я думал она радовалась мне, а она смеялась надо мной и отцом, она видела его бегущего!

По щёкам Бергмана потекли слезы радости, он обнял старика за плечи и зарыдал. Тот обнял Игоря, похлопал по спине и пробормотал:

- Ну, буде, буде!

Затем, секунды через три, дед оттолкнул Игоря от себя, пробормотал: «Ещё не все». Телега заскрипела и медленно покатилась дальше.

Слезы не хотели высыхать, впереди ходил из стороны в сторону круп лошади, по бокам торчали кустарники и пучки травы. Чуть вглубь от дороги, на тех местах, где когда-то давным-давно стояли крепкие дома, сейчас высились корявые клёны, ставшие домами для чёрных воронов.

Телега остановилась, старик глядя себе под ноги, не поворачивая головы сказал:

- Ну, все, приехали, иди.

Бергман на негнущихся ногах спрыгнул на землю и пошёл от дороги. Впереди перед ним лежала серая поляна, покрытая жухлой травой, вокруг каркали вороны. Игорь протянул руку, толкнул деревянную калитку и ступил вперёд босыми ногами на сочную зелёную траву-мураву, из-под его ног в рассыпную бросились маленькие цыплята. Слева под слоем веток виднелась куча песка, Бергман шагнул в ее сторону, провёл рукой по свежевыкрашенной деревянной стене, тронул холодную железную ручку. Старик был прав, на земле из травы виднелся собачий череп. Раздался радостный визг, коричневый пёс бросился под ноги Игоря, начал тереться о них, упал на землю и радостно задрал лапы обнажая розовый нежный живот. Под ногами хрустнула мёртвая ветка. Впереди, с крыльца, с хрустом расправив плечи, встал отец.

- Принеси бечёвку, она в доме, в отцовом ящике, – обратился он к сыну. – Я доделываю тебе лук.

Игорь улыбнулся, сказал «Сейчас, пап!», толкнул входную дверь и вошёл в дом. Внутри было прохладно, на столе тикали старые часы, их минутная стрелка дёргалась на одном месте, на стене висела фотография какого-то серьёзного мужчины, наверное, прадеда. Возле печки стояла кровать с взбитыми подушками. Игорь любил засыпать на ней вечером, слушая беседы взрослых. Вот и сейчас, ему захотелось прилечь, буквально на секунду, отдохнуть. Бергман вскарабкался на кровать, лёг на маленькую спину, закрыл глаза и уже засыпая, пробормотал: «Щас, пап, только посплю чуток… Куда торопиться? Ведь впереди ещё так много времени… Целая жи…».

Конец дороги

Бергман открыл глаза - за окном краснел диск заходящего солнца, прямо на его фоне, на краю дверного стекла сидел какой-то жук и медленно водил, головой увенчанной длинными усиками из стороны в сторону. Игорь не понимал, где он находится и кто он - в голове была звенящая пустота, огромный алый шар в волнистой дымке и насекомое с подрагивающими усиками. Это была один из самых отчётливых образов в его жизни. Он был незнакомцем, чужаком самому себе, продолжением тени на дороге, у него не было памяти, не было себя, и он был белым листом бумаги. На секунду существу на том месте, на котором полулежал какое-то время назад Бергман, показалось, что он обладает властью стать кем угодно, воплотиться в любую сущность. А потом, как это обычно происходит в жизни, не спрашивая разрешения, в эту возможность быть кем угодно, воплотилась сущность Игоря Бергмана. Медленно, по кусочкам, картинкам уходящего дня, память возвращалась к своему рассеянному владельцу.

Впереди солнце делило лежащую перед ним дорогу на две части, левая часть вела на запад, правая на восток. «Через семнадцать секунд ты должен выбрать направление своего пути», – подумал Бергман – «Ты должен определить, где лежит начало, а где конец этой дороги». Через шестнадцать секунд он повернул ключ зажигания и нажал ногой на педаль газа…

Михаил ГУНДАРИН ►

▼ ГОВОРИТ ГАЛИЛЕЙ (главы из романа)

Эта история, которая пишется и переписывается уже много лет, в основном посвящена нескольким неделям конца 1997 года, а также причинам и следствиям случившихся в это время происшествий. Разумеется, все персонажи вымышлены, всякие совпадения случайны – полностью касается это и главного героя).

1. Прощай, школа!

Опасный переход.- Н.Ростова и дед Щукарь.
– Первые потери.- Как я не спас котенка.
- Я помню этот торшер!- По радиоволнам.
– Я краду белый карандаш. – Главные книжки детства. – Набоков и география. - Комары перед смертью.
– Новая история на заднем сидении. - Как дела, брат?

Я учился в трех школах. Все они были похожи одна на одну в общем, но в частностях существенно различались.

Поступил я в школу номер 68. Поступил рано, в шесть лет. Не то, чтобы отличался какими-либо выдающимися способностями, просто не с кем было меня оставлять. Школа была построена за 10 лет до моего в нее прихода - в 60-х годах, по типовому для того времени проекту. Так же, как следующие мои школы, совершенно одинаковые, под номерами 84 и 88, были типовыми проектами уже 70-х.

В школу нужно было ходить через улицу Петрова, с чрезвычайно оживленным автомобильным движением. Улицу очень опасную даже по тем временам! Плюс хозяйственный магазин, один из самых больших в городе, рядом со школой. Туда все время парковались какие-то тяжелые машины. Контейнеровозы и прочие. При этом, конечно, в самом магазине было шаром покати. И еще - с той стороны, откуда я приходил, были все небольшие, так называемые «частные», дома. А напротив громоздились дома ранних и средних шестидесятых. Было похоже, что вот этот вал, этот поток массовой застройки накатывался на «частный сектор», но остановился перед улицей Петрова (на четной ее стороне). На нечетной стороне родители снимали комнату у старых знакомых, ожидая квартиру в новостройках от отцовского завода.

В общем, если удавалось миновать машины, идущие слева направо, потом трамваи, потом машины справа налево, появлялся шанс добраться до школы. Трехэтажной, кирпичной. С кирпичной же полуверандой – стеной, выступающей от основной стены вдоль крыльца на пару метров. Из нее, следуя неясным законам эстетики, строители убрали несколько кирпичей в произвольном, но как бы шахматном, порядке. (Такое же оформление можно встретить у некоторых пятиэтажек-«хрущевок»). На стене школы красовалась мозаика, изображающая спутники, чертящие трассирующие орбиты, космонавтов в шлемах, все это почему-то бирюзового цвета.

В школе запомнились большие картонные плакаты, помещенные под стекло на стенах, разделяющих классы и коридоры. Кажется, там были нарисованы герои народных сказок, но и литературные герои тоже. Не помню, имелось ли там что-нибудь вроде первого бала Наташи Ростовой, но вот дед Щукарь был точно. Я уже знал, кто это такой (кино, наверное, смотрел), о чем и рассказал своим одноклассникам. Они, кажется, не поверили. Но прочитать все равно не могли – не умели. Я был в этом смысле единственным в классе исключением, несмотря на свои шесть лет. Но все равно ребята были интересные. Мы с ними по большому счету ладили. Хорошо прошел Новый год, что-то было в маскарадном духе, очень весело. Помню, один парень рассказывал, с школьной столовой, что летом к ним в пионерлагерь приезжали настоящие итальянцы. Мы радостно, вдруг возникшим хором, стали кричать дразнилку в рифму – «чао-какао!».

Родители были с утра до вечера заняты на своих заводах, поэтому приходилось мне нелегко. Допустим, утром мать меня переводила через все эти дороги, но возвращаться приходилось мне самому. В продленке же я оставаться решительно не хотел. Там было очень тоскливо, толклись все время какие-то незнакомые, из параллельных классов, люди. Но и дома тоже веселья было мало. В первый же месяц я потерял портфель. Просто забыл его где-то между школой и домом. Остановился передохнуть – и забыл. Благо, улица (вернее, проезд Ракетный) была маленькой, портфель нашелся. Тогда, кстати, ранцев не было, все больше портфели. Очень похожие на взрослые. И костюм у меня был как у взрослого – темно-коричневая двойка. Синюю школьную форму ввели позже.

Если я умудрился потерять портфель, то про потерю ключей и говорить было нечего. В итоге мне их вешали на шею на длинном шнурке, который я умудрялся терять тоже. Но вот доходил я до двора, отпирал калитку – а во дворе жила большая овчарка по кличке Лорд. Я ее ужасно боялся. Конечно, это был мирный пес, он норовил меня облизать, но нередко валил на землю. И я боялся подняться. Лежал на немощеном, разумеется, дворе, пока Лорд не отходил по каким-то своим делам. Тогда я бочком, бочком шел к дому, и пытался открыть замок. Тоже получалось, между прочим, через раз.

Дома меня ждали несколько кошек и много котят. Я их, признаться, тоже боялся. Помню такую картину – совсем маленький котенок запутался в бахроме покрывала, свисавшего со старого дивана и стал задыхаться, как в удавке. Его даже вырвало. Я все это наблюдал, чуть не плача. Может быть, даже и заплакал. Но освободить котенка не мог – боялся. За это мне еще и влетело. Между прочим, моя боязнь Лорда доходила даже до такой степени, что я боялся и выйти в туалет который (как во всяком частном доме) был на улице. Приходилось терпеть – что получалось не всегда. Собственно, я и из класса стеснялся попроситься выйти. Случались поэтому и конфузы.

В этой школе я учился до весны. Тогда отцу наконец-то дали двухкомнатную квартиру в новом доме, на окраине, и

мы переехали туда. На новоселье нам подарили самодельную чеканку с изображением страшного, вроде ацтекского, идола. А сами мы купили торшер.

Торшер был хорош – два усеченных конуса, соединенных вершинами на манер песочных часов. Самый большой, нижний конус, обтянутый пластиком, имевший проволочное основание, был бел. Он расширялся книзу на манер юбки. Под ним, на маскирующемся под бамбуковое основании-палке, были две лампочки, направленные вниз. Палка вырастала из внушительного, обвязанного по боковой грани золотой пластинкой-лентой, круглого основания. Заканчивалась эта палка на высоте, наверное, метра семидесяти, круглым, значительно меньшего диаметра, чем основание, металлическим кожухом. Как раз из него и торчали две (или даже три) лампочки книзу, и одна – кверху. Ее закрывал верхний, маленький конус-абажур, ярко-красного цвета. Имелись также два длинных шнурка, один белый, другой красный с продолговатыми пластмассовыми наконечниками соответствующих цветов на конце. Соответственно, после того, как дернешь за белый, загорались лампочки под нижним абажуром – яркий свет. Кажется, там было все-таки три лампочки. Верхний абажур создавал рассеянный, интимный свет.

Квартира наша была, как я уже говорил, двухкомнатной. Комнаты раздельные. Одну отдали мне. С непривычки я долгое время боялся спать один. Потом научился читать под одеялом. Комната была довольно узкой. Один ее торец, противоположный окну, занимал платяной шкаф. В окно, лишенное и форточек, и подоконников, упирался письменный стол. Его покупка была целым событием! Он был обтянут специальной мебельной бумагой светло-коричневого цвета, с древесными как бы прожилками. На верхней плоскости лежало полупрозрачное оргстекло, которое отец принес с работы, а под ним – розовая карта СССР.

Зайдя в комнату, нужно было совершить ловкий маневр между шкафом справа и спинкой дивана прямо. Диван доходил не до самого окна, и поэтому образовывался чрезвычайно уютный закуток, ограниченный спинкой, подоконной батареей и боковиной письменно стола. Там я любил сидеть, прислоняясь спиной к батарее, греясь, читая или играя.

Напротив кровати, на стене, сверху донизу, размещалась так называемая (даже в артикуле) «полка школьника» – система лакированных полок разной длины и ширины, крепящаяся на вертикальных металлических носителях с помощью довольно остроумной системы кронштейнов. На полке были все книги, тетради, а в том ее месте, которое примыкало к письменному столу, стоял радиоприемник, включающийся в сеть. Сначала однопрограммный, потом – трех. Я чрезвычайно любил радио. Читал, рисовал исключительно под него. И ничему оно не мешало. Особенно, конечно, был «Театр у микрофона» и час детских программ, «Клуб знаменитых капитанов», да даже и «Радионяня». Мораль ее и полезные советы меня мало касались, мне нравились именно голоса ведущих и их странные имена – если не ошибаюсь, двух ассистентов ведущего звали Лившиц и Левенбук. Фамилию ведущего, обладателя чудесного, бархатистого голоса, звучащего и во многих других передачах, я сейчас не вспомню. Просто она относится, видимо, к тому сорту слов, которые или помнишь навсегда, или забываешь сразу. И это равно несущественно – они всегда остаются с тобой.

Весной я перевелся в школу номер 84, где учился до окончания первого класса. Школа была типового проекта уже 70-х, совершенно минималистского. Несколько бетонных кубов, соединенных между собою, а сверху полностью покрытых многочисленными камушками, навечно влипшими во внешнюю облицовку. Как, собственно, и мой девятиэтажный дом. Мы, протягивая руку с лоджии, бывало, отламывали эти камешки и швыряли их вниз, пытаясь попасть в кого-нибудь.

Особенно мне эти полгода пребывания в 84-й ничем не запомнились. Разве что тем, что там я познакомился со своим лучшим школьным другом Евгением Б. Я пришел в школу чуть раньше, он – чуть позже. Я спросил его, новичка, в каком доме он живет. Он ответил – в сорок первом. То есть, там, где и я! Совершенно театрально я развел руками и грохнулся на пол. Вроде как от изумления. И, кстати, мои одноклассники эту эмоцию и этот спектакль поняли вполне.

Еще одно обстоятельство, относящееся к этому периоду. Читал я хорошо, еще с 4-х лет, а вот почерк у меня был, да и остается неразборчивым. С точки зрения неких канонов каллиграфии, да и просто школьного чистописания – отвратительным. И вот в назидание меня заставляли писать по полстраницы примерно следующее: «Саша хорошо читает. Маша хорошо пишет». Машу эту я уже и не вспомню, а обида, присутствовавшая в этом явно непедагогическом высказывании, запомнилась.

Родители по-прежнему работали на своих заводах (вскоре отец перешел в НИИ), и меня по-прежнему отдали в продленку. Тут случился большой конфуз – я украл у кого-то карандаш. Очень красивый, белый. Вышел скандал, с унизительным отчитыванием и торжественным возвращением несчастного карандаша. Не помню, зачем он был мне нужен. Просто, наверное, так он мне понравился, что устоять я не смог, и похищение свершилось автоматически. В общем, и в этой продленке я не прижился. Приходилось возвращаться домой, подниматься на лифте на третий этаж, отпирать несложный замок. Кажется, он не менялся все десять с лишним лет, которые мы прожили в той квартире. Менялись только ключи, теряемые мною регулярно. Они были по-своему очень хороши – длинные, не плоские, а цилиндрические. Головка круглая, с дырочкой посредине и с маленькой выемкой сбоку. Если смотреть сбоку, получался человечек с глазом и ртом.

Ну а в сентябре я пошел, вместе с упомянутым Евгением Б., в только что открывшуюся школу 88. Где и проучился до 10 класса. Школа была точь-в точь как 84, только, конечно, за девять лет я ее обжил от и до. Изучил школьные углы и закоулки, куда прятался, сбежав с урока – преимущественно физкультуры.

Конечно, все это время жизнь шла по этапам, только частично совпадающим с переходом в следующий класс. И. если говорить откровенно, вспоминать о собственно школьной жизни особо нечего. Помню только, с каким нетерпением я ждал окончания уроков, чтобы вернуться домой, забраться в свой уголок и открыть книжку, включив

при этом радио. Книжки я читал, кажется, всегда и всюду. И времена как раз разделяются для меня по отношению к способам и обстоятельствам чтения.

Так, в классе третьем я с гордостью похвастался одноклассникам, что за четыре дня прочитал «Детей капитана Гранта». Помню ее коричневую обложку со почти стершимися уже тогда золотыми курсивными буквами. Книга была, во-первых, толстой, а во-вторых – библиотечной, растрепанной, зачитанной. Это придавало ей еще большую увесистость. На приятелей, впрочем, это сообщение ровно никакого эффекта не произвело.

Или еще раньше, в 68 школе. Нас повели в школьную библиотеку, на знакомство. Потом предложили, записав, взять книги домой. Я выбрал «Школу» Аркадия Гайдара – и мне в ней отказали, сказав, что я еще слишком мал. Это меня и обидело, и удивило. Дома я эту книгу прочитал уже раз пять! Да-да, именно столько, повесть была напечатана в гайдаровском двухтомнике роскошного издания 1949 года. Двухтомник был подарен моему отцу моим дедом, которого я никогда не видел. Кстати, отец читать не любил (разве что дефицитный в то время еженедельник «Футбол-Хоккей»), но к моим занятиям относился вполне снисходительно. Гайдар меня, уже тогда, удивил своим стилем, или, вернее, интонацией. В «Судьбе барабанщика» она совершенно кафкианская. Но и стиль очень хорош, просто блестящ.

Или то, как я впервые пронес книгу в ванную комнату. Это мне запрещалось прямо, но я сначала нарушал запрет, пряча книги под одежду или под полотенце, а потом, к старшим классам, добился относительной легальности занятия. Причем я расчетливо читал в ванне книги библиотечные, которые не жалко. Первым томом, нелегально пронесенным мной туда, была книга о революционере Загорском, ставшем после победы Октября каким-то крупным московским начальником и взорванным эсерами, кинувшими бомбу в зал заседаний. В каком-то советском кино, если не путаю, его играл Валерий Золотухин.

Вспомню еще одну деталь и один эпизод, относящиеся не к школе, но к школьным временам. Деталь такова: очень долго, вплоть до старших классов, моим любимым занятием было рассматривать небольшой атлас мира (политическую карту). Я не то, чтобы совершал мысленные путешествия и не то, чтобы удивлялся необычным названиям городов и рек: они мне казались как раз совершенно обычными, по-другому в экзотических странах и быть не могло. Я больше рассматривал цветовые пятна, присвоенные каждой стране. Конечно, огромный СССР был розовым. Очень приятного, кстати, цвета. А вот африканские страны, в огромном количестве размещенные на контуре, живо напоминающем кобуру, были самых различных, пестрых, поистине африканских, оттенков. Тут и зеленые джунгли, и синие огромные реки, и желтые пустыни, и коричневые саванны. Я и сейчас думаю, что составители атласа тоже вдохновлялись этими соображениями. Советских географов в таком легкомыслии, впрочем, упрекнуть сложно, но, наверное, сам принцип цветового решения был позаимствован ими из какого-нибудь авторитетного географического издания. Почему-то мне кажется, что британского. Наш атлас в скромной бумажной обложке был издан массовым тиражом «Политиздатом».

Рассматривал я его в основном, спрятавшись в уголок между кроватью и батареей, спиной к ее рельефу. А если болел (а болел часто, почему-то все преимущественно бронхитом), то и лежа в постели, дни напролет. Потом, лет в 17-18, когда я всерьез размышлял, кем мне стать – поэтом, художником или музыкантом – я сочинил об этом стихи, в прямом подражании Набокову. Вот отрывок.

В детстве часто болел я. Отлично
Помню атлас – цветное кино.
И Китай в полумаске горчичной,
И гренландский медведь ледяной –
Все под стать затяжному бронхиту,
Долгой сказке с хорошим концом.
Парус поднят и люки закрыты.
Поплывем. Что ж, теперь поплывем.

И так далее. Комментировать не берусь, и так все ясно. Стихи все-таки неплохие, мало ли, что подражательные. Это тоже, скажу не очень скромно, уметь надо. А вот случай.

В летние каникулы (после класса пятого-шестого) был я отдан дальним родственникам в деревню. Вырванный из привычного окружения (не человеческого, но куда мне более дорогого, вещного), я довольно сильно скучал. И вот, чтобы развлечь меня, не иначе, мой двоюродный дядька вместе с женой и сыном, только что пришедшим из армии, отправился на дальнюю рыбалку. Предполагалось, видимо, что мальчику, будущему брутальному солдату и все такое, нужны мужественные развлечения. Уж конечно!

Они полдня гнали свой желтый «ИЖ-универсал», потом остановили где-то у самого края географии. По моему мнению, дальше деревни ехать было совсем не обязательно, и так далеко до чрезвычайности. Но там располагались замечательные озера, полные каких-то невообразимых даров Нептуна. На самом деле, и я это понимал уже тогда, карасей, подлещиков, чебаков. Я их не различаю, путаю, и этим ничуть не огорчен.

Был уже вечер. Моя тетка быстро соорудила какой-то ужин, мужчины выпили. Комары звенели, но не кусались. В общем, было неплохо, но совсем не для меня. Потом все отправились купаться. Я, конечно, плавать не умел, но сказать об этом как-то не додумался. Родители-то в этом смысле на меня совсем рукой махнули и даже не приставали.

Дядька с сыном быстро надули черную резиновую лодку, все, в купальниках и плавках, в нее погрузились и выплыли на середину небольшого озера. И тут выяснилось, зачем. По очереди, с полагающимся уханьем и визгом, все мои заботливые родственники покинули ненадежный корабль. Я было открыл рот, чтобы пояснить свою неприспособленность для подобных забав, так как смутно начинал кое-что подозревать. Но, увы, веселый дядька дернул меня за ногу, и я упал в теплую воду. После чего немедленно стал тонуть. В первый из двух раз. Вверху мелькнуло вечернее солнце, стремительно начавшее удаляться прочь.

Я не очень и сопротивлялся, на меня напало какое-то отупение и равнодушие. Тут, дядька, наконец, спохватился и с громкими ругательствами извлек меня наружу, бросив, как мешок, через широкий борт лодки. Тем все и

закончилось. Конечно, мои родственники испугались просто ужасно, но при этом и на меня обиделись. Чуть было не подвел их под монастырь. Тем не менее, рыбалка все-таки состоялась, а я все ее время провалялся в машине на заднем сидении, читая единственную книгу, найденную в деревенском доме. А именно старинный учебник «Новая история» за 10 класс. Между прочим, это была интересная книга, с красивыми, хотя и плохо воспроизведенными, иллюстрациями. Конечно, рассуждения об империализме я пропускал, но вот рассказы о том, как воевали англичане с бурами, или как завоевывалась Африка (с картинками, изображавшими толпу негров с копьями и белых в пробковых шлемах, которые целились в дикарей из тонких длинных ружей), мне очень нравились. Они и были написаны неплохо, вполне ярко и литературно.

И вот школа подошла к концу. Прозвенел последний звонок и мы, десятиклассники в длинных школьных мундирах, повели первоклашек вокруг школы. Мой друг, Евгений Б., умудрился за это время выкурить сигарету, что запрещалось, конечно. Но первоклассникам это было все равно. На физкультуру я ухитрялся не ходить три последних года, из-за чего вышел большой скандал, и в моем аттестате появилась единственная тройка. Родители, посовещавшись, решили, что это будет мне уроком, и никаких мер принимать не стали. За что им спасибо.

Был май 1985 года. Мы шли с первоклассниками по мокрому асфальту. Цвела сирень. Пели птицы. Я не знал, что это за птицы, я всегда в них путался, но сейчас это было совершенно не важно. Единственно, что меня смущало, это необходимость поговорить с мальчиком. Которого я вел – а вернее, он меня крепко держал – за руку.

- Что, брат, как дела? – Спросил я, собравшись с духом.

- Ничего себе, - серьезно ответил малыш.

Услышавший этот диалог, Евгений Б. издевательски захохотал. И в самом деле, получилось по-дурацки.

Так кончилась школа, потому что экзамены, конечно, были формальностью, хотя я здорово нервничал и наделал глупостей, вплоть до того, что получил тройку по литературе, за то, что не читал поэму Твардовского «За далью даль» и не смог этого скрыть. Потом, во время учебы на филологическом факультете мне, конечно, приходилось обманывать преподавателей и сдавать нечитанные тексты не раз. И, знаете ли, угрызения совести меня совсем не мучают!

2. Свободный художник

Филфак в 1987 году. – Дурак ли Горбачев?
- Происхождение Галилея. – «ХУС» и его члены.
– Смысл искусства. – Знакомство с героиней.
– Отец и сын. –- Случай в лагере.
– Отважный физрук. – Бандитская финка.

Была последняя неделя перед зимней сессией. На третьем курсе филфака, где я учился, именно эта сессия считалась самой сложной. И даже роковой. Анналы хранили многочисленные имена срезавшихся и ушедших в аут именно «земную жизнь пройдя до половины», всего-то ничего не дожив до медианы. Нам нужно было, в частности, сдавать политэкономию капитализма, первую часть исторической грамматики и базовый предмет – «современный русский язык», причем самую сложную его часть - синтаксис. Приятного мало для большинства филфаковцев, исключения в виде разного рода ленинских стипендиатов не в счет… Но, ей Богу, в этом декабре экзамены вызывали отвращение даже у них, круглых отличников. Когда вокруг кончается 1987 год, изучение исторической грамматики кажется натуральным издевательством!

Кроме того, и у меня на душе было довольно смутно. Назревало несколько важных решений-поступков, а еще больше все никак не назревало, хотя было им уже пора.

Но – сначала нужно было все-таки разобраться с сессией. А для этого не мешало бы попасть в универ. Как обычно, опаздывая, я мотался по всей квартире, разыскивая то ручку, то галстук. Мой сосед по подъезду, Вадим Ж., учившийся на четвертом курсе экономического факультета, равнодушно наблюдал за этим, сидя в кресле и жуя резинку.

- А все-таки Горбачев дурак, - вдруг заявил он. – И сам скоро это поймет.

- Почему это дурак? – Поинтересовался я, только чтобы поддержать разговор. То есть, чтобы Вадиму было не скучно меня ждать. Ведь вместе толкаться в набитом в любое время дня автобусе целых полчаса куда веселее!

- Да по всему видно. Ни туды, ни сюды. Жать надо на все педали, пока не наподдали.

- Кто ему может наподдать-то? – Спросил я, уже завязывая синий шелковый галстук перед овальным зеркалом в коридоре. На мне были индийские джинсы, рубашка в полоску, польский полуджинсовый (по виду джинса, на самом деле – нет) длинный пиджак. «Настоящий студент», - одобрительно заметил по поводу моего внешнего вида Вадим. – Да, кто? Он же главный. Он того же Лигачева может в один момент изничтожить, не хочет просто, и вот это плохо.

Вадим презрительно хмыкнул.

- «Главный»! Как же! Там все политбюро против, да и КГБ туда же. Потому и с Лигачевым сделать ничего нельзя. Сдал вот Ельцина, теперь поплатится. А тот, слышь-ка, собирает себе армию. Еще вернется!

В той комнате, где сидел Вадим (она именовалась «большой») на проигрывателе под прозрачной крышкой крутился первый большой диск Гребенщикова, недавно выпущенный «Мелодией». А во второй комнате, по которой была в обычном беспорядке, разбросана моя одежда, с черного кассетника «Романтика» звучала длинная песня Майка Науменко «Уездный город N». Ее героями (населявшими этот самый мифический город, вполне современный по своему антуражу) были деятели политики и искусства всех времен, а вместе с ними и литературные персонажи. Что интересно, некоторые из них представали перед нами в своем обычном обличии и совершали то, чего от них ждали (например, Золушка). А некоторые, наоборот, переосмыслялись самым коренным образом (например, Флоренс Найтингел, которую автор отправлял на панель – о, Майк был мастером смеха сквозь слезы!). Но больше всего мне там нравился эпизод с Луи

Армстронгом, который приглашает Беатриче пойти потанцевать, они заходят на дискотеку, и слышат, как

…главный диск-жокей
кричит: «И все-таки она вертится!».
Вы правы, это Галилей.

Я так часто напевал этот фрагмент, по поводу и без повода, что меня и прозвали Галилеем. Признаюсь, что мне это чрезвычайно нравилось!

Над кое-как заправленной кроватью, на которой валялся кассетник, висели в художественном беспорядке пришпиленные булавками к коричневому ковру следующие артефакты: вырезанный из «Огонька» портрет Андрея Белого, цветная репродукция Сальвадора Дали из «Юности» и несколько листочков с моими рисунками. В то время я довольно много рисовал – преимущественно, пером и тушью. Подражал (разумеется, на абсолютно дилетантском уровне) Эшеру, Максу Эрнсту, тому же Дали. Хотя главными ориентирами для меня все же были графические иллюстрации из крайне прогрессивной «Юности». Плюс, оттуда же, цветные воспроизведения (на особых, ярко-белых, плотных листах) западных авангардистов и наших нонконформистов, героев «бульдозерных выставок» и разгромов в Манеже. Вдохновившись этим искусством, упорно продвигавшимся редакцией несмотря на несомненные рогатки цензуры, я довольно близко познакомился с нашими, П-скими, молодыми неформальными художниками. Что мне понравилось, они, как и полагалось, работали кто оформителем, а кто и просто сторожем. Конечно, меня несколько обидело непринятие в их «ХУ-С» (то есть, художественный союз, альтернативную «настоящему» союзу художников организацию). Хотя было понятно, что мои графические почеркушки – это, в общем-то, не повод… Но зато я присутствовал на учредительном собрании «ХУ-Са», состоявшемся весной нынешнего года в громадном здании бывшей церкви, а ныне складе сельхоззапчастей, где по счастливой случайности сторожем был один из неформалов. После съезда я накачался портвейном до самого тяжелого в жизни похмелья в тесной компании безусловных лидеров местного художественного андерграунда – Бориса Б. (он же и охранял церковь) и Антона А.

Однако главным результатом моего общения с художниками я считал даже не это. У Бориса Б. в церкви-складе-мастерской (там же квартировал и Антон А., большую часть времени, впрочем, проводящий где-то в горах) произошло очень перспективное знакомство.

Это случилось буквально пару дней назад. Я сидел у Бориса, был вечер, мы пили крепкий чай, курили, и он, по обыкновению, философствовал. В Борисе мне как раз и нравилось, что он не только занимался живописью, но и любил поговорить об этом (упомянутый Антон А., был крайне угрюм и вообще произвел на меня крайне отталкивающее впечатление – хотя я не мог не уважать его за талант). Борис, одетый в длинный свитер крупной ручной вязки, небрежно указывал рукой куда-то себе за спину, где стояли, прислоненные к стенке, его новые работы. При этом он встряхивал как бы ненароком, длинными светлыми волосами, а то и задумчиво сжимал в кулаке свою негустую бороду, размышляя над моим вопросом. Впрочем, вопросов я, очарованный его речами, задавал немного.

В этот раз он растолковывал мне философию своего нового живописного полотна, форматом примерно метр на два. На картине, которая мне очень понравилась, на ярко-желтом, безотеночном фоне, были изображены в большом количестве мелкие куриные тушки, ощипанные, безголовые, преимущественно вверх ногами. Тушки были ярко-красного цвета. Картина называлась «Вариация на тему Забриски-Пойнт». Я уже знал до этого (из разоблачающих буржуазную массовую культуру книжки с картинками, прежде всего весьма небанальных сочинений А.В.Кукаркина), что «Забриски-Пойнт» - это фильм Микеланджело Антониони про студенческие волнения 1968 года. Культовое, как-никак, время! Приведен в книжке был и кадр «большого взрыва», с такими же тушками.

Борис снисходительно похвалил мою начитанность и осведомленность. При этом, как выяснилось, фильма он, как и я, не видел, а разглядывал точно такой же кадр в другой книжке на аналогичную тему. И это его вдохновило. Меня, как и других, он именовал не иначе как «чувак». Было что-то в этом обращении от времен хиппи, подпольных сейшенов, хождения по «системе»… Возможно, ничего такого в СССР не происходило (в а нашем городе П. – уж точно). Тем лучше – значит, это было воспоминание о будущем! В котором я виделся себе исключительно на первом плане, в окружении настоящих героев «культурного сопротивления». Даже не таких как Борис и Антон – куда более героичных!

- Вот, чувак-Галилей, - говорил он мне, попыхивая «беломориной», - какой смысл в этой картинке? Не очень понятно, ведь так?

Я поспешно согласился.

- А зачем вообще и понимать-то это? Искусство, оно, чувак, вовсе не для того, чтобы его понимали. Оно как часть природы, часть того, что само вокруг нас растет и происходит. Как говорил Пикассо – вот растет дерево, пытайся понять его! Или – не пытайся понять мою картину. Согласен?

Я столь же поспешно кивнул, хотя моего согласия Борису особо не требовалось, он рассуждал как бы сам с собой.

- Вот в чем все эти реалисты, передвижники, прочие приближенные к народу «типа-художники» - я их так называю, типа-художники, чувак, ерундисты, земляные, если вдуматься, черви – в чем они уверены? В том, что живопись - она как фотоаппарат или зеркало, только красивее. А значит, нужно найти такую точку, в которой отражение будет самое-пресамое. Это все равно как с эрогенными зонами, нажал «точку жэ» - и баба твоя, что хочешь, то и делай. Так?

Покраснев, я торопливо кивнул.

- Но искусство – не баба, тут все куда тоньше. – продолжал размышлять вслух Борис. Вообще, эта его обстоятельность, равно как и плотность телосложения, уж не говоря о бороде, позволяли его отнести к разряду «Митьков» - наших русских дервишей. Антон же, кстати, походил более на обобщенного западного культур-деятеля, в частности – на Уорхолла и Боуи в одном лице. - И в итоге они всякие поиски прекращают, и думают только об одном – как бы найти не универсальное, но самое прикладное, то, что нравится публике. Одной – одно, другой – другое, а где критерий? А критерий там, где лучше кормят. Такой

публике и надо нравиться. А что в итоге? Льстить начальству в доступной для него форме, вот и все, что они могут. А мы – мы совсем другое. Мы жизнь, чувак, отдадим за поиск главного, единственного. Не знаю, выйдет или нет, но мы добьемся другого искусства! Или все это не имеет смысла. Я прав?

Конечно, он был прав. Это было так заманчиво, да более того – необходимо, ставить все на карту, и в случае, если эта карта будет бита, лишаться всего. Зато о возможном выигрыше можно только догадываться, ибо он, судя по всему, будет немал. Или даже безграничен.

Однако обдумать все захватывающие перспективы разрешения данного вопроса я не успел. В старую, рассыхающуюся дверь мастерской-склада постучали, и, не дожидаясь ответа, немедленно ее приотворили. Я тут же забыл о своих рассуждениях, или, вернее, они крепко увязались у меня с тем, что, как я увидел, находилось за дверью и намеревалось попасть вовнутрь. Или с кем… В общем, там были девушки. Двое, и, как сразу выяснилось, одна другой краше. Одна – блондинка в белой вязаной шапочке и черной мутоновой шубе, едва не достигающей пола. Другая – брюнетка в башнеобразном песце на голове и широком пальто с песцовым же свисающим воротником. «У матери позаимствовала», - подумал я.

- Привет, мальчики! – Сказала кокетливая брюнетка.

Казалось, у матери, должно быть такой кругленькой, низенькой продавщицы магазина или приемщицы «Химчистки», она разжилась и своими манерами, развязностью прежде всего. Плюс привычкой говорить обо всем и ни о чем, рассчитывая, конечно, не на смысл своих слов, а на ужимки, подмигивания, подергивания плечиком и все такое. Скажу сразу, что такая манера меня всегда в женщинах возмущала чрезвычайно. Потому, в частности, что казалась чем-то специфическим, просто частью физиологии. А физиологичность, - тут я говорю твердо и однозначно, - вообще есть то, что совершенно противно роду человеческому.

Блондинка скромно улыбнулась. Эта-то милая улыбка и взяла меня, что называется, за сердце, сразу и бесповоротно.

- А, здорово, девахи, - довольно равнодушно сказал Борис. – Чего, Антона ищете? А нет его, и черт знает, когда будет…

- И где же это он бродит? – Спросила, конечно, брюнетка.

- Да, поди, с доступными женщинами конторится, - ответил Борис, не вынимая изо рта папиросы. – Кстати, давайте, проходите, раз пришли. Милости прошу. Сейчас с юным гением буду знакомить.

- Ой, как интересно! – Пискнула брюнетка, срывая с головы своего песца и шагая к нам. Блондинка нерешительно застыла на пороге, даже покраснев.

- Давай, Танька, не стесняйся, - воскликнула брюнетка (звали ее, как тут же, выяснилось Матильдой – дурацкий, декадентский как бы, псевдоним!) - не съедят здесь тебя и не поимеют.

- Это как сказать, за это я не ручаюсь, – рассудительно молвил Борис, - всякое может быть, но, конечно, не сразу. Поговорим сначала. Правда, Галилей?

Я, покраснев, вскочил, вновь ощутив всю нелепость своей глистообразной фигуры, подпирающей низкий потолок.

- Проходите, пожалуйста!

- Ой, да тут такие вежливые… - замурлыкала Матильда, расстегивая свое пальто. – Танька, этот, чур, мой. А?

Она только плечами пожала, аккуратно сняв свою шубу и пристроив ее на относительно чистое место – один из верстаков, застеленный свежими газетами (их принес я). Таня осталась в шапочке, чудесно шедшей к вязаному комплекту - свитеру и юбке ниже колен нежно-кремового цвета.

Познакомились (девушки оказались студентками пединститута, Таня – иняза, Матильда – дошкольного воспитания). Стали пить крепкий чай из железных кружек. Матильда все подмигивала мне, вводя в большое смущение и, как видно, наслаждаясь этим. Борис наблюдал за происходящим, ухмыляясь и доя свою бороденку. Таня была грустна и почти не поднимала глаз, вгоняя тем самым, образно выражаясь, свой облик все глубже и глубже мне в сердце. Потом девушки отправились по домам, я хотел увязаться за ними, но как-то застеснялся. Договорились, впрочем, встретиться снова, и уже не с пустыми руками – с меня, как сказала Матильда, причиталась бутылка за знакомство с такими красавицами. Я не возражал – к новому году мой дядя, по отцу, моряк дальнего плавания, прислал лично мне бутылку гаванского рома. Мать, повертев в руках, хотела было отобрать, но отец отстоял – пора мол, парню, приобщиться к хорошим напиткам, не все ж портвейн по углам хлестать. Я-то знал, что он рассчитывал эту бутылку у меня как раз на новый год изъять, как предмет, такому недотепе как я, совершенно не нужный. (Довольно давно отец разочаровался во мне, считая, что такого отпрыска у него, гуляки и красавца-мужчины, быть просто не может, подменили, знать в роддоме, подсунув дохлого интеллигента). Я злорадно решил, что утащу ром в мастерскую и там его разопью с новыми друзьями.

Когда девушки ушли, я, подражая Борису, закурил папиросу (и даже мужественно выдержал мощный накат горького дыма, ударившего в небо и нос) и спросил его о гостьях.

- А тебя что конкретно интересует? Дают - не дают? Это, смотря кому. Не, в точности не знаю, именно про этих, мы и познакомились недавно, да и молодые они еще, но уж таково общее правило. Я б Матильду раскрутил, а тебе, поди, Танька понравилась? Смотри, она за Антоном бегает, а у него на пути не стой.

- А что еще такое? – Спросил я довольно спесиво. – Его, что ли, собственность?

Борис задумчиво посмотрел на меня.

- Ну, собственность, может не его, я вообще за то, чтобы баб общими сделать, тут я коммунист – но шпателем полоснуть может. Бывали случаи. Не насмерть, но след на роже останется, причем навсегда.

Внутренняя дрожь прошла по мне. Не то чтобы я боялся этого психопата Антона, но слишком памятен был случай в летнем лагере, четыре года назад. Мы ездили с классом на так называемую сельхозотработку, жили в пионерском лагере, занимая два больших дома. Что творилось там внутри, об этом я умолчу, скажу только, что мне по полночи приходилось торчать на крыльце – это одноклассники деликатно просили подождать. Вдобавок к этому, в лагерь повадились местные, деревенские. Так как я был на голову выше всех прочих, то немудреные аборигены заподозрили во мне главного. В результате этого я получил удар ножом в плечо. Удар, надо сказать, легкий, почти порез – только для предупреждения и для разминки. Но дело могло бы зайти и куда дальше, ночь была в разгаре, беседа с деревенскими только начиналась. Отбил меня наш физрук, обычно в лагере и не ночевавший, но в ту ночь, на мое счастье, рано возвращавшийся от своей деревенской подруги. Видел я ее потом - огромная, белая, такой типаж детсадовской поварихи с грудью, норовящей заполнить алюминиевую кастрюлю для борща… Да, я таких боюсь как раз с того самого детского сада, а физрук, маленький, сухонький мужичок, вот не испугался. Теперь подробнее.

Я стоял на открытой деревянной веранде, почти упираясь головой в потолок, горбясь по обыкновению. Веранда была крашена масляной краской в синий цвет, быстро, конечно, облупившийся – вот я и обдирал оставшуюся краску в задумчивости и тоске. Время отбоя миновало, но идти в домик, где развлекались мои развитые одноклассники, мне решительно не хотелось (Кстати, думаю, что эти развлечения были относительно невинными, во всяком случае, куда менее неприличными, чем представлялось мне). Было не понятно, что делать дальше. Не до утра же стоять. Поэтому незваным гостям я даже обрадовался, несмотря на весь ужас их появление. А оно было обставлено очень даже эффектно, по-оперному.

Подошли, словно вынырнули из ниоткуда, из редких огней, дрожащих на невысоких фонарных столбах по периметру лагеря, четверо невысоких парней. По виду – дутым нейлоновым курткам (еще не безрукавкам, те войдут в моду через сезон), лыжным шапочкам в разгар лета, резиновым при этом сапогам черного цвета, имеющим идеалом армейские «прохаря», начищенные до блеска, – стопроцентно местные. Они молча поднялись на веранду и совершенно целенаправленно подошли ко мне, окружили, будто проделали весь неблизкий путь от деревни специально ради этого. Я застыл, не зная, что предпринять. Нечаянную радость сменил стопроцентный ужас, сковавший, как обычно в стрессовые моменты меня по рукам и ногам. Да и толку от них, необученных, все равно было бы немного!

На шаг вперед выдвинулся самый маленький, достающий мне своим трикотажным гребешком разве что до подбородка. Это, конечно, был, по их мнению, особо изощренный тип унижения – нападение сильного маленького на слабого большого. От моего обидчика пахло каким-то отвратительным алкоголем, уже основательно перебродившим.

- Ну ты, длинный, это, что ли, ты тут самый борзый?

Отвечать что-либо было просто глупо, да никто и не рассчитывал на ответ.

- Чего молчишь? Испугался, да?

Тут же один из стоящих чуть сзади сделал ловкий выпад – ткнул меня лезвием в правое плечо. Это было совсем не так, как ставят уколы. Уколы даже больнее, но это, наверное, потому, что ты их ждешь, придумываешь себе боль заранее. А здесь, не ожидавший удара, я ничего не почувствовал в первый момент, во второй – стало горячо, а сразу же за этим - очень мокро. Это потекла кровь, но я не сразу это понял – что, подумал, за непонятная, стыдная какая-то жидкость? Потом понял, и испугался еще больше, хотя за секунду до этого казалось, что пугаться больше некуда. Все части тела, еще не промокшие насквозь, покрылись холодными мурашками.

- Это раз, - с удовлетворением наблюдая мою крупную дрожь, сказал самый маленький. – Щас будет еще.

- Это что тут такое? – раздался бодрый голос физрука, - А ну пошли вон, щенки!

Он ловким чертом вскочил на веранду, держа в руках толстую палку. То ли оценил ситуацию с ходу, то ли всегда имел при себе инструмент самообороны. Очень разумно! Ворча и в самом деле как какие-то бродячие собаки, деревенские покинули поле боя. Впрочем, они были вполне удовлетворены исходом дела. Смертоубийство со всеми последующими неприятностями не входило в их планы. Хотя кто знает! Вид крови мог раззадорить хотя бы одного из них, и уж тогда нож точнехонько вошел бы между ребер или, по крайней мере, перерезал аорту.

К счастью, лагерная жизнь на этом для меня закончилась. Той же ночью меня отправили в город, в травмпункте сделали перевязку и сдали на руки перепуганным родителям. Рана оказалась пустяковой, глубоким, по сути, порезом.

Впрочем, я довольно скоро осознал все преимущества своего ранения и долго потом демонстрировал его, приспуская майку с плеча. Небрежно замечал при этом: бандитская финка. Что, в общем, почти соответствовало действительности!

ПОЭЗИЯ Часть 3

Алексей БОРОВЕЦ ►

▼ **ЛЮБОВЬ – ЖИВЫМ, НЕНАВИСТЬ – МЁРТВЫМ!** (подборка стихов)

• • • • •

Проснулся - в глазах уже слёзы.
Влюбился - и сразу ревную.
Лелею мечты и неврозы,
Походку свою хмурнУю.
В постель ко мне прыгнула зависть.
Я спал в неудобной позе.
В субботу уже показались
Дед Голод, бля, с дедом Морозом.
Весь день пересчитывал мелочь -
К вечеру стало скверно.
Боялся, что ты мне изменишь,
Но ты оставалась верной.
На грязном асфальте позёмка.
Ноябрь засыпал все лавки.
Давай, милый друг, доползём-ка
До ближней пивной заправки.
Вернёмся и, вечер скомкав,
Мы сделаем вид, что осень -
Виновница кайфа и ломки -
Заляпала нам всю простынь.
И ночь наступает на пятки.
Мы движемся точно в тумане.
К утру с нами начали в прятки
Носочки играть под диваном.
Уснём, не окончив допроса,
Но сны наведут все справки.
Проснувшись, дойдём до погоста,
Погревшись в иконной лавке.
И там, среди всякой уценки,
Найдётся дешёвый том Кафки -
И с ним электричкой до центра -
Купить тебе новые плавки.
Воскресное утро приносит
Нам запах мочи. Как в сказке,
Ударившись, видимо, оземь,
Лежит старый бомж в водолазке...
Но мы не заметим намёка,
Соседним пройдём переулком.
С тобой я такой недалёкий!
И мы продолжаем прогулку.
Откуда я знаю ответы?
Ты снова захочешь добавки,
И я, сладко ёжась от ветра,

Вношу в нашу правду поправки.
Вновь вечер, и ты уезжаешь.
Любви есть задание *на* дом.
Ты с лёгкостью всё прорешаешь
Теперь, зная *что* тебе надо.
Я помню, как поезд поехал.
Как я пробежал с ним немного,
И в спазме беззвучного смеха
Поплёлся, взяв *за* руку Бога.
Проснулся - в глазах ещё слёзы.
Влюбился - и сразу потеря.
Лелею свой страх и вопросы.
Пиздец. Ни хуя я не верю...

• • • • •

На стареньком балконе
В тряпье и поролоне
Задумчиво курила
Подруга некрофила.
Она опять спалилась,
Когда пошевелилась
В его объятьях нежных,
Как дыма облака.

В нём всё похолодело,
Когда любимой тело,
Застывшее с опаской,
Подёрнулось под лаской.
И он рыдал от боли
Так, словно распороли
Лицо его отвёрткой
На два кривых куска.

И эта маска скорби
Нисколько не коробит
Подругу некрофила -
Она его любила
Особенно в мгновенья
Страданья и смятенья -
"Такой красивый, бледный,
Беспомощный, мой бедный,
Такой хороший, плачет...
Как я могла? Мой мальчик..."
И снова умирала,
Когда он привыкал...

• • • • •

Российской камеры смертников
Столица - город Москва.
Любовь не терпит посредников,
К примеру, таких как слова.
И чувство в определениях
Заблудится, пропадёт.
Я так же без сожаления
В Москве пропаду вот-вот.
И что найду в этой пропасти

Пока что не знаю сам.
Москва близка мне жестокостью -
Мы оба не верим слезам.
Вот время напрячь все навыки,
Отбросив и против и за.
Любовь меня держит за руки
И смотрит в мои глаза.
Серьёзность всегда забавная,
Ирония - острый нож.
Ни в чём я не вижу главного.
Фальшивы и правда и ложь.
Ведь правда - лишь карта козырная
Во лживой насквозь игре.
И всё дело вкуса: есть жирное,
Быть богом, сидеть на игле.
Забудем свои желания,
Заблудимся, пропадём.
Нам нужен кошмар расставания,
Чтоб снова проснуться вдвоём.

p.s.

Последний день в нашей комнате,
Все мысли озвучил дождь.
Написано языком не тем,
Но ты всё поймёшь. Всё поймёшь....

• • • • •

Не жди меня. Я за победой.
А значит, больше не вернусь.
Не надо приходить по средам
На станцию тревожить грусть,
Смотреть, как те из нас вернутся,
Кто проиграл свою войну,
Продав за ордена на блюдце
Свою последнюю игру.
Не жди меня. Я ни к обеду,
Ни к ужину, ни через год
Не принесу домой победу,
Моя победа - мой поход.
Да. Пусть другие верят просто,
Что если кончатся бои,
Они получат с неба звёзды
За злые подвиги свои.
И пусть они зовут победой
Разруху, голод, беспредел.
Не жди меня и в эту среду.
Я умер. Я так захотел.

p.s.

Это день победы ворохом в гробах.
Это праздность с сединою на висках.
Это старость со слезами на словах.
День победы. День победы. День побеэээээдыыыыы.

Елена ВАГНЕР ►

▼ СЕДЬМОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЛЮБВИ (подборка стихов)

• • • • •

Моим учителям Андрею Паутову и Вадиму Запорожцеву

Благодарность разносится кровью,
Достигает пределов тела,
Я глаза ненадолго закрою,
И спасусь от любого предела.

Благодарность пульсирует в венах,
Изливается со слезами,
И шифруется где-то в генах,
И рифмуется как-то с Вами.

И раскалывает сознание –
До и После, Вчера и Ныне,
Сотворение мироздания,
Притекание ко святыне…

С благодарностью, грустью, нежностью,
С осознанием быстротечности,
С пониманием неизбежности
Я сквозь Вас прикасаюсь к вечности.

Чтение в постели

У нас не было никаких отношений и обязательств,
Совместного имущества, или детей, тем паче,
Никаких признаний и всяких там обстоятельств,
И всего того, что порою так много значит.

Просто мы иногда покидали пределы тела,
И, теряясь друг в друге, теряли подсчет минутам,
И часам, и ночам, а свеча на столе горела,
Иногда мы о ней вспоминали уже под утро.

Мы, конечно, ее позаимствовали в романе,
Потому что умели читать тем глубоким чтеньем,
При котором души рассеиваются в тумане,
А глаза расстаются с земным бесполезным зреньем.

Мы встречались в мире сербского чародея,
Он, совсем как и Борхес, работал в библиотеке,
У него на страницах, старея и молодея,
Ждали нас византийцы, а также простые греки.

Мы блуждали по этим книгам, как по дорогам,
Занимались любовью (но так мы не говорили),
Каждый раз понимали, что книги созданы Богом,
А потом из них и друг друга мы выходили.

Но еще лежали и ждали минут пятнадцать,
Я вставала, варила кофе, мы что-то ели,
Наступал момент обняться и попрощаться –
И вот так много лет мы любили читать в постели.

• • • • •

На дорогах любви и разлуки
Вспомни нас, фиолетовый маг!
Боже мой, на какие же муки,
На какие простертые руки
Обрекает нас внутренний мрак!

А ведь кажется, все мы любили,
И светили как пламя свечи –
Но по нашей ли дали нам силе?
Если мы в ученическом мире –
То, пожалуйста, нас научи!

Научи не жалеть понапрасну,
И не помнить ни зла ни обид,
Научи нас при встрече с прекрасным,
Непонятным, влекущим и страстным
Сохранять высоту пирамид.

И за этим незримым пределом,
Где тебе – километры пути
Ты нас вспомни – не словом, так делом,
Или взглядом хотя бы несмелым,
Или облаком солнечно-белым,
И прости, и прости, и прости.

• • • • •

Только 9 минут безусловной любви,
Целых 9 минут – и святая свобода
Открывает тебе все секреты земли,
Озаряет глаза красотой небосвода,

И уносит тебя в этот радужный свет,
В этот радостный луч, преломленный паденьем…
Но стяжая любовь миллионами лет,
Мы не в силах набрать эти 9 мгновений…

• • • • •

И есть так много людей, которых можно любить,
Которым можно смотреть в глаза и чувствовать Бога,
Которых можно не ждать, а просто благодарить
За их рожденье на свет и след на наших дорогах.

И есть мгновения встреч, когда уже не важны
Часы, года, города, супруги и сновиденья,
Когда слова не нужны, и только взгляды нежны,
И наполняется жизнь святой водой вдохновенья.

• • • • •

Расскажи мне про шестое измерение пространства,
Расскажи мне про седьмое измерение любви…
Про восьмое чудо света, про двенадцатое царство,
Я совсем не смыслю в этой математике, увы!

Я всего лишь знаю буквы, три великих алфавита,
Древнегреческую дельту, кириллический глаголь,
И латиницу, конечно, только многое забыто…
В каждом слове скрыта тайна, радость истины и боль.

А вначале было море, и еще до Архимеда,
Мы, наверное, как рыбы, изъяснялись тишиной,
А потом случилась суша, кислородная победа,
Мы вдохнули это небо со словами и луной.

Я давно не помню формул, знаю только о свободном
Ускорении паденья для влюбленных и Плеяд.
Расскажи мне, как измерить под огромным небосводом
Притяжение ладоней и с ума сводящий взгляд?

Александра ВАЙС ►

▼ **УМЕТЬ ЛЮБИТЬ** (подборка стихов)

• • • • •

ПЕРЕЖИЛА И ЭТУ ЗИМУ
ПЕРЕЖИВАЛА ВСЁ СМОГУ ЛИ
РАЗВОПЛОЩАЛАСЬ НА ВИТРИНЕ
В ПОПЫТКЕ УСИДЕТЬ НА СТУЛЕ
НА ТОНКИХ НЕСУРАЗНЫХ НОЖКАХ
ПРОХОДИТ ЖИЗНЬ ПРОХОДИТ ГЛУПО
А К СУПУ НЕ ПОДАЛИ ЛОЖКУ
А К СУПУ НЕ ПОДАЛИ СУПА
И ОЧЕНЬ РАНО ПОЯВИЛАСЬ
ЛЮБОВЬ К НЕПЕРЕМЕНЕ ПАР
А ТЫ ВСЮ ЗИМУ ГРЕЛАСЬ В PEOPLE ’ S
А МНЕ НЕЛЬЗЯ НИ ГРИЛЬ НИ БАР
И БУДЕТ ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ
В РАСЧЁТАХ БУДУТ ДОМ ПЕЛЁНКИ
И ЕСЛИ БЫЛО В КАЙФ ПИСАТЬ
ТО БОЛЬШИЙ КАЙФ НОСИТЬ РЕБЁНКА
А ТРЕТЬЕМУ ЛЕГКО МЕТАТЬСЯ
СРЫВАТЬСЯ ГРЫЗТЬ КРАЮХИ КРЫШ
ЕМУ – ЕГО. МНЕ – ОСТАВАТЬСЯ.
ТЕБЕ – ОТПРАВИТЬСЯ В ПАРИЖ.

• • • • •

Я знаю, какими должны быть стихи,
чтобы они нравились моей маме:
такие не стыдно слушать,
но очень стыдно читать.

Я знаю, какими должны быть стихи,
чтобы они нравились моим друзьям:
их нужно кричать, наливаясь желчью.

Я знаю, какими должны быть стихи,
чтобы иметь девочек-фанаток:
такие нужно публиковать в тоненьких книжках
или попросту писать на листочках.

Я знаю, какими должны быть стихи,
чтобы заслужить твою похвалу -
я пишу такие стихи.

Я знаю, какими должны быть мои стихи,
но я не смогу их написать.

• • • • •

Так простите же мне непричастность к стране и к водке.
Никому и так не важное слово застрянет в глотке.
Превратится в мима болтливый и дерзкий шут.
Я себя и так насилую ежедневно - пишу,
Я себя разбираю по косточкам по суставчикам,
А они растягивают рукавчики,
Чтоб больше сходства.
Вот не страничка - страна, где превозносят юродство.
Где больной,
Что святой,
С тобой
Будет делиться своей дурной головой.
А иному и стыдно будет до него себя возвести,
А я опять не о том, пожалуй. Прости.
Что не вырву тебя из этих сёл-городов.
Взамен - сама остаюсь. Кричу, хоть и нету слов.
Кричу, растягивая гласные между губ,
Вечно буду кричать. Обещаю. Смогу.

• • • • •

Он никогда не мечтал о собственном ресторане,
Не надевал халат, не выезжал заграницу.
Не любил никого, не горел ни разу...
Не нарезал кольцами лук, наверно...
Я вообще не пойму, как он жил всё это
Время, как лыбился собственным отраженьям.
Так же, как не пойму, что я есть сегодня.
Так же, как не пойму, что случится завтра.
Ну, и зачем мне тогда всё это?
Только вопросы, ни одного ответа.
Только внутри собирается, мечется, метит
И попадает в цель, что называют сердцем,
Или другим до дырок затёртым словом.
А попадет - финиш, концовка, alles.
Можно вывешивать самые белые флаги,
Можно писать самые длинные письма,
Но не с надеждой на помощь - так просто.
И не рассчитывать даже, что прочитают.

• • • • •

А мне уже не хочется бежать
И проговариваться под наркозом дури:
В оправе на груди брильянт зажат,
И платьишки всё чаще по фигуре.
А мне уже не хочется идти
Туда, откуда возвратиться стыдно,
Надеяться, что оправдает стих
И выглядеть смешно, но колоритно.
Гореть согласна, но – не прогорать.
И, кстати, я тебя давно простила.
И мне совсем не надо умирать:
Я только-то вчера переродилась.

• • • • •

Я постирала твои носки -
Повод опять прийти
Если замучился от тоски,
И одному претит.
Все будут знать и ругаться либо
Лишь за глаза судить,
Но если поймала такую рыбу,
Надо уху варить.
Разнообразны рецепты варки:
Ленточки теребя,
Будешь играть - приносить подарки,
Но не дарить себя.
Я возмещу все твои расходы телом или душой.
Только, пожалуйста, не целуйся с этой...
с другой.

• • • • •

Я же знала, что всё этим кончится,
Что Земля против смысла вертится,
Но глушила свои пророчества
Сладкой ложью, чужой неверностью.

Если видела всё заранее,
То зачем отправлялась мучиться?
И какая такая мания
Повторять, будто всё получиться?

Если знала, зачем прикинулась,
Что бывает и не по правилам?
А теперь, когда 20 минуло,
Непонятно - поздно ли, рано ли…

А теперь остаётся маяться,
Но не каяться, не зализывать...
Мне, наверно, полжизни лаяться
С остальными.

• • • • •

И нет ничего важнее этих пяти минут,
Когда совали конфетки и обливали светом.
Но не позовут тебя больше, девочка, не позовут.
Зачем говорю? Ведь ты и сама понимаешь это.

А то, что осталось, не завернуть в платок,
Не съесть в чёрный день и не отдать в залог.

• • • • •

Мне теперь тоже знакомо
Жгучее чувство,
Когда не хватает рифм.
Что, опять о бабской доле,
Опять о нелёгкой судьбе?
Нет, давай лучше про птиц!
Вот так полюбишь птицу,
Но вопреки всем сказкам и басням,
И даже молитвам
Не взлетишь.
А она, обвиняя тебя во всех
Законах природы, сама
Соберёт себе стаю.
Не улетит, нет -
Возвратится
К практике перелётов.
И тебя будет грызть
То, что ей от тебя
И за пять километров и за пятьсот
Одинаково хорошо.

• • • • •

Зачем призываешь считать убытки,
Зачем просыпаешь соль?
Твои равнодушнее быть попытки
Тебе же приносят боль.
Ты сопротивляешься, но немеешь,
Теряешься на виражах.
И я не пишу ничего умнее,
Чем дети на гаражах.
Ты не упадёшь на одно колено,
Не выпьешь чашу до дна.
А главное то, что моя измена –
Только твоя вина.

• • • • •

Ночь, не породившая чудо,
Не продлится вечно. Зачем?
Мы с тобой пришли ниоткуда
Мы и остаёмся ни с чем.
Будет на кого помолиться –
Мы же не в молельных рядах.
Нам с тобой – пустые страницы,
Нам – пустое небо в глазах.
Небо никого не обманет –
Будет навсегда молодым.
Не считая годы и грани,
Не жалея слёз и воды,
Будем каждый день до обеда
Строить наш, не Ноев, ковчег.
Жаль, что не вернёмся с победой.
Жаль, что не вернёмся вообще.

• • • • •

Расколото небо - сюжет не нов.
И ложь до того, что уже противно.
Вот только финал не совсем готов,
А значит, и критика не конструктивна.

Но очень правильно осудить,
А, главное, просто - ничто не гложет.
Как будто можно уметь любить.
И не любить будто можно тоже.

Вино допито? Бокал не бить!
И пусть привычно себе лукавить,
Но как он сможет её забыть?
Ну как он сможет её оставить!

• • • • •

Словно на волю вырвалась из тюрьмы -
Я знаю теперь, как Я перерождается в МЫ.
И это знание мне не забить не смыть,
А главное - больше оправдываться не надо.

Может поэтому стало меньше стихов?
Но это выше самых высоких слов!
И если согласен идти - то путь готов,
И к чёрту пустые условности и преграды.

• • • • •

Мы с тобой не писали поэму,
Мы, скорее, играли "в трупа"
И не делали это проблемой -
Получалось смешно и глупо.

Ты сказал: "Поперёк морали -
Это то, что сейчас надо!"
Мы друг друга у жизни крали
И, уж точно, не ждали награды

"Мы могли бы служить в разведке",
Только разве же ложь - заслуга?
И теперь мы по разным клеткам,
Задыхаемся друг без друга.

• • • • •

Мне ужасно хочется не успеть
И с ушами зарыться в сибирский холод.
Точно так, как любовь исключает смерть,
Смерть сама по себе исключает повод.

И сюда никогда не придёт весна,
Никогда не придётся мечтать о лете,
Никогда не проснуться от зимнего сна
И не выскочить пулей из пистолета.

Продолженья не будет. Такой порыв
Оправдает и возраст, и друг по пьяни.
И хотя по идее финал открыт,
До конца читать кто-то вряд ли станет.

Елена ГЕШЕЛИНА ►

▼ ЧУТЬ БОЛЬНЕЙ (подборка стихов)

• • • • •

вот оно, кажется, белый шум, пауза на ЭКГ,
время застыть сахарной фигуркой на торте,
и пока его будут резать, ты не шевелишься,
подожди, пожалуй, тебе еще дадут упасть.
и ты, конечно же, упадешь – некрасиво, неловко,
не так как в кино, когда лежат и пустыми глазами в небо,
и камера еще делает наезд на мертвый анфас.
нет, ты упадешь лицом вниз, и никто, никто не оценит
рельефность скул, твердость губ и классический профиль.
впрочем, это не фильм, и тебе будет неважно,
как ты лежишь...

• • • • •

Грекову

уехать первым автобусом. не оглядываться назад,
ища знакомую курточку с капюшоном,
себя другому городу навязать,
бродить по его улицам со взглядом отрешенным

это ноябрь, уже не осень, еще не зима,
время тактильного голода и попыток сближений –
разумеется, неудачных. ноябрь тебе ставит мат,
тебе и твоему постылому окружению.

бог играет не в кости, а в бисер, фенечки из него плетет,
бусины – мы, рассыплется – ну, не вышло.
город простужен, не лечится, много пьет,
скоро все кончится. выжди. выжди.

• • • • •

под Новый год мучительно хочется винограда,
пусты виноградники, снег на десятки миль,
на красную гроздь потрачено ползарплаты,
без летней сладости декабрьский свет не мил.

я осенью затихаю и жду весны,
любимым пишу стихи, остальным – открытки,
у первой любви уже подрастает сын,
друзья хорошо одеты и вроде сыты.

троянцев держа в уме, не беру даров,
читаю в трамваях, в автобусах сочиняю,
«все кончено» говорю с интонацией «будь здоров»,
и кофе вишневой косточкой заедаю.

• • • • •

и вдруг стало светло посреди января, тепло посреди минус сорок,
мы так долго ждали, так долго боялись простого разговора,
ни к чему не обязывающего трепа, но все же больше,
чем беседы о самом насущном, на полном серьезе.

и ты завтра проснешься, выйдешь из дома и не узнаешь
в толпе закутанных в теплое горожанок
ту, что довел до водораздела, до самого края,
показал небо и перерезал веревку, что ее держала.

• • • • •

мы друг другу – как пассажиры в утреннем автобусе,
локтями толкаемся, телами соприкасаемся,
ищем клочок пространства, чтоб во весь рост
стать с прямою спиной, с открытым и честным взглядом,
пока автобус не остановится там, где нужно,
мы будем рядом.

время не оставляет второго шанса
даже шевельнуть губами – тем паче вмешаться,
вырвать друг друга из толпы, наедине остаться.
дайте квадратик неба, чтоб им надышаться.

мы друг для друга – попутчики, случайные в общем-то люди,
это наш первый совместный дубль,
второго не будет.

• • • • •

чернеет серебро, и рукописи горят,
и снег присыпает тальком старые раны,
в такую погоду не надо куда-то идти, гулять,
лучше молчать и музыку громче – что-нибудь вроде органа,
у нас еще будет время друг другу сказать
о главном.

мы сами как межсезонье – изменчивы и дурны,
кровь наша слишком горяча, чтобы ею клясться
и, мы, конечно, не созданы для тишины,
друзья до первой зимы,
трамвайное хрупкое братство.

ноябрь не вечен, да и зима, в сущности, невелика,
вот и год пролетел, а ты так и не сделалась мудрой,
вода из-под крана так непривычно горька,
заешь ее корочкой зимнего пирога,
щедро присыпанного
снежной сахарной пудрой.

• • • • •

он приходит в четверг на площадь Сан-Марко,
голуби, колонны, небо без края,
достает блокнот, в нем пара фото и туристская карта,
и свой монолог непонятно с кем начинает:

«милая Лола, сегодня минул двухсотый месяц,
как ты сбежала с одной-единственной сумкой,
с этой поры моя душа слишком много весит,
ноша ее тяжела, впрочем, женщины то ли из лести,
то ли из жалости говорят, что я умный.

Лола, я сед как лунь, руки в старческих пятнах, лицо в мелких морщинках,
деньги на пластику есть, но врачи говорят: уже поздно.
видел тебя в New York Post, ты теперь блондинка,
завтра ты в Карнеги-Холл, мой ворованный воздух,
кто поведет тебя пить и смотреть на звезды?

решение принято, он возвращается в номер,
заказывает билет на вечерний рейс до Нью-Йорка,
в бизнес-класс нет билетов, ну что ж, летим экономом,
какая разница, где ожидать веления рока.

и когда наконец он сидит в кресле, слушает Лолино пение,
в его сердце часы застыли на трех утра,
ее мягкое контральто в ушах, долой остатки сомнений:
«пора закрывать эту тему,
давно пора».

ПАРОМ

Что-то кончается, захлопывается с треском или с шорохом, медленно и бесшумно. Мир превращается в веселящий газ, кто-то сверху его разливает бездумно, оставляя лужи, а в лужах грязь. Молодость уплывает последним паромом, я опоздала, билетов уже не купить, я остаюсь зимовать в своем закутке уютном, обживаю его заново. Надо же как-то жить.

Надо же как-то – с чулками и кружевами, платьишками, коробочками от теней. Мне они больше не помогают, кровь моя все бледней, а душа – черней. К юным и свежим уходят мои мужчины, я остаюсь, мне как-то нужно выживать. В грудь мою вживлена тугая пружина, мне одной не под силу ее порвать. А ведь была другой – улыбалась и пела, пила, что пьянит, курила, чем угостят, так много ядов в себя впустила, что и сама стала смертельный яд. И я кричу: задержите паром, задержите! «те...те...», - отвечает мне эхо над рекой. И кто-то сверху смотрит с нежностью и непреходящей тысячелетней тоской.

Родиться бы заново – где-нибудь в пятидесятых, в Нью-Йорке, там Энди, и Баския, и Studio Fifty-Four, и сразу взрослой, чтоб все попробовать и напитаться всего. Или в Париже в шестидесятых, там революция и кино. На пять минуток, проездом в вечность, чтобы понять, что сейчас – счастливей всего. Вернуться уставшей, разбить клепсидру, порвать на оригами отрывной календарь.

Настанет утро – мое, персональное утро. Паром за мной не вернется, и мне не жаль.

• • • • •

запомни этот день, кружащийся в воздухе снег,
ведь нет никакого ада, а рая хватит на всех.
выпусти сердце из клетки, как в Благовещенье птиц,
в синий небесный бархат лети.
верь только в свое неверие, живи каждым последним днем.
в первую снежную бурю любой беззаветно влюблен,
каждый прохожий – милый, жизнь – недосмотренный сон.
в каждого хочется вжиться, как вживаются в роль,
как проваливаются в боль.
carpe diem – усталость свалит тебя в сугроб,
закроет веки и поцелует в лоб.

НАПУТСТВИЕ НА ТОТ СВЕТ

праздник каждый день неизбежно становится днем сурка,
ты берешь все от жизни – она требует откат,
двести сорок процентов
малоценной бесценной дани.

мир не дан нам – одолжен, целая жизнь взаймы,
бойся заимодавцев как бубонной чумы,
а о том, что умрешь,
лучше знать заранее.

так держись, дружок, я с тобой, навсегда с тобой,
если хочется плакать – плачь, а лучше – пой,
это верный способ
ослабить арктический холод.

это небо – обитель героев и дураков,
подожди, ты еще успеешь родиться вновь –
такой Оскар Шелл,
а в будущем – Холден Колфилд

• • • • •

А.П.

забудь мечты, и жить начни сначала,
о чем это? о чем же ты мечтала,
когда другие строили мосты.

забудь, забудь – сезон тепла проходит,
из сна в реальность пребывает поезд,
а в нем – не ты, не ты, не ты, не ты...

ты так устала ожидать рассвета,
ночь растянулась, и финала нет ей,
январский холод много-много дней.

идет циклон. заваливает снегом
пространство памяти. все. точка. fin de siecle.
и ничего – ну, может, чуть больней.

Александр РОМАНЦОВ ►

▼ **SIC TRANSIT** (подборка стихов)

• • • • •

На тарелке география за ужином
Шире, чем ногами поисхожено.
И живем не то, чтоб слишком нужно, но
Положено.
Оборвется слово к вечеру натружено.
Дрессированные руки гладят нежно.
Это даже и не дружба, но
Неизбежность.

Аврелий

Был не от мира сего, но вот появляется мир.
Вытягивай теперь ниточку, сматывай на клубки,
Бережно-нежно храни от веселых кошачьих игр-
Это так повелось, а не прихоть чужой руки.
После носи на себе, или сиди, но не снимай с плеча –
Прослывешь молодчиной, отчизны сыном, отцом.
Так из всех сколько-нибудь возможных начал
Сразу станешь себе и продолжением, и концом.
Вот и забудут, спешно бюсты твои сваяв.
Будешь пылиться на площади, делая шаг вперед.
Медленно-верно будущего удав
Мимолетного кролика жрет.

Капля

Или так бывает: падает метеорит.
А потом говорят: «Поезжай-ка в Сорренто, Смит,
Раздобудь анализы вещества, и сразу на-
зад,
В Даллас».
А вокруг суета и кричат: «Что же делать, Смит?!»
Но обычно хватает иголочку переломить-
И дракон побежден, и зомби, и Золушка спасена.
Рад?
A1les!

• • • • •

Я геометрически не точен,
Я биологически не чист.
Физиологически порочен
И гипотетически плечист.

• • • • •

Ксерокопируй, перепродавай.
Перепродай и отксерокопируй.
Разгул фантазий - списанный трамвай
Б/у, ч-б. Не покидай квартиры!

Куда, куда? Да не хлещи коня.
Не сотвори кумиров и утопий.
Здесь интеллектуальная возня
Идет - перепродажа ксерокопий.

• • • • •

Жив, курилка? Все нормально!
Руки полные синиц.
Помню женские названья,
Но почти не помню лиц.

Память, память-кровохлебка,
(Змейка тянется к хвосту).
Память – полная коробка
Мыслей не по существу.

Отделять козлищ от плевел
Просто нету больше сил!
Да храни нас, боже левый,
От возможных рефлексий.

• • • • •

Я так похож на Эвелину Блёденс
Что сам господь не смог бы различить.
По ряду неизвестных мне причин
Я так похож на Эвелину Блёденс.

А женщина, презрительно смеясь,
Стоит подобьем вавилонской глыбы.
Такой смешной живородящей рыбы
Я не видал, пожалуй, отродясь.

Я так похож на Эвелину Блёденс.
Ни славы не сыскать мне человечьей,
Ни гордости сыновней.

Шпенглер

Панки любят японскую кухню,
Апачи чтят резервации -
Так идея становится шлюхой
В эпоху цивилизации.

Кинотеатр

Мне снилось, что я стал кинотеатром,
Которым в годы моего рожденья
Уже бывал Владимир Токмаков.

Мне снилось, что я стала первоклассник
Которая идет в кинотеатр,
Которым стал Владимир Токмаков.

Мне снилось, будто я и сам Владимир,
Который был отправлен во Владимир,
Чтоб написать отчет о человеке,
Который превращается в театр
Лишь только приближается сезон.

Мне снился также маленький театр,
Который потихоньку превращался
И уходил от нас за гастроном.

Порой приснится!

частушечка
Не люблю картинного,
Обнажите сущее!
Не декоративное,
А дикорастущее.

Скерцо

Сик транзит глория мундИ!
Так ты хотя б не уходи.
Потом подашь стакан воды –
Наступит старость.

Сик транзит молодость твоя-
Недолговременный вояж.
Пройдут и внуки и зятья,
А я останусь.

Мы будем сонны и одни –
(сик транзит солнечные дни)-
Две тени, спящие в тени
На склоне лета.

И страх, и песня на лице
Сик транзит. И уже в конце
Мы прочитаем на кольце:
«Пройдет и это».

Ницше

Рушился горизонт,
Дали зализывал дождь.
Тот, кто всходил на трон
В сильных рассеял дрожь.
Видел косматый лес
Как я пришел сюда -
С жаждою лучших невест -
Хищник, плясун, звезда.

Черный точеный бог
Скалил зависть и злость -
Я собирал в платок
Миров перезревшую гроздь.

Так расползался слух.
Так зародилась вражда.
Стаи крикливых старух
Слетались кормежки ждать.

Но верен огонь, что пес –
Следил, как из черных дыр
Я в лапах дремучих нес
Хордовый дикий мир.
В детских ладонях нес
Новый кричащий мир.

На работу

Дышал на замерзшие руки.
Автобус болел толпой.
И только менялись старухи,
Сидевшие рядом с тобой.

Кондуктор ругался мясисто
На скомканных выходцев гор.
Ты думал о братоубийстве,
Бесстыдно краснел светофор.

Но где-то в одной из окраин
Ты будешь обязан сойти,
Мой несостоявшийся Каин.
Скорее проезд оплати.

НАШ НЕКРОПОЛЬ

Владимир ТОКМАКОВ ►

▼ ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОЭТА (памяти В.М.Башунова)

Я не могу похвастаться какой-то особой дружбой с Владимиром Мефодьевичем Башуновым. У нас с ним всегда сохранялась некая дистанция, мне почему-то казалось, что он был человеком достаточно скрытным и замкнутым.
В 1989 году мы, молодежь, громко называвшая себя неформальным литературным объединением "Эпицентр Российского Авангарда" (НЛО "ЭРА") пришли в литературную студию «Родник» при алтайском отделении Союза писателей СССР. Башунов, несмотря на то, что вроде как отвечал «за работу с молодежью», с нами в тот "революционно-авангардный" период не встречался. Заседания вел Александр Михайлович Родионов, он и принял на себя всю нашу яростную энергию "литературных преобразователей". А непосредственно мы познакомились с Башуновым в 1990 году, во время краевого семинара молодых писателей. А еще до этого, в 1985-м или 1986-м я прочитал в газете "Молодежь Алтая" его статью: "А где же дерзость?", в которой он сетовал на отсутствие творческого поиска в произведениях молодых писателей. Я тогда запомнил фамилию автора статьи - "В.Башунов", и вот встретился с ним вживую!
А семинар действительно получился запоминающимся, дерзости и творческого поиска на нем хватало. Было открыто - или по-настоящему громко прозвучало - много новых, интересных имен.

* * *

После семинара участники - кто окрыленный, кто поверженный - разошлись, а руководители остались пообщаться, обсудить, так сказать, итоги в неформальной обстановке. Я к тому времени был уже хорошо знаком с А. М. Родионовым, он и предложил мне остаться на «фуршет». Естественно, мне как самому молодому пришлось бежать за закуской. 1990 год – разгар "сухого закона", но помню, что с алкоголем проблем не было. Семинары молодых писателей тогда проводились под эгидой комсомола, видимо, они и оплачивали все расходы. В застолье из мэтров участвовали Евгений Гущин, Владимир Сергеев, Владимир Башунов, Александр Родионов, еще кто-то, всех не упомнишь! "Свадебным генералом" был гость из Москвы, прозаик и критик Глеб Горышин.
Гущин рассказывал смешные истории о присутствующих. А потом вдруг неожиданно зашла речь о Евгении Скворешневе, талантливом поэте, который был какое-то время очень популярным на Алтае, но заигрался в сверхчеловека и погубил свою биографию уголовной статьей. Гущин вспомнил о каком-то телесюжете на ГТРК, посвященном выходу сборников молодых поэтов. И в этой программе Башунов выступал вместе со Скворешневым (который, кстати, и работал на краевом телевидении). То ли Гущин особенно не любил Скворешнева, то ли Башунов особенно тесно дружил с этим "падшим ангелом" (может, хорошо отзывался о нем), я так и не понял. Но по реакции Владимира Мефодьевича было видно, что ему неприятен этот разговор. Опять же Гущин прозвал Башунова «Молчуном» (так же как Владимиру Казакову старшее поколение писателей дало кличку «Хмурый»). Башунов действительно во время застолья оставался молчаливым и задумчивым. Потом Гущин рассказывал истории о необычайной популярности молодого поэта-Башунова среди студенческой аудитории, особенно женской ее части. Я тоже тогда попытался поддержать беседу и рассказал о том, как купил недавно в «Букинисте» его первый сборничек «Поляна», вышедший в 1970-м году. Башунов оживился, заулыбался, и сказал, что даже у него

нет этой тоненькой книжки. Было видно, насколько она для него была важна и значима.

* * *

Понятно, что мы не могли с Владимиром Мефодьевичем сблизиться, допустим, на почве литературно-поэтической. Все-таки мы относились к прямо противоположным "литературным школам": мне была ближе урбанистическая, городская традиция, стихия свободного стиха и экспериментаторства. А Владимир Мефодьевич – яркий представитель "поэтов-деревенщиков", "тихой поэзии", продолжатель классических, пушкинских традиций. Его имя совершенно заслуженно можно поставить рядом с именами Николая Рубцова, Алексея Прасолова, Анатолия Передреева, Бориса Ручьева, Николая Тряпкина. Как он мог воспринимать мою поэзию, те подборки, которые я ему передавал для прочтения? Думаю, они ему были просто не очень интересны. Хотя поэзию он читал всякую, поэтическую молодежь любил и поддерживал: именно он ведь в свое время заметил и помог издать первый сборник Наталье Николенковой. Когда в начале 2000-х Башунов отвечал в журнале "Алтай" за отдел поэзии, он предложил мне опубликовать там стихи. Это была чуть ли не первая моя публикация в "Алтае": как-то не сложилась у нас дружба с этим изданием. Подборка была большая, Башунов не лез с советами, не указывал, не поучал, не предлагал что-то переделать. Просто опубликовал то, что посчитал наиболее удачным.

* * *

На Алтае, по большому счету, было только два по-настоящему известных поэта, которых знали и ценили далеко за пределами края. Это - теперь уже оба покойные - Леонид Мерзликин и Владимир Башунов. Может быть, определенную известность имел еще Вильям Озолин. Но это была больше некая "эстрадная" известность – его знали именно как личность, поэта с гитарой, человека общительного, яркого, умеющего выступать на публике, и знавшего, как завладеть вниманием зала.

* * *

Башунову завидовали очень многие коллеги по писательскому цеху. Считалось, что в советскую эпоху он сделал удачную, благополучную карьеру: его сразу же заметили как поэта, стали публиковать, издавать книги, обласкали, захвалили. После первой книжки (он издал ее в 24 года - тогда это считалось немыслимо рано!) достаточно молодым по тем временам – в 30 лет! - был принят в Союз писателей СССР. Его пригласили на работу в "Алтайское книжное издательство", о такой синекуре мечтали многие! Что может быть лучше, спокойнее и надежнее для поэта советских времен? Почти всегда - только положительные рецензии, участие в писательских семинарах и совещаниях. Конечно, Башунову завидовали... Завидовали его литературным премиям - а справедливости ради надо сказать, что он получил все главные краевые премии - регулярному выходу книг, даже в те годы, когда об этом уже никто не мог и мечтать. А тут еще - прекрасная семья, красавица-жена, умницы-дети, большая трехкомнатная квартира, подаренная государством... А зависть разрушительна и для того, кто завидует, и для того, кому завидуют. Башунов никогда и не жаловался, не рассказывал о своих проблемах на людях. О его переживаниях и душевной смуте, поисках и сомнениях, житейских трудностях и творческих катастрофах, как это часто и бывает у большого поэта, можно было прочитать только в его искренних и честных стихах.

* * *

Мы встречались с Владимиром Мефодьевичем крайне редко - тут, наверное, сказывалась и разница в возрасте: мы больше и теснее дружили с его сыном, Игорем. Тогда, в начале 1990-х, я увлекался идеологией «новых левых», мне, как журналисту и начинающему писателю, были интересны революционеры «смутного времени» от комсомольцев до «лимоновцев». А Игорь был тогда главным молодым "левым" на Алтае, возглавлял краевую комсомольскую организацию. Я участвовал в некоторых их «революционных» мероприятиях. Забавно, но об Игоре Башунове я тогда писал в местных газетах даже чаще, чем об его отце.

* * *

В 1990-е годы мы с Владимиром Мефодьевичем несколько раз пересекались в редакции газеты «Прямая речь», где он был редактором, а потом еще в журнале «Алтай», где он тоже некоторое время редакторствовал. Думаю, Башунов тогда находился в перманентной депрессии – он был поэтом от Бога, и его попытки стать еще кем-то (журналистом, издателем, редактором) заканчивались неудачей. Ни руководить газетой, ни журналом, ни издательством у него не получилось - ну не его это было! Объективно можно сказать, то единственное, что Башунов умел делать по-настоящему хорошо – это писать стихи. И в нормальное время этого было бы достаточно – что еще требовать от поэта? В нормальные времена, а не в период кризиса и упадка, инфляции, безработицы и полного финансово-экономического краха. Нужно было элементарно выживать, кормить семью, искать поденщину в газетах, носиться по городу в поисках заработка, случайных заказов на написание книг о том или ином предприятии, районе края. Мое личное мнение – Башунова убило время, его убили «проклятые» 1990-е. По-другому я это время назвать не могу. Не только его – сотни тысяч, а может и миллионы людей по всей стране стали жертвами этого жестокого, подлого безвременья.

* * *

Помню, в 2004-м я написал небольшую заметку в «Алтайскую правду» на выход его книги "Третья стража" в серии

«Русские сны». Он пришел в редакцию, подписал сборник и указал на мою ошибку. В заметке я поиронизировал, над названием серии «Русские сны». Мол, "Честь безумцу, который навеет// Человечеству сон золотой!" И почему-то приписал эти слова... Валерию Брюсову. "Это из стихотворения «Безумцы» французского поэта Пьера Жана Беранже", - сказал Башунов. Я не поверил, но потом, дома, посмотрел справочники, и был вынужден признать его правоту.

Башунов имел идеальный слух на настоящее поэтическое слово, мог его уловить даже у, казалось бы, глубоко чуждых ему поэтах. Так было с поэзией Иосифа Бродского, в которой он прекрасно разбирался, отмечая в беседах его положительные и отрицательные стороны.

* * *

Работая в 1990-х в газете "Вечерний Барнаул" я сделал с Владимиром Башуновым три полноценных интервью. Считаю эти интервью своей журналисткой удачей: очень многие вопросы, на которые Башунов ответил, не потеряли актуальности и сейчас, и имеют большое значение для понимания его творчества.

К сожалению, в "Алтайской правде", куда я затем перешел работать, писателей как-то традиционно не любили. Да и я там, по иронии судьбы и газетного начальства, отвечал не за культуру, а за политику. В "Алтайской правде" по-моему, с Башуновым, за всю его жизнь, не было ни одного интервью. Зато осенью 2003-го в газете была организована "дискуссия", в которой один молодой поэт, вызывающе и по-хамски отреагировал на совершенно справедливую критику Башунова. Зачем нужно было публиковать этот ернический и оскорбительный текст молодого обидчивого автора - я не знаю. Но знаю точно, что Башунов по этому поводу искренне переживал, потому что не понимал, как на объективную критику можно было ответить таким хамством. А с его больным сердцем эти переживания были совершенно ни к чему. Уже через год с небольшим поэта не стало…

* * *

Было несколько запоминающихся встреч с Башуновым у Александра Родионова, с которым они действительно дружили. Вот там я впервые видел другого Башунова, интересного рассказчика, наблюдательного, веселого и ироничного, точного в своих наблюдениях. После одного из таких застолий зимой уже 2000-х годов я записал в свой «писательский дневник» такой «литературный анекдот»:

- Ты, Владимир, открытый перелом русской поэзии, - сказал как-то с иронией Владимир Башунов, когда мы были в гостях у Александра Родионова, - но «скорая помощь» здесь только навредит. Пусть болит…

Пили водку.…Закусили яблоком, занюхали облаком…

- Чувство локтя… - размышлял А. М. Родионов о Союзе писателей России. – А если локоть есть, а чувства – нет?

…Торт мы ели уже на ощупь».

* * *

Я практически не слышал, как Башунов читает стихи. Может пару раз… Один раз на презентации его "Третьей стражи" в краевой молодежной библиотеке, носящей сейчас его имя, другой раз - на Демидовском балу, когда поэта награждали премией. Я думаю, он особо и не стремился быть чтецом, как, например, Леонид Мерзликин, артистично исполнявший свои стихи со сцены. Для Башунова, думаю, гораздо важнее было, чтобы его стихи понимали, и не столько слушатели, сколько читатели. Таков ведь основной принцип «тихой поэзии»…

Наверное, для многих это прозвучит неожиданностью, но я любил его стихи. Башунов был для меня мастером, действительно талантливым поэтом – и неважно, к какой поэтической школе он принадлежал. Я уверен, что такие его стихи, как «Не пугайся, входи, это рожь», «Три дождя», «Пыль золотая», «Полдень», «Сон», «Зимний вечер», его стихи о Пушкине и многие, многие другие! - имеют полное право войти в золотой фонд русской поэзии. И это – дело времени.

* * *

И последнее. Через несколько месяцев после смерти Владимира Мефодьевича, я написал стихотворение его памяти. Для меня он всегда оставался, прежде всего, необычайным лириком, стихи которого не просто завораживают своей языковой чистотой и мелодикой, но и заставляют думать, размышлять, соглашаться или, наоборот, яростно спорить с автором…На том семинаре, в 1990-м году, когда мы во время перерыва стояли на ступеньках Дома писателя и курили, он произнес фразу, которую я почему-то запомнил:

- Я хочу вас всех, выбирающих путь поэта, кое от чего предостеречь…

Не помню, что его отвлекло, кто-то позвал, он сделал последнюю затяжку, и, извинившись, ушел внутрь. Я несколько раз потом вспоминал об этой его загадочной фразе: от чего он нас, юных, хотел тогда предостеречь? От того, что «Тёмен жребий русского поэта», и стихи «Нахлынут горлом и убьют»? От того, что, выбирая путь поэта, ты обрекаешь себя на вечное одиночество и непонимание даже со стороны родных и близких? От того, что, становясь рабом родного языка, ты обрекаешь себя на вечную муку невыразимого и невысказанного?

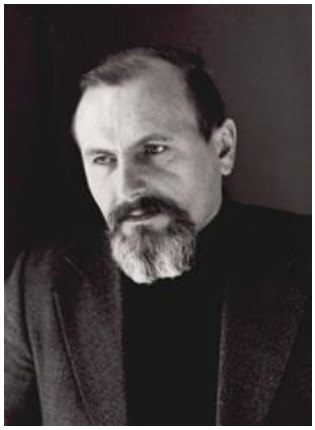
Так написалось это короткое стихотворение. Не скажу, что эти стихи – шедевр, но для меня они очень важны. Так мне увиделись последние минуты замечательного русского поэта, с которым нам посчастливилось жить в одно время:

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Памяти В. М. Башунова

Что он хотел нам сказать?
Что он шептал между строк?
Вспомнил жену или мать?
"Словно вода сквозь песок... -
шепчет, - ...не ведает дна..."
"Что ты нам хочешь сказать?!"
...Бьется в подушку волна,
Лета шумит - не слыхать...

2005



Башунов Владимир Мефодьевич (1946-2005 гг.)

Башунов Владимир Мефодьевич – поэт, член Союза писателей РФ (1977), лауреат премии Международного Демидовского фонда (1995), лауреат муниципальной премии в области литературы (1998) за поэтический сборник «Полынья», лауреат премии Алтайского края в области литературы, искусства и архитектуры в номинации «Литература» (2004) за поэтический сборник «Авось». Автор 23 книг (поэтические сборники, книги для детей, работы по краеведению и литературоведению).
Первое стихотворение опубликовано в областной газете «Звезда Алтая» (Горно-Алтайск).
В 1965 году опубликована поэма «Принцесса моей сказки» в газете «Молодёжь Алтая».
1965-1970 – годы учёбы в Барнаульском Государственном педагогическом институте.
В год окончания института в Алтайском книжном издательстве вышла первая книга стихов «Поляна» (1970).
1970-1975 – работа в ельцовской районной газете «Заря Востока» с годичным перерывом на службу в Советской Армии.
1975-1985 – годы работы в Алтайском книжном издательстве; в это же время учился на Высших литературных курсах в Москве.
1990-1994 годы – редактор газеты «Прямая речь».
В 1994-1997 годы – возглавлял журнал «Алтай».
Печатался в журналах и альманахах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Сибирские огни», «День поэзии», «Поэзия», «Алтай» и др.
Автор более десяти поэтических сборников и трёх книжек для детей, вышедших в издательствах Барнаула и Москвы.
Стихи публиковались в Венгрии, Болгарии, Чехословакии, переведены на украинский, алтайский и казахский языки.
Сборники стихов поэта: «Васильковая вода» (1975), «Живица» (1983), «Возвращение росы» (1986), «Звезда утренняя, звезда вечерняя» (1987), «Пейзаж» (1988), «Тайное свидание» (1991), «Полынья» (1998), «Авось» (2003), «Ау» (2004), «Третья стража» (2004). Книга о Пушкине: «Этюды о Пушкине» (1999).
Умер 21 февраля 2005 года.

ДЛЯ УМНЫХ

Вячеслав КОРНЕВ ►

▼ ВОЗРАСТ (статья для «Энциклопедии современной жизни»)

С возрастом связан один странный парадокс: он постоянно вменяется в вину, воспринимается как недостаток. Чисто физический фактор становится в глазах окружающих важной качественной характеристикой. Сегодня возраст – едва ли не первый элемент репрезентации при знакомстве, заполнении анкеты и т.п. Но как только ты предъявил свой возраст другому, начинаются трудности и проблемы. В детстве ты виноват потому, что юн и неопытен. Взрослого упрекают за то, что он слишком полагается на старый багаж и закрыт для новых влияний. Юность и молодость испытывают постоянную нехватку знаний, социального статуса, материального положения и т.п.… В зрелости возрастные ограничения выходят другим боком – например, лет в 40 уже не возьмут на определенную работу или переподготовку, а шансы получить социальные льготы как «молодой специалист» стремительно понижаются и т.п.

Собственно еще нескольких лет от роду ты можешь пролететь мимо целого ряда возможностей, навсегда закрывающихся на следующем возрастном этапе. Так, в спортивные секции, музыкальные школы, какие-то творческие лаборатории берут обычно в самом нежном возрасте. Этот безжалостный регламент в зрелости окончательно блокирует альтернативные жизненные перспективы. Пожилой возраст – вообще настоящий приговор. Окружающие начинаются смотреть на тебя с сочувствием, определение «пенсионер» становится не статусным, а сущностным. Человек попадает в тотальную изоляцию: формально – охраны и уважения к старости, а в действительности – плохо скрываемого презрения и отчуждения. По аналогии с сексизмом и расизмом, можно было бы назвать эту социальную блокаду «геронтизмом» - т.е. поражением субъекта в каких-то правах и возможностях в связи с его возрастом. У этой репрессивной психологии есть верхняя и нижняя планка – от ограничения дееспособности индивида по причине его молодости, до запрета, например, занимать какую-то должность по достижении «предельного» возраста.

Юмор в том, что нет никакой «золотой середины»: в детстве ты уже виновен, в старости ты собрал целый букет грехов, но ведь и в среднем возрасте, когда по идее человек может пользоваться всеми социальными правами, он тоже испытывает мощный прессинг со стороны окружающих. Даже сам этот взрослый и ответственный возраст – тоже педаль, на которую нажимают в удобный момент. Если ты «взрослый», ты обязан принимать взвешенные решения, не давать воли эмоциям, работать, платить налоги, заводить детей и т.п. Принуждение ребенка к учебе и домашним обязанностям, а старика – к телевизору, здоровому образу жизни вполне сравнимы. Между тем, банально будет сказать, что внутренний возраст никогда не совпадает с внешним, и когда ты лет в тридцать услышишь обращение в свой адрес: «мужчина», «гражданин», «дядя», это звучит почти шокирующе. И в сорок ты по-прежнему сам для себя «парень», и в пятьдесят не вполне взрослый…

Разные этапы жизненного пути проявляют свои собственные проблемы с попаданием в «реальный» паспортный возраст. В школьные годы я казался самому себе малолетним преступником: так серьезно ощущались малейшие неприятности с учебой, дисциплиной, всякие проступки и шалости. Я рос под гнетом неослабевающего чувства вины – его намеренно подпитывали самые разнообразные социальные инстанции. Интегральным для всех операционных систем по обработке неокрепшего мозга был императив «ты должен!» Возраст обязывал слушаться родителей, готовить уроки, смотреть «детские фильмы» (которые не по возрасту рано могли казаться наивными и глупыми), не высовываться со своим мнением…

Именно жесткий диктат взрослых правил жизни: что читать, что делать, как понимать то и это – стимулировал обычное детское желание побыстрее вырасти, самому стать взрослым. Правда, по достижении любого зачетного возраста обязанностей лишь прибавлялось: армия, работа, семья и т.п. И чем дальше, тем больше приходилось выслушивать упреки с девизом: «ты уже не мальчик!» Забавно, кстати, что еще пятилетнему ребенку с укоризной выговаривают: «ты ведь уже взрослый!», «ты такой большой», «теперь ты должен вести себя серьезней». Опять получается, что некий мифический возраст, когда можно еще быть ребенком или когда уже следует пользоваться всеми выгодами взрослого положения, мы пробегаем, не заметив.

С феноменологической точки зрения, возраст – это не «годовые кольца», не рубежи и даты, не набор психологических установок, не динамика интеллекта. Даже не конфликт между «внутренним ребенком» и внешним социальным образом. Возраст – это стойкое ощущение перманентной виновности, в том числе перед самим собой. На ранних жизненных этапах ты переносишь внутрь самооценки критерии окружающих – большой Другой контролирует тебя изнутри и

заставляет принять насильственно сконструированную структуру «Я» за единственно возможную. Трагически переживая несоответствие этого виртуального субъекта (со всеми его возрастными правами и обязанностями) своим настоящим запросам, молодой человек переживает фактически конфликт между двумя фальшивыми конструктами: между «Другим как Я» и «Другим как Другим». Настоящая трагедия здесь в том, что сами мерки, критерии, установки, с помощью которых осознается конфликт первого уровня («внутреннего» и «внешнего», «Я» и «Другого») тоже ложные, искусственные. Возраст-вина сознается, таким образом, как некая искренняя солидаризация с чужой точкой зрения, и тогда само сопротивление тотальной системе дискриминации субъекта по возрасту тоже воспринимается на фоне вины за непризнание своей виновности.

Используя название несуществующей книги из фильма Альфреда Хичкока «Завороженный» (Spellbound, 1945) «В лабиринтах комплекса вины», можно сказать, что возрастная психология – это переход с одного уровня вины на другой, блуждание в закоулках самооговоров и оправданий. В простейшем случае вина за «не тот возраст» переносится на другой объект: например, один знакомый (моих лет), играя в волейбол, очень любит дразнить и молодежь, и своих ровесников в команде соперников «возрастными игроками». Здесь налицо компенсационная функция юмора - человек осознает свой возраст как критический, но транслирует кризис на внешние объекты.

В другом случае человек просто заговаривает свой кризисный возраст, часто повторяя, что такой проблемы для него просто нет. Подобным образом старики любят поговорить о том, что не боятся смерти, но истинная свобода и бесстрашие состояли бы в том, что данная тема разговора не возникала бы вовсе.

А теперь самый интересный случай – мой собственный. Задумывая этот сюжет о возрасте, я хотел подвести рассуждения к элегантному в своей прямолинейности выводу: человек в действительности виновен за свой возраст. То есть на каком-то экзистенциальном уровне, в духе самокопаний Кьеркегора, каждый должен принять на себя вину за то, что дожил до таких-то лет. Известно, например, что по ряду объективных причин русскому поэту стыдно жить старше 37-ми. Живые по сей день рок-музыканты, продолжающие стричь купоны со своей давнишней популярности тоже с обывательской точки зрения как-то подзадержались со смертью (представить себе только к всеобщему ужасу пятидесятилетнего Виктора Цоя или Александра Башлачева!). Герой «Записок из подполья» Достоевского прямо называет такой возраст «пошлым», «неприличным»:

Мне теперь сорок лет, а ведь сорок лет - это вся жизнь; ведь это самая глубокая старость. Дальше сорока лет жить неприлично, пошло, безнравственно! Кто живет дольше сорока лет, - отвечайте искренно, честно? Я вам скажу, кто живет: дураки и негодяи живут. Я всем старцам это в глаза скажу, всем этим почтенным старцам, всем этим сребровласым и благоухающим старцам! Всему свету в глаза скажу! Я имею право так говорить, потому что сам до шестидесяти лет доживу. До семидесяти лет проживу! До восьмидесяти лет проживу!.. Постойте! Дайте дух перевести...[1]

И дело не в том, что по достижении такого «неприличного возраста» поэту или вообще человеку с нерастраченной совестью лучше застрелиться. Нет, вполне можно благополучно жить и далее, но при этом принимая на себя ответственность за каждый «лишний» год, наполненный очередными потерями, предательствами, трусливыми компромиссами… Каждый «сверхлимитный» год прибавляет тебе цинизма, малодушия, безверия… В этом смысле возраст действительно делает человека по-кьеркегоровски «бесконечно виновным», и настоящим актом морального мужества является признание вины целиком и полностью в качестве внутреннего, а не внешнего фактора.

Но характерно, что эта моя идея – сначала определить возраст через внешнее принуждение к вине и ответственности, а затем придать феномену вины черты внутренней закономерности – носила характер предустановки, (да вообще напоминала философский аттракцион, эффектную конструкцию двойного парадокса). А это значит, что имела место все та же дистанционная запрограммированность моего сознания некими социальными агентами. Проблема вины за текущий возраст – это и моя личная проблема, явный результат психологического вытеснения. Но, рассуждая здраво, я не нахожу все же резонов для присоединения к хору осуждающих голосов – и, тех, для кого я еще молод, и тех, для кого стар. В моих снах, в эмоциях, в реакциях на внешние раздражители, в ощущении своего тела, в метаниях души я совершенно не обременяюсь возрастом. Возраста нет.

---

[1] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 5. Л., 1973. С. 100-101.

Вячеслав КОРНЕВ ►

▼ ФОТОГРАФИЯ (статья для «Энциклопедии современной жизни»)

Мы живем в эпоху фотографического бума. Мои знакомые один за другим покупают (полу)профессиональные камеры, ночами обрабатывают снимки в Photoshop, выкладывают их в сеть и каждый час вновь открывают свою страничку, чтобы увидеть, как изменился за это время счетчик посещений, а главное – о счастье! – вдруг кто-то написал под снимком краткий комментарий и оценил работу высшим баллом. Кризис перепроизводства образов, характеризующий всю нашу эпоху, особенно сказался на мании фотографирования. Нынешнее поколение детей, которые скоро станут взрослыми, столкнется с не имеющей аналогов в истории ситуацией – практически каждый значимый момент жизни будет засвидетельствован в тысячах фотографий. Фундаментальная ностальгия по детству сменится, возможно, радостью освобождения от этой власти навязчивых образов – с дотошным протоколированием всех использованных за это время ночных горшков, полученных «двоек», зареванных физиономий.

При этом, в духе фильма Питера Уира «Шоу Трумана» («The Truman Show», 1998) в перспективе можно будет все более эффективно ретушировать, раскрашивать, симулировать подлинную жизнь. Человеческая память окажется рудиментом, потерявшим всякое значение в период цифровой памяти в миллионы терабайтов. Фантазия тоже должна атрофироваться, поскольку возможности графических редакторов нового поколения превзойдут ее самые смелые возможности. Исправленный и улучшенный цифровой двойник займет место реального субъекта – как уже отчасти происходит в сетевом общении, где любой пользователь всегда может окутаться защитным полем виртуальной личности, с выдуманной биографией, интересами, а главное – искусственным образом-аватаром.

Перепроизводство образов выражается еще и в незаметных сдвигах в психологии восприятия. Еще недавно разглядывание семейных альбомов было вполне уместным развлечением для гостей. Собранные всего лишь в пару альбомов, снимки нескольких поколений родственников давали зримый контраст эпох, интриговали деталями старой повседневности, и вообще обладали какой-то харизмой: вырезанные фигурными ножницами, пожелтевшие и немного помятые, пахнущие клеем и стариной, они обладали метой подлинности, включали воображение, любопытство…

Но теперь нет более утомительного занятия, чем просмотр чужих фотографий. Причем, страдающий фотоманией знакомый почти насильно усаживает тебя за монитор (в уголке которого ты с ужасом видишь счетчик общего количества снимков) и ревниво смотрит, чтобы ты не слишком быстро их переключал, ловит малейшие следы интереса, жаждет комментариев и похвалы. Проблема, однако, в том, что чрезмерное количество снимков и множество незнакомых лиц на них лишают каждую отдельную фотографию оригинальности и ценности. Да тут еще и эта любительская тенденция – накапливание множества почти одинаковых снимков, жалость к откровенному шлаку.

Я помню совсем другие ощущения от фотографий и фотографирования. Моей первой камерой была «Смена-8М» – наверное, самый примитивный аналоговый аппарат. Вся прелесть заключалась в ручной работе с пленкой и снимками. Сначала ты забираешься в шкаф или заматываешь руки одеялом, заряжая пленку в фотоаппарат. Затем, экономя каждый кадр, подглядывая в экспонометр или ориентируясь наудачу и опыт, устанавливаешь выдержку, диафрагму, и запечатлеваешь какие-то особо важные вещи и моменты. Но волшебство начинается потом. Ручная проявка и сушка пленки – это настоящая лотерея. Плохо зарядил пленку в бачок, передержал ее в проявителе, чуть засветил – пиши: пропало – самые долгожданные кадры пропадают навсегда, идут в брак. Другие кадры, о которых ты и не думал, выходят гениально, трудно дождаться в такие моменты, когда высохнет и станет пригодным к дальнейшей работе рулон пленки. Наконец, венец всех таинств – печать фотографий в ванной комнате с красным фонарем, резко пахнущими химическими реактивами, барахлящим увеличителем марки «УПА»…

Непосвященным не понять этой магии, алхимии, мистики, когда после вспышки света лицо на снимке постепенно проявляется, выплывает из какой-то иной реальности. Или вдруг фотография темнеет, засвечивается, желтеет, идет радужными разводами от смешения реагентов или плохой промывки, намертво

присыхает к глянцевателю… Меня, кстати, иногда чуть-чуть било током во время печатания снимков: руки мокрые, проводка с выключателем у этого увеличителя ненадежная. Но зато в каждом вручную сделанном снимке была душа. Аналоговые черно-белые изображения вообще обладают особенной аурой – лучше ловят характер портретируемого, резче передают драматургию контрастов, чувствительней к свету…

По сравнению с такой кропотливой и творческой работой с аналоговой фотографией, цифровая техника кажется бездушной. Отщелкать на автомате серию снимков, «отфотошопить» для просмотра на мониторе или отдать в мастерскую для печати – это почти механические процедуры. Но тут-то и скрывается искушение банального ретроградного сетования на новые технологии и вещи. Первые в истории фотографии тоже казались мертворожденным искусством. Одушевленная живопись и эксгумированная реальность фотографии – соотносились как истина и ложь, искусство и подделка. Когда, несмотря на эту инерцию мышления, фотография все же превратилась в искусство, та же самая проблема возникала в другой редакции: с появлением техники ретуширования фотографий, цветной печати, цифрового изображения.

Впрочем, даже живую, одушевленную, живопись тоже периодически сотрясали кризисы технологий: появление новых способов обработки холста, химических соединений и красок ставили вопрос об исчезновении «настоящего», «естественного», «классического» искусства и замене его суррогатным. Импрессионизм воспринимался как настоящее кощунство, кубизм и супрематизм – как анти-искусство.

Проблема, стало быть, не в каких-то негуманных технологиях. Просто здесь, как и в других сферах, работает мифология атмосферности и подлинности старого, а как оборотная сторона медали – сомнительности и вырожденности нового. Между тем, любое произведение человеческой культуры (начиная с орудий труда Каменного века) – это по определению результат применения технологий. Промышленные революции, как например, появление первых мануфактур и конвейерного производства, всегда порождают реакционную ностальгию по утраченному прошлому миру и опыту. В художественном творчестве эта ностальгия выражается наиболее ярко.

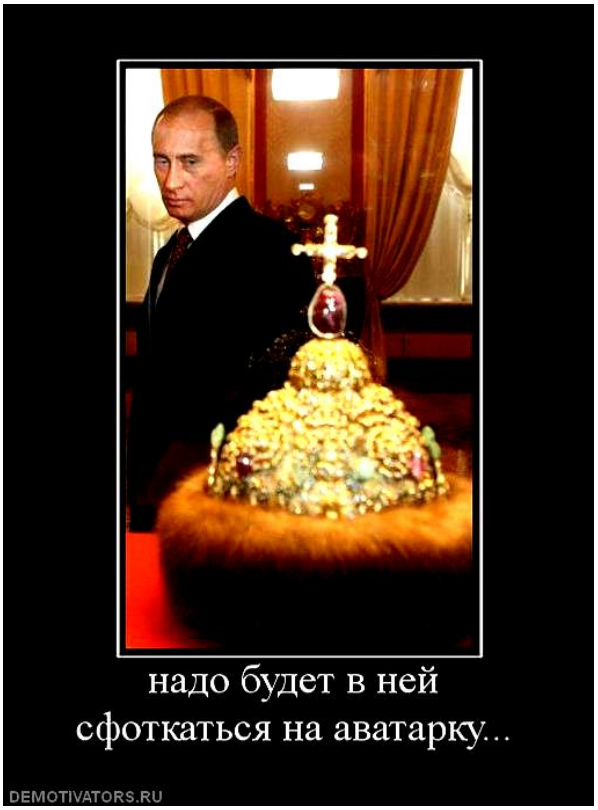
На деле же творческое взаимодействие с любой технологией просто меняет акценты и актуализирует какую-то другую фазу ручной работы. Так современная фотография требует тщательного и вполне творческого труда уже не с химическими реактивами, а с графическими редакторами. Пожалуй, это даже куда более сложная задача. Работа со слоями фотографии, возможность постановки света и акцентов прямо в готовом кадре, уникальные эффекты и инструменты современных фоторедакторов дают автору невиданный никогда ранее контроль над частицей реальности. Теперь каждый снимок можно создавать как отдельный мир, теперь ничто не стесняет фантазию художника (разумеется, если она есть). Мысливший себе эволюцию искусств как неуклонное распредмечивание и раскрепощение от стесняющей свободу творчества материи, Гегель наверняка одобрил бы цифровую фотографию. Он нашел бы в этой технологии почти абсолютную свободу самовыражения. Другое дело – как употреблять эту свободу. На один красивый и оригинальный снимок приходится тысяча бездарных. Впрочем, такая пропорция соединяла в одной формуле талант и посредственность и в прошлые эпохи.

Показатель стремительного развития фотографии как искусства – тот факт, что от нее все больше отстает теория: эстетика или философия фотографии. Например, прекрасная книга Ролана Барта «Camera lucida» (1979) грешит многими неточностями, если брать в расчет именно современную цифровую фотографию. Уже первое определение фотографии как искусства случайного и единичного[3] кажется устаревшим. Обычная уже серийная съемка дает множество практически ничем не отличимых копий вместо той уникальной единичности, о которой говорит Барт. Случай вообще может быть совершенно устранен из процесса съемки и обработки фотографии в графическом редакторе. Любой незапланированный объект (как, например, прохожие или машина, портящие намеренно лишенный следов цивилизации пейзаж) легко устраняется с помощью Photoshop, и художник получает возможность полностью контролировать пространство изображения. Устаревшим можно считать и другой вывод Барта – касающийся особенно целостной природы фотографии, возможности получать в ней нерасторжимое единство референта и значения, реальности и отражения.[4] Методика обработки цифровой фотографии легко расслаивает этот воображаемый континуум на отдельные слои,

---

[3] Барт Р. Camera lucida (Комментарий к фотографии). М., 1997. С. 11.
[4] Там же. С. 12-15.

произвольно меняет отношения между ними, переставляет символические маркеры и т.п.



Лучше обстоит дело с функциями фотографии, которые выделяет Барт (информировать, вызывать ностальгию, означивать, заставать врасплох, живописать), но и здесь любопытней было бы указать именно на психологические пружины, вызывающие потребность в фотографировании. Например, я полагаю, что для женщин портфолио от профессионального фотографа – это вообще важнейший инструмент конструирования собственной личности. Это средство создания своего идеального образа, имаго, двойника, с помощью которого женщина утверждается в собственных и чужих глазах. Время, когда женщина начинает считать себя слишком старой для фотографий – символическая смерть, психологический климакс. Поэтому так важно накопить и классифицировать удачные снимки в самый продуктивный (молодой и зрелый) период жизни, когда создается та универсальная виртуальная проекция женщины, что предъявляется затем в качестве символического паспорта. Для мужчины же фотографировать означает овладевать не только образом, но и объектом. В фильме «Фотоувеличение» есть эмблематичная сцена, когда фотограф Томас символически насилует модель в процессе съемки. Томас буквально забирается на нее, поворачивает ее с боку на бок, а затем бросает на полу, опустошив несколько кассет с пленкой.

Итак, фотография интересна своей двойственностью. Она примиряет случайное (в объекте съемки) и закономерное (в ракурсе, манере съемки и последующей обработке снимка), природное и искусственное, движущееся и покоящееся, свет и тьму… Мало того: фотография идеально воссоздает модель женского и мужского взгляда на мир. Мужчины чаще всего любят держать камеру в руках, а женщины с охотой располагаются перед объективами. Диалектика вуайеризма и эксгибиционизма, активного и пассивного самовыражения находит в процессе фотографирования самое прямое применение. Позирование и поиск позы или ракурса – это ли не простейшие сексуальные действия (получающие в данном случае характер очевидной сублимации)? Но психологические объяснения феномена повального интереса к фотографии недостаточны. Ведь это еще и средство познания, инструмент освоения и классификации мира. Фотография «кадрирует» наше восприятие, создает особую форму сознания. Реальность естественных воспоминаний подменяется исправленными и отобранными цифровыми снимками, хотя это мало чем отличается от избирательного и компенсирующего действия механизма памяти. Другое дело, что «фотографическое восприятие» и «цифровая память» в большей степени контролируются умом, чем бессознательными процессами. Потому искусство фотографии – искусство рациональное, мозговое.

Иван КУДРЯШОВ ►

▼ ДЕНЬГИ (статья для «Энциклопедии современной жизни»)

Любая мысль, касающаяся денег, натыкается на одно ключевое несоответствие, которое в силу своей обыденности, давно перестало кого-либо удивлять. Это несоответствие заключается в том, что (теоретически) деньги – это инструмент, реализующий частную экономическую функцию (деньги как самый ликвидный товар и эквивалент обмена), но при этом их значимость распространяется на едва ли не все сферы жизни. Иными словами, вопрос в том, почему деньги как заменитель других вещей становятся заменителем всего и более того самой значительной вещью?

В ответ на это издавна существуют два традиционных (псевдо)решения. Первое состоит в том, что деньги – лишь инструмент, а их интервенция в другие сферы (например, в личные отношения) незаконна и совершается людьми по неразумию. Отсюда логично вытекает тезис «деньги – зло» и последующее моралистическое ограничение (которое никогда не действует). Вопрос о том, что же такое деньги, если им удается подобная интервенция, здесь не ставится принципиально, т.к. суть этого подхода в оценке и осуждении. Второе решение заключается в прямо противоположном ходе: если деньгам легко удается встраиваться и решать самые разные вопросы – значит, они объективное мерило людей и мира. В таком подходе унылая прагматика денег принимается за саму суть, и лишь остается подогнать к ней человека, приписав его природе «поиск наживы» как базовое устремление. Итог подобного утилитаризма – упрощение человека до потребностей, в свете чего совершенно неясно, почему нам все это представляется противоречием.

Перед всяким интеллектуалом данный вопрос встает и не столько теоретически, сколько практически – в собственной жизни. Первый вариант решения превращает его в идеалистического интеллигента-чистоплюя, второй – на выходе дает циничного редукциониста с социал-дарвинистскими замашками. Очевидно, что оба решения неверны, и в то же время несут какую часть истины. Здесь следует обратиться к несоответствию и признать, что само противоречие и есть истина, но истина двусмысленная (если позволено будет такое словосочетание), т.к. это не истина денег, а истина нас самих.

В некотором смысле эту мысль уже высказал Гегель в «Феноменологии духа», а именно в спекулятивном суждении «Богатство это самость». На первый взгляд здесь явно парадоксальное заявление: как могут обычные бумажки быть воплощением того, что я есть (ведь с подобным суждением не согласятся даже самые радикальные проповедники богатства)? Мы попытаемся прояснить этот вопрос, не прибегая к пересказу гегелевского анализа.

Деньги – это средство обмена, они участвуют во взаимодействии конкретных людей, т.е. являются медиатором (посредником) связи двух частных сознаний (с их мотивами, целями и значениями). Обмен не бывает без цели, а значит, за ним всегда стоит нечто, что требует выражения. Мой первоначальный тезис таков: деньги – это мера смысла. Мерой смысла они являются не в том смысле, что «смысл в деньгах», а в том, что любая заинтересованность зиждется на некоем смысле. Именно смысл как конкретное значение, как связующая структура, как ответ на вопрос – на мой взгляд, является универсальным мотиватором сознательного взаимодействия (в то время как для бессознательного включения в коммуникацию могут быть и другие – например, удовольствие, привычка и т.д.). Деньги, а точнее, их количество есть мера смысла для того, кто вступает в коммуникацию, причем, мы всегда имеем дело с мерой других. Здесь важно заметить, что весь этот процесс социален, а значит, проходит под знаком других. Деньги – это мерило, которое обладает необходимой универсальностью в обществе, в то время как в рамках более узких групп мерилом смысла и признания могут выступать и другие вещи (статусы, наградные знаки, грамоты, иные формы отношения или обращения и т.п.). В обществе, в языке человек не обладает самим собой, своей самостью – ему необходимо присваивать ее из отчужденных форм. Следуя мысли Гегеля, следует признать, что ничего не существует (действительно) без опосредования. Реальность самости субъекта становится действительной только в опосредованной социальной средой форме – в материальных денежных знаках. Важно понять: сами деньги, их количество никакого субъекта напрямую не выражают, они выражают место субъекта в социальных отношениях господства (поскольку всякое социальное отношение есть отношение частных сознаний оно также и отношение власти). Деньги таким образом – это не только мера смысла, но и мера участия в актуальной жизни общества. Отношение к деньгам вполне четко иллюстрирует понимание (адекватности и экологичности такого понимания) человеком себя самого и своего места в мире.

Именно с этим связаны все проблемы несоответствия человека своим деньгам. Так, к примеру, издавна известно, что выигрыш в лотерею или другая совершенно нечаянная прибыль редко приводит человека к хорошим последствиям – в лучшем случае он вскоре становится еще беднее. Обратная ситуация, когда развитый талантливый человек лишен денег, также плачевна, ибо ведет к деградации самости этого субъекта (пусть даже и с сохранением таланта). Я согласен с тезисом Д`Анкония (герой романа Айн Рэнд) о том, что только производящие и добровольно обменивающиеся (в широком смысле этих слов) люди наполняют деньги

смыслом и напротив, те, кто их отбирает или получает задарма обесценивают саму суть денег. Однако я не разделяю либертарианских выводов самой Рэнд, потому как смысл нельзя свести к собственности. Ведь под производящими я мыслю не только тех, кто производит экономически выгодный продукт, но тех, кто занят созданием смыслов. По большому счету, жизнь устроена так, что в ней почти невозможно обходиться без денег, более того – для собственного развития и продвижения своих идей они необходимы и порой в немалых количествах. Активное, самореализующееся сознание заинтересовано в обладании деньгами, но помимо этого, сама заинтересованность в деньгах – один из истоков подлинной активности сознания. Подлинного в том смысле, что оно трезво учитывает условия, в которых находится, и, исходя из них, действует. И что бы там ни выдумывали популярные авторы, обучающие тому как притягивать к себе деньги, но, в конечном счете, есть лишь одна причина расставаться с деньгами свободно – это желание. Понимать желания других, использовать это понимание – это весомая составляющая бытия самим собой, причем, сразу же оговоримся, что такое понимание всегда частично.

Цель подобного взгляда не в раскрытии некоего тайного величия денег, но, напротив, в глубинной проблематичности бытия субъектом. Деньги воплощают нашу самость, но никакой четкой эквивалентности тут нет и не может быть, потому что всегда возможны манипуляции с деньгами и отношениями. И все же уровень нашего богатства довольно точно характеризует истинность нашей самости, т.е. своего рода способности «пробить себе дорогу» (Гегель именно так характеризует истину в социуме: то, что завоевывает себе место в Борьбе, а то, что не способно завоевать себе место – по определению неистинно). Важно только помнить, что весь это процесс происходит на фоне других: именно признание других – основная цель наших желаний, но потому и ответное признание всегда приходит в «искаженной» форме. На деле же, нет никакого искажения, т.к. формула субъекта заключается в том, что я за объект в глазах другого. И потому мы никогда не довольны тем, сколько денег имеем мы, и сколько другие, ведь неспособность принять себя, видеть то, что ты есть для других (а значит, на деле) – это константа нашей психической организации.

Американская традиция «делать деньги» ошибается лишь в одном, но ключевом пункте: они считают, что субъект посредством денег – через других и мир воздействует на себя, свою самость (то, что получило название self made man). Но проблема как раз в том, что это другие делают нашу самость через деньги, а мы лишь можем что-то понимать (по объективациям – т.е. наличию у нас денег) о ходе этого процесса. Никакой свободы, тем более свободы моей индивидуальности от других деньги не дают и не могут дать – просто потому, что они насквозь социальны (а значит, отчуждающи).

Деньги не могут заменить или дать вам то, что вы не способны позволить себе. Деньги, в конечном счете, очень точное выражение человеческой психологии – она тоже строится на обмене и выгоде, с той лишь поправкой, что мы сами не знаем, чего хотим. Поэтому деньги занимают существенное место в бессознательном каждого человека: все это отчетливо проявляется в форме примет, в трактовках сонников, в оговорках. Я уж не говорю, с какой интимностью связаны у большинства вопросы достатка, личных накоплений, зарплаты и т.д. И всякая попытка упростить вопрос о деньгах – это попытка упростить вопрос с самим собой и своим желанием. Найти быстрое решение – значит, закрыть травму в надежде на то, что с разрывом в себе можно договориться. Но что-то пока я не слышал о людях, действительно осчастливленных деньгами. Чтобы получить удовлетворение от объекта-причины желания, игнорируя случайные объекты желания нужно быть фетишистом, т.е. быть перверсом, а не обычным невротиком. А нормальным людям нужны не деньги, а признание, их ускользающая самость.

Если осмыслить популярный сегодня пошлый тезис о том, что деньги – это путь к мечте, то надо признать, что в нем есть доля истины. Именно мечты делают субъекта, а деньги позволяют увидеть «куда ведут мечты».

Иван КУДРЯШОВ ►

▼ ПЛАКАТ (статья для «Энциклопедии современной жизни»)

Не так давно, буквально несколько лет назад (в начале нулевых), многие могли быть свидетелями внезапно возникшей моды на плакаты, особенно старые советские и российские дореволюционные, причем как агитационные, так и рекламные.

Интересно и то, что это событие стало само по себе заметным, только потому, что мы немного отвыкли от плакатов. Предыдущее десятилетие (90-е) так стремительно приучало нас к постерам и рекламным картинкам, что неминуемо возник разрыв, заметный даже в речи. Сегодня реже говорят «плакат», потому что перешли на англо-американский вариант «постер», хотя и немецкий вариант (плакат) и французский (афиша) все еще значимы для других. Для людей старшего возраста плакат – это социальный призыв или информационное сообщение, для молодежи – это постер со звездой или реклама. И не редко в наши дни искусствоведы прямо противопоставляют (конечно, скорее эмоционально, чем теоретически) советский плакат современному бездарному постеру.

В этой статье я хочу не столько поговорить об истории или эстетике плаката, сколько сделать акцент на самой форме плаката. Плакат – это всегда мощный союз слова и образа, призванный донести до нас сообщение, призыв. Именно сегодня, когда так много разговоров о визуальности культуры, о глобальных и социальных проблемах, о коммуникации, я считаю нужно вспомнить о плакате в его социальном измерении. В нашем обществе есть еще одно немодное слово – «агитация», которое все чаще заменяют на довольно амбивалентное словосочетание «социальная реклама». Хотя любое чувствительное к языку ухо вполне способно увидеть разницу: когда речь идет об актуальных проблемах общества, призыв или еще точнее побуждение («агитация» с лат. «приводить в движение», «подстрекать») звучит куда уважительнее рекламы (происходящей от слова «выкрикивать»), которую коннотации давно спаяли с навязыванием и обманом. По сути нельзя не заметить, что социальная агитация и социальная реклама совершенно по разному представляют себе субъекта – того, к кому можно обратить сообщение. Если в первом случае – это способный на действие социализованный человек (которому нужно указать место приложения сил), то во втором – ленивый социальный аутист (которого нужно еще убедить в том, что это его касается, как-то увлечь).

Здесь нельзя не вспомнить, как часто среди молодежи звучит скептическое мнение об агитплакатах, особенно советской эпохи – они им кажутся наивными и недейственными. Как возможно такое мнение в стране, где плакаты поднимали на дело миллионы? Однако здесь мы имеем дело с банальной проекцией – именно это поколение нечувствительно к призывам. Советское же общество высоко ценило плакат, его силу. В журнале «Юный художник» 1983 года этой теме была посвящена статья, ставшая классической – «К тебе обращается плакат», в ней раскрывается значимость и ответственность художника-плакатиста. Общество было заинтересовано в качественных работах, мотивирующих людей – это был один из способов поддерживать участие народа в делах страны и общества (хотя они редко что-то решали). Но расхождение реальности и декларируемых принципов советского общества – нисколько не говорит о бесполезности или наивности агитплаката. В духе Алена Бадью мы должны увидеть в этом следующее: необходимость «повторения» этого опыта, как повторения той истины события, которая не была реализована тогда.

Почему же сегодня мы считаем плакат чем-то наивным, отжившим, уже неспособным цеплять наше восприятие? Вспомним, что плакат никуда не исчез из нашей повседневности, мы только лишь перестали его замечать. В наши дни плакаты встречаются в двух сферах. Во-первых, это коммерческая сфера, т.е. рекламные плакаты, афиши, продажа тематических постеров и репродукций картин. А во-вторых, это информационные и учебные плакаты. Так до сих пор, несмотря на все попытки модернизировать образование – наглядные схемы и карты преобладают в школах, на курсах и кружках, конференциях и т.д.

Но помимо этого плакат был заново открыт в той самой сфере, что стала главным конкурентом полиграфии и печатного слова – в компьютерной среде. Сперва он возник в виде обоев рабочего стола (wallpapers), которые из простой графики или привлекательных фотографий эволюционировали в разного рода словесно-графические послания. И хотя wallpapers остается иллюстративным жанром, некоторые авторские обои выполнены в стилистике

плаката или открытки. А позже в Интернете возникла целая тенденция (или даже мода) на создание ярких и действенных «плакатов», получивших название «демотиваторы» (или просто «демы»). Демотиваторы в отличие от компьютерной графики изначально ориентированы на простое, прямое и читаемое сообщение. Фактически, это тот случай, когда legendum (подпись к фотографии или картине) целиком составляет послание визуального образа. Вопреки расхожей банальности, что подпись под изображением несет служебную, поясняющую функцию, нужно сказать, что без текста и рамки эти изображения мы бы просто не понимали, и зачастую вряд ли считали хоть сколько-нибудь примечательными. Иными словами, плакат, в т.ч. демотиватор, по своей структуре есть нечто совершенно противоположное комиксу или клипу. Как это ни парадоксально, но именно плакат представляет собой своеобразное «поле сопротивления» тотальной визуальности (ее идеологической самоочевидности). Ведь еще Барт в своих «Мифологиях» дает четкий анализ образа как способа подспудно протащить идеологическое сообщение в некритическом восприятии.

Чтобы понять, как сегодня возможны такие явления, обратимся к истории возникновения демотиваторов, она довольно примечательна. Демотивационные постеры возникли как реакция (гротескная или пародийная) на мотиваторы – род наглядной агитации, призванный создавать рабочее настроение в офисах и учебных учреждениях. Наибольшую популярность мотиваторы получили в США и Японии в связи с широким распространением корпоративной этики и принципов эффективного менеджмента[5]. Что иронично: идейным истоком мотиваторов стали агитплакаты периода холодной войны – как советские, так и американские (периода политики государства благоденствия 40-50х гг.). Следует отметить, что именно советская социальная реклама была позитивно ориентирована, т.е. привлекала внимание больше к ценностям общества, чем к его проблемам. В качестве последних можно вспомнить только антиалкогольные и плакаты по охране труда, а также актуальные в начале советской власти призывы помощи голодающим. Для примера: российская социальная реклама едва ли не целиком проблемная (насилие в семье, алкоголизм, наркомания, курения, аборты, чрезвычайные ситуации, терроризм, СПИД, налоги, расизм и т.д. и т.п.). Американский плакат 40-50х также «не знал» проблем, кроме «красной угрозы», и стал классикой наивного идеологического позитива. В современном же мире в ответ на навязываемый корпоративный «позитивчик» в Интернете вскоре возникли плакаты, сделанные в том же формате, но призванные расхолаживать, вызывать тревогу, агрессию и даже отчаяние[6].

Демы очень быстро стали популярны, и их тематика стремительно расширяется. Дем стал событием сетевой культуры, своего рода медиа-вирусом, интернет-мемом[7]. По своей структуре дем очень прост – это изображение в рамке (обычно черной) и комментарий в виде надписи-слогана, составленные по определенному формату. Формат демотиватора предполагает основной лозунг (крупным шрифтом) и фразу, поясняющую идею более подробно (более мелким шрифтом). Как и другие плакаты (агитационные, политические, рекламные) демотивационный постер часто использует комический эффект.

Идея демотиватора – это в чистом виде принципы плаката: простота, доступность, выразительность (как главным образом возможность восприятия «на ходу»). Поэтому большинство демов довольно просто устроены: либо на контрасте картинки и подписи, либо делая акцент на неочевидном выводе из картинки. Очень скоро Интернет-демотиваторы стали интертекстуальными и в основном развлекательными, все более выхолащивая свое содержание. В конечном

[5] Любопытно, что одним из фундаментальных принципов современной концепции эффективного менеджмента стал советский лозунг «Кадры решают все».

[6] Крупнейшая на сегодня компания, производящая демотиваторы и другие товары, высмеивающие мотивационную идеологическую обработку, обычную в корпоративной среде, так и называется - Despair, Inc, т.е. «отчаяние».

[7] Интернет-мем – фрагмент информации или фраза (часто бессмысленная), спонтанно распространяющаяся и становящаяся популярной в интернет-среде посредством тиражирования в Интернете всеми возможными способами (по электронной почте, в блогах и форумах, личных страницах и анкетах и др.

счете, дем стал способом привлечь внимание к себе, а не к сообщению. Поэтому огромное количество новых демов нельзя считать плакатом.

В целом же возвращение плаката неудивительно: будучи одной из первых форм массовой культуры, плакат стал частью ее основного кода. Если можно так выразиться в самой ДНК массовой культуры есть что-то плакатное: по этой читаемости и аффективной недвусмысленности мы легко отличаем масскульт от всего прочего. К тому же идеология активно создает людей, все более склонных к самым простым формам восприятия. Но по сути своей, если вычесть развлекательную составляющую, большинство демов – это рудиментарный способ обмена идеями. Нельзя не признать, что большая часть Интернет-пользователей неспособны к обсуждению личного опыта и актуальных идей (о политике, отношениях, жизни) в форме дискуссии или даже развернутых фраз. Демы позволили многим высказаться и быть услышаны на том уровне восприятия, который все более становится средним, общераспространенным.

Но не будем забывать и о печатных плакатах, у них тоже в наши дни есть своя роль, которая все более четко оформляется. Не только для молодежи постеры являются неотъемлемой частью их повседнева – на работе и дома. Многие люди тщательно оформляют свои рабочие места или личные комнаты визуальными образами – плакат здесь больше чем элемент интерьера, это существенная компонента имиджа. Более того, следуя идеям психоанализа, важно понимать определенный диалектический момент в этом процессе: если имидж – это то, что мы сами конструируем (по образу нашего идеального Я), то самоидентификация – это реконструкция тех процессов, которые уже меня конструируют. Это можно заметить на банальном наблюдении. Любой человек в той или иной мере проецирует свою идентификацию на окружающий его быт, но еще более значимо обратное – для утверждения самоидентификации (т.е. чтобы человек сам понимал, кто он такой) необходимо ее овеществление. И вот тут как раз и оказываются значимы плакаты, будь то постер с любимой группой, будь то примечательная афиша или реклама, будь то карта или учебный плакат. Разберемся поподробнее.

Не секрет, что мы оцениваем других через призму того, что они любят. Поэтому постер, подтверждающий твое увлечение, по функции тождественен репродукции известного шедевра – в первую очередь она представитель моего вкуса, и лишь потом способ потребления высокой культуры. Учебные плакаты довольно точно демонстрируют интересы человека, его увлечения, мечты. У многих в детстве в комнате висела карта звездного неба, анатомическая карта, плакат со спряжениями английских глаголов или химическими формулами – и всегда за этим стояло желание, мечта. Афиши также носят памятный характер, при этом часто расцениваются как раритеты, ведь афишу нужно еще добыть (как трофей). Многие вешают и яркие рекламные плакаты. Однако помимо овеществления желания, тут проявляется и другая мотивация – неуютность голых стен.

Здесь мы возвращаемся к вопросу: почему людям так важно оформить свое пространство? Конечно, не только ради имиджа. Стремление ассимилировать, окультурить условия «под себя» - одна из базовых селф-потребностей. Наиболее рельефно она проявляется в отчуждающих, травматических условиях, например, большое значение плакаты (наряду с другими способами оформления) приобретают в тюрьме и в армии, особенно на войне. Так в 30-40х годах XX века возник даже особый художественный стиль благодаря потребности американских военных в постерах и календарях с девушками – это так называемый стиль «pin-up» (от англ. to pin up – прикалывать булавкой, кнопкой). Надо заметить, что развешивание девушек в казармах, в кабинах самолетов и бронетехнике (как и изображение на фюзеляже) вовсе не имеет под собой прямого назначения – любование или возбуждение. В первую очередь – это освоение, попытка сделать более привычными, «домашними»

обезличенные и травматичные условия. В критических ситуациях плакатный образ с девушкой – вовсе не попытка «воззвать к Эросу», у нее другой смысл: этот образ интер-пассивен, он позволяет не думать, он как бы материализует то, о чем положено (в этой ситуации) думать. Этот образ мечтает «за меня» - о доме, о женщине, о мирной жизни. Для сравнения: известно, что советские воины тоже наклеивали плакаты – на танки, шедшие в атаку, но это были не девушки, а агитплакаты «За Родину!»[8]. Если изучить сюжеты картинок в стиле пин-ап, легко заметить, что это либо обыгрывание военных элементов (армейской формы, боевой техники), либо комичные образы девушек, пытающихся справиться с мужской работой (починка машины, текущего крана и т.д.). Сами девушки были рисованные (с реальных моделей, часто известных киноактрис) в довольно пристойных позах, потому можно сказать, что такие плакаты вряд ли должны были по-настоящему возбуждать[9]. О том, что в этих плакатах сексуальность не играла значимой роли (и даже вытеснялась) говорит и сама история этого стиля. После войны он скоро сошел на нет (хотя оставил свой след в рекламе и кино), но в середине 50х произошло краткое «возрождение» пин-апа, причем в новом, теперь уже откровенно порнографическом обличии.

По сути нельзя понять функцию плаката, если мы не увидим, что для обычного человека «голая стена» - это не просто скучно, но и в каком-то смысле страшно. Плакат – защита от пустоты «голых стен», принимаемая нами за естественное оформление. Обои, к примеру, не могут дать такого эффекта – они либо слишком пестры и навязчивы, либо незаметны и значит пусты. В плакате, как и в картине, едва ли не центральную роль играет рамка – она показывает на что смотреть (а зрение так и устроено, чтобы видеть – нужно знать, на что ты смотришь). Конечно, голые стены стали особой проблемой в последние несколько сот лет, т.е. это в первую очередь проблема для буржуазного сознания. Эту мысль очень хорошо выражает главный герой романа Тургрима Эггена «Декоратор»:

«Если пустая квартира некрасива, то декоратор тут бессилен. Но даже идеальная квартира никогда не бывает так хороша, как на стадии голых стен. <…> Как вышло, что мы забыли эту аксиому? Объясню. Лет двести тому назад люди усомнились в существовании Бога и души. Тогда-то и забродило это поветрие — забивать хламом каждый свободный миллиметр, чтоб не мозолила глаза своей недоделанностью, не напоминала о душе, о суете нашей пустота. Будь она неладна. Чуть заголится угол, глаза уже видят вертикаль «рай—ад», а нам крайности ни к чему. Взгляните на интерьеры девятнадцатого века, хотя бы в музее Ибсена, это же овеществленный страх. Horror vacui. Тридцать сантиметров пустого места на стене? Ужас, ужас и еще раз ужас».

Плакат в этом смысле идеально подходит, т.к. он «говорит». И мы можем вслед за Лаканом констатировать, что травматичность пустоты, голых стен в том, что они молчат. Бесконечное скольжение речи, структурная невозможность окончания дискурса – это и есть человеческая форма защиты от бессмысленности Реального. Плакат в такой перспективе весьма интересная конструкция: с одной стороны - текстуальная, но с другой стороны – вербальная. Плакат – это ничто иное, как один из способов передачи речи – ее аффективной, интонационной нагруженности. Именно поэтому плакат «обращается» к тебе, он имеет свою речь.

Таким образом, плакат интересен как свидетельство истории (кстати, этимология слова латинская, placatum – «свидетельство»), его можно и нужно изучать – как его ранние формы, так и современные. На плакатах как нигде чувствуется дух времени и специфика менталитета. Плакат – вещь прямолинейная, акцентированная, в ней есть что-то от аффекта, и потому порой проговариваются неосознанные истины

[8] Здесь, конечно, и другой мотив – плакат как своего рода «иконка», оберег.

[9] Впрочем официальное обоснование для поставки таких картинок в армию было следующим: не допустить случаев гомосексуализма среди мужчин надолго лишенных женщин.

господствующего дискурса. Однако парадокс современного общества в том, что все чаще коммуникация с другими только и возможна в форме плаката. Мы живем в ситуации перегруженности информацией и жесткого цейтнота и потому, чтобы быть услышанным и понятым, необходимо плакатное сообщение – броское, простое, читаемое «на ходу». А если учесть, что визуальность играет все большую роль, то, похоже, в ряде случаев мы просто обречены на общение и мышление «картинками». Интернет и массмедиа полны таких примеров. В то же время хочется надеяться, что демы и тому подобные примеры «плакатного мышления» все-таки станут для кого-то отправной точкой к более серьезному размышлению, а еще лучше к поступкам.

Впрочем, здесь возникает еще одна проблема, к которой мы хотели подвести, рассуждая об идентификационной роли плаката. Дело в том, что если изначально плакат был визуальной формой манифестации, то в наше время он скорее – подтверждение имиджа, средство самоманифестации. С плакатом произошло своеобразное оптическое оборачивание: из послания мне он стал посланием от меня другим, из объекта «напротив меня», репрезентирующего нечто для меня, он стал объектом, выставленным мною «перед собой» – предъявляющим меня другим. Речь идет не о банальности – дескать, плакаты мне интересны настолько, насколько выражают меня. Суть в том, что сама оптика взгляда поменялась и теперь обычный субъект не обращает внимания на содержание плаката, также как не обращает взгляд на собственный нос. За таким переворачиванием последует определенная невосприимчивость к самим сообщениям, или, говоря просто, мы будем видеть именно плакат (как объект, даже своего рода фетиш, которым можно украсить себя, свой образ, свое место), но не его сообщение. А в такой ситуации сама агитационная функция плаката проблематична, т.е. мы попросту станем менее чувствительны к социальной рекламе, к проблемам общества и экологии, о которых вещают нам плакаты и демы. Уже сегодня люди поразительно быстро забывают шокирующую правду проблемных плакатов, но ведь эти проблемы реальны и никто за нас их не решит. И, на мой взгляд, одна из причин в том, что современная социальная реклама строится именно как реклама: она заставляет нас чувствовать свою причастность к проблеме, но не более. Сама реклама, если она не становится агитацией, «не верит» своему посланию и тем более «не верит» в нас. Конечно, отсюда не следует, что всякая агитация невинна, вовсе нет – напротив, за призывом к действию всегда стоит преамбула «не думай». Поэтому агитация требует осторожного отношения. И все-таки социальная реклама в этом плане, способна оставлять нам только тревогу, которую нужно заглушить потреблением или любой формой эскапизма. Я думаю, вполне справедливо мнение, что современному обществу жизненно необходима «новая серьезность», «новая открытость» - в т.ч. чтобы агитационный плакат мог «выбить из нас дерьмо».

Именно в этом нашему обществу было бы полезно поучиться у советского прошлого. Умение использовать силу плаката сыграло не последнюю роль и в гражданскую и в отечественную войны, и при восстановлении экономики. Конечно, социальная реклама не может решать проблемы самостоятельно, что легко подтвердит исторический опыт. И все-таки без жестких, заставляющих о себе думать плакатов мы станем еще более социально слепы и глухи. «Плакат – это разящий удар, направленный на голову классового врага, это – возбудитель активности масс, и ему должно быть оказано надлежащее внимание» - писал Дмитрий Моор, автор всем известного плаката «А ты записался добровольцем?». По-моему, настало время вновь вспомнить эти слова и хорошенько задуматься над ними.

Иван КУДРЯШОВ ►

▼ ДОМ (статья для «Энциклопедии современной жизни»)

Вообще я очень серьезно отношусь к интерьеру, к оформлению любой среды. Меня с детства привлекали необычные квартиры: интерьер воздействует на меня порой достаточно сильно. Этой темы я уже касался в другой статье – про дизайн, и потому данный анализ будет неким дополнением к раннему тексту.

Славой Жижек однажды сказал, что философа больше всего должно удивлять в мире то, что повторяется и сохраняется. Этой фразой он выразил квинтэссенцию моего понимания ряда проблем: в самом деле, новизна, трансформации или разнообразие как таковые часто не столь удивительны как возможность повторения и неизменности, схожести и аналогий. Тот факт, что вещи не стоят на месте, время и энтропия неизбежно влекут все за собой – известен каждому, «в ощущении». Но чтобы описать действительную неизменность каких угодно явлений нам как минимум потребуется идея, зачаток онтологии. Интерьер, особенно домашний – это тоже явление из разряда обещающих нам повторение.

Одним таким повторяющимся моментом, с которого я хотел бы начать, является неизменно единообразное предваряющее слово к любому изданию об интерьере (от журнала до энциклопедии, от практических советов до теоретических проектов). Суть этого предисловия состоит из 3-4 неизменных клише. Перечислим их в порядке упоминания.

1. Дом – это самая важная часть жизни (и «рано или поздно мы все это понимаем» – как заявляет руководитель ИКЕА в России).

2. Дома мы проводим наибольшую часть времени.

3. Дом должен выражать индивидуальность хозяев.

4. В доме важно создать атмосферу (стиль, приватность или публичность и т.п.).

Естественно, пункты 3 и 4 становятся возможны благодаря работе с интерьером. И только после этого «ритуального прогона» следуют (да и то не всегда) слова о функциональности, об эстетической ценности, экологичности и прочих качествах интерьера. В этих клише есть практически все, что используется для манипуляций сознанием. Во-первых, линейная структура, которая якобы задает логическую последовательность, или даже имитирует рассуждение. Но если задуматься, никакого следования здесь нет, не говоря уже просто о небесспорности тезисов. Во-вторых, можно назвать «классикой жанра» переход от описаний к предписаниям: из банальных констатаций 1 и 2 внезапно возникает долженствование 3 и 4. Казалось бы, оформление жилища – дело личное и добровольное, ан, нет – и здесь кроется по-своему жесткая идеология (распространяется она конечно только на тех, кто может себе это позволить). В-третьих, использование паразитарных коннотаций к позитивным образам. Этим образом является слово «дом», которое обычно вызывает положительные ассоциации, даже род расположения, и потому к нему цепляют выражение индивидуальности, атмосферу интерьера и еще черт знает что. И, в-четвертых, неявный ценностный подтекст этих программных фраз, которые без сомнения четко ориентированы на представления определенной группы. Такие представления более всего соответствуют буржуазному сознанию – их можно оценивать по-разному, но в любом случае нельзя считать универсальными[10].

Однако подобный критико-идеологический анализ необходимо, на мой взгляд, дополнить симптоматическим прочтением. В таком случае повторяемость этих предваряющих клише уже не будет представляться нам просто искажением или манипуляцией. Социальные мифы никогда не являются просто фасадом, скрывающим идеологию, они вместе с тем еще и подтверждения наших чаяний: миф работает лишь тогда, когда на него уже сформирован соцзаказ. Кроме того, если мы увидим в этих сообщениях симптом, то можно сделать более интересные и вместе с тем проблематичные выводы.

Во-первых, интерьер действительно связан с субъектом, его индивидуальностью и без этой идеологической привязки не может существовать (как автономная сфера).

Во-вторых, жилище, в самом деле, почти всегда становится местом некоторой экзистенциальной насыщенности, т.е. жизненной важности, пусть не по времени, но по интенсивности переживаний и психических инвестиций.

В-третьих, в конечном счете, «дом» - это проблематичный образ, который состоит не из конкретных элементов, но из смутных ассоциаций, ощущений некоторой атмосферы, зонирования (свое и чужое место, приватность) и т.п. И что еще более проблематично: эти образы даже не личные, а скорее «общие места» дискурса.

Итак, что же значит интерьер, что он говорит о доме и человеке? Для начала просто разграничим несколько

---

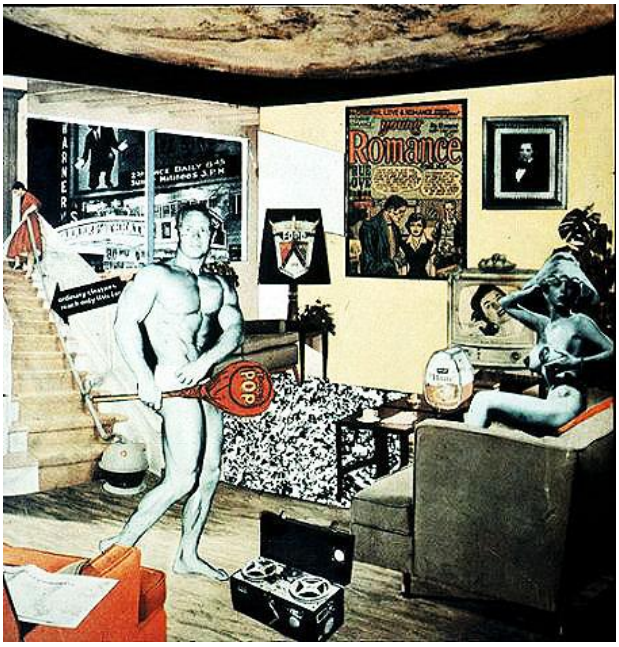
[10] К примеру, для пролетарского сознания дом не является ни местом наибольшего времени, ни выражением хозяйского эго (потому что дом вообще может не иметь хозяев, или иметь много равноправных жильцов).

моментов. В первую очередь, я говорю об интерьере, но только чтобы подойти к теме дома, жилья, тем самым оставляя в стороне другие развороты обеих тем. Во вторую очередь отмечу, что для меня различие между интерьером и обстановкой заключается в несистемном, часто спонтанном характере последней. Интерьер привлекает своей двойственностью: он одновременно внутреннее и внешнее, «для нас» и «для других», форма и содержание высказывания.

Если мы внимательно приглядимся к феномену интерьеров, то увидим, что его конструирование теснейшим образом связано с представлениями о субъекте. Интерьер как создание среды для человека всегда полагался на человека как некую внешнюю реальность, которую неизменно конституировали какие-то представления. Интерьер идеологичен, он не существует без пред-полагания «какой есть (= должен быть) человек». Нельзя не заметить насколько чувствительной к новым веяниям в концепции субъекта оказывалась мода на интерьеры. Нельзя отрицать и обратную связь. К примеру, возникновение субстанциальной теории субъекта в Новое время тесно связано с двумя вещами, вошедшими в быт в то время – это часы и зеркала. Декарт, Мальбранш и другие философы уделяли большое внимание оптическим иллюзиям, эффектам зеркал и часовым механизмам, использовали их как вдохновляющие метафоры для своих рассуждений. Кроме того, важно помнить, что часы и зеркало в эту эпоху стали личными вещами, что повлияло как на образ жизни (организация распорядка дня), так и на восприятие времени и своего образа (до Нового времени: образ был публичным, а время – всеобщим, в виде часов на ратуше). При всем индивидуализме Возрождение не знало таких сложных и многообразных форм приватности, как те, что возникают в дворянской среде в 16-18 веках. И интерьер здесь, я думаю, не был просто «послушным исполнителем» новых желаний и нужд.

Современная же концепция дизайна интерьеров и декора кидает странную тень на представления о человеке. Вкратце это можно обозначить как переход от декора к дизайну, свидетельствующий о конце как субстанциальной, так и функциональной теорий субъекта. Если прежде интерьер предполагал (т.е. конструировал) некий субъект, требующий выражения, то сегодня он попросту его симулирует, обыгрывает это «отсутствующее звено». Интерьеры современных дизайнеров неизменно производят впечатление «чтобы жить в этом доме надо быть таким-то», и мы уже не замечаем в этом подмены. Но проблема в том, что тот «подходящий субъект» существует только на страницах глянца, реальный же человек оказывается более проблематичным объектом для дизайна. Настоящий интерьер должен быть «изъяноустойчивым», т.е. учитывать реального человека, который кладет не то, не туда и вообще не того цвета. Само несовершенство и непоследовательность реального человека должны усиливать эффект от интерьера, а не наоборот. Гламур таких вольностей не терпит – он вмиг исчезает, оставляя нас среди бессмысленных вещей.

Здесь дабы избежать путаницы, сделаем условное разделение – дизайна и декора. Всех, кто работает с интерьерами, в наши дни называют дизайнерами (декораторами сейчас называют только тех, кто занимается рисунками, орнаментами и пр. украшательством). Создатель интерьера чаще всего совмещает в себе обе эти ипостаси, хотя он все-таки больше декоратор. Если для дизайна более сильна линия организации (места, пространства, света, объектов), то для декора более важны сами вещи. Вещью в декоре становятся не только предметы мебели, обихода, но и способы оформления (цвет или рисунок обоев, расположение окна или стены, источники света и их эффект). Дизайнер создает место, декоратор его заполняет. Задача декоратора не просто в создании композиции, но в создании читаемой композиции, текста из вещей и элементов оформления. Декор – это во многом интеллектуальный продукт, однако его смысл часто упрощен до создания репрезентации «безупречного стиля» заказчика.



Вообще интерьер-дизайнер – это в некотором смысле шарлатан, который обещает, что новое убранство квартиры будет выражать личность владельца. Но сколь угодно вычурному или, напротив, классическому декору попросту некого и нечего выражать. Дизайнер должен лишь убедить владельца, что именно этот стиль выражает его, т.е. попросту продать композицию, ее смысл (или по факту: свои описания вещей). А затем описания и привычка сделают свое дело – новый интерьер будет восприниматься действительно как «свой собственный». Это очень важный момент, т.к. нередко мы склонны игнорировать вербальный элемент в прикладной деятельности. Я же считаю, что статус дизайна в наши дни столь значителен за счет слов, а не реальных дел (делами такой статус заработать вообще маловероятно).

Интерьер-дизайнер в своей работе делает два необходимых предположения о человеке, без которых

его деятельность оказалась бы лишенной опоры и смысла. Это два образа, объективирующие человека до элементарных представлений о его внешнем и внутреннем бытии.

1. Человек – это его психология, или еще точнее, некоторый комплекс из восприятия (его закономерностей) и конкретных особенностей, потребностей (индивидуализирующий момент). Внутренняя организация человека сведена к общему и частному, причем без всякого понимания сложности соотношения между ними, единичным же в этой схеме оказывается интерьер. Из этой гегелевской триады следует, что именно интерьер претендует гармонизировать биологию и личную историю конкретного человека. Причем, едва ли не базовыми потребностями психологии человека объявляются максимальный комфорт, самовыражение и стремление к естественности, гармонии. А где пресловутые физиологические потребности, безопасность и репродукция, ради которых вообще-то довольно часто приходится забывать о вышеперечисленном? Я отнюдь не фанат пирамиды Маслоу, но для меня вполне ясно, что восприятие жилья включает в себя гораздо больше, чем психологию современного потребителя. То как мы воспринимаем жилище связано и с нашей животной этологией (возникшей эволюционно), и с чисто человеческими представлениями эстетического и когнитивного плана (которые нельзя напрямую психологизировать).

Эти идеи сформировали целый раздел в дизайне: психодизайн. Суть его в адаптации интерьера к индивидуальности человека. Претензии психодизайна грандиозны: он постулирует, что интерьер способен «стимулировать и разрушать, настраивать на успех, покой или активность, снимать или усугублять внутренние проблемы человека, семьи, коллектива; активизировать творческий процесс, влиять на продажи». Конечно, человек сильно зависит от среды, но настолько ли мы об этом осведомлены, чтобы, манипулируя средой, достигать желаемого эффекта? Меня раздирают смех и скепсис, когда я читаю, что психодизайнеры используют «восточные и западные геомантические традиции»: расчеты магнитных силовых линий Земли, энергии ландшафтов и торсионных полей, Фэн Шуй, а также древнейшие способы очищения и оздоровления пространства, экодизайн, процессуальную психологическую работу и авторские методики. Если убрать эту шелуху, то остается немного: фен-шуёвые игрушки, аромапалочки и святая вода, биолокация лозой и банальные сведения о психофизике цветов – вот что находится на вооружении психодизайнера.

Сама идея психодизайна мне кажется вполне разумной, потому как человеческое знание изначально имело интенцию к преобразованию среды, однако развитие этой идеи и особенно исполнение – вызывают неоднозначную реакцию. Ведь не всегда «максимальный комфорт» является благом: я полагаю, что подлинная задача дизайна и эргономики – сконструировать сподручное пространство, отзывающееся на активность человека (а не гасящее или стимулирующее ее). Когда дизайнеры пугают тем, что дом может спровоцировать депрессию или другой симптом, они попросту не принимают во внимание самого человека – ведь это он сам выбирает симптом и только потому, что он ему нужен. Немногого стоят и досужие советы по выбору цветов и материалов в квартире, потому как психофизика восприятия цвета тесно связана с культурными стереотипами (например, белый цвет имеет совершенно разную символику на Западе, в Индии и в Китае). А проблема коренится в самой психологии – науке описательной, сводящей человека к предмету изучения. Подлинное понимание психологии человека невозможно без обращения к волящему и желающему субъекту, к культурным и социальным координатам, создающим его.

2. Человек – это его вещи. Внешнее существование человека представляется как проявление внутреннего, что должно быть зафиксировано в предпочтениях и их свидетельствах. Интерьер призван создать эти явления, даже не зная ничего о сущности, а главное – это оказывается и не нужно. Для симуляции (желаемой) сущности вполне достаточно объектов и слов. Вкус, чувство стиля, уровень культуры, социальную, даже этническую и религиозную принадлежность должны выражать определенные «читающиеся» вещи и объекты – вот одна из аксиом конструирования интерьера.

Задачей интерьера на протяжении последних трех-четырех столетий было выражение личности владельца жилья через вещи, цвета, оформление и т.д. Иными словами, декор интерьера должен был говорить за самого владельца. Сегодня мы – владельцы - говорим за

сами вещи, поясняя, что же они призваны сказать. К этому сводится функция большинства журналов по интерьерам (если не брать во внимание иллюстрации). Сам же внешний вид интерьера (или его изображение) преследует иную функцию – захват внимания, провоцирование желания. Хотя болтовня о том, что дизайн интерьера это подлинно творческая деятельность, продолжается, но на деле ситуация иная. Для коммерческого дизайна главная цель – продаваться, и только потом решать иные функциональные задачи. Только для некоммерческого дизайна еще актуально самовыражение в создании произведения. В коммерческом дизайне интерьер – это продукт, причем массовый, со всеми вытекающими отсюда следствиями.

Описания декора и объектов интерьера заполняют не только пустоту субъекта, но и пустоту самой вещи – они создают ей культурный контекст, стилевую принадлежность, ценность, в конце концов. Но это только симуляция, ведь в современном декоре давно нет стилей, есть только тренды. У всякого стиля есть форма и содержание, некая осмысленность в отношении к миру, которую и выражают вещи стиля. Если же убрать содержание, мы получим тренд – модную тенденцию, симулирующую новизну. Причем, смешение стилей имеет сегодня новое звучание: не столько вещи и оформление эклектичны, сколько их описания. Тут в одной и то же вещи мы находим не просто какой-то стиль, но целую культурную вязь из отсылок и цитат, которая просто навязывается этой вещи. Однако легко понять: без этого навязанного описания современная вещь декора просто не существует.

В конечном счете, мы все ждем от интерьера привычности и ясности «домашней атмосферы», какую бы сложную форму она не принимала. Именно эта идея стоит за интуитивными положениями эргономики. Уберите слово «дом», и интерьер станет всего лишь темой профессиональных разговоров узких специалистов (по его созданию, истории и т.п.). А что вообще можно сказать о доме? Всякая мысль о нем рискует увязнуть в бесконечных банальностях и штампах, которыми забито наше сознание. Однако знаем ли мы еще что-то о доме помимо этих «общих мест»?

Дом по своему первому спонтанному определению – это «свое место». Это «свое», дабы избежать оценок, можно более точно определить как «близкое». Дом – это близкое, то, что не представляется чужим, дальним. Такое представление не столько фантастично, сколько лежит в сфере страха и тревоги[11]. По большому счету, в нашем сознании «домашнее», «близкое» и «свое» настолько тесно переплетены в единый образ, что на уровне психологического описания феноменов их почти не различить. Категория «близкое» имеет относительное значение, а потому в качестве дома или домашнего могут выступать самые разные предметы (люди, животные и вещи, места и отношения), в том числе глобальные сферы – свой этнос, родной язык, планета Земля и даже вся Вселенная. Ощущения близкого (например, от дорогого человека) могут восприниматься как домашние. И наоборот, встреча с чужим: иностранной речью, чуждым и непонятным объектом и т.п., могут рождать тревожное чувство бездомности и неприкаянности. Как справедливо отмечает Слотердайк, человек на протяжении своей истории по большому счету занимался созданием домов-ойкумен, т.е. близких освоенных зон – сфер. Морфологический архетип сферы обнаруживается Слотердайком практически в любом элементе культуры. *«Сфера – это внутренний, открытый, разделенный на части круг, в котором обитают люди, если им удается стать таковыми. Поскольку обитание всегда означает формирование как малых, так и больших сфер, то люди – это существа, создающие круглые миры и окруженные определенными горизонтами»*. Сфера задает систему координат, способствующую пространственно-временной навигации субъекта и укреплению ощущения безопасности «в своем месте». Бытие человека «всегда протекало только в уже одушевленном, расчлененном, расчерченном, возделанном пространстве». Личные, социальные и универсальные сферы организовывались всегда: даже боги оказывались домохозяевами некоторых глобальных сфер. Можно также вслед за Слотердайком сказать, что сфера дома и была основой представлений о праве. Недаром неприкосновенность жилища считается одним из главных прав человека.

Постоянное жилище стало для человека удобным изобретением, но, чтобы стать домом – эта прагматика должна была стать самоценной. Иными словами, дом изначально является результатом символического оформления жилья как своего, более того, как желанного места. Дом – это место, в которое мы возвращаемся (хотим вернуться). Но как раз так определяли начало философы: то, к чему мы всегда возвращаемся; ведь само представление о возвращении регулируется идеей начала. В этом смысле я настаиваю на двойной параллели: не только дом представляется как некое начало (место, откуда мы выходим в мир), но и сама идея сначала как минимум «испытала влияние» топоса дома (первые абстракции начал исходили из родных, домашних реалий – дом, полис, ойкумена, космос). Поиск начал в философии тесно связан с представлениями о доме. Хайдеггер говорит: «Философия – это ностальгия, тяга везде быть дома» (отметим: он не говорит «быть как дома», а именно «быть дома»). Философия представляет собой такое понимание мира, в котором целое дома ничем не может быть нарушено. И ведь по большому счету философия – космополитический проект, т.е. проект по превращению всего Космоса в Полис, т.е. дом, родное место.

---

[11] Литература полна таких примеров, когда нечто неотчуждаемое, близкое и свое вдруг оказывается чужим и внешним – например, часть тела, предмет быта или вся жизнь в целом. И всякий раз это вызывает тревожное чувство ирреальности, даже если пример носит комический характер.

Однако дом не только неизменно присутствует в истории человека, но и в то же время оказывается недостижим. Человек – эксцентрическое существо (по точной формулировке Плеснера), он всегда вне своего центра. Человек сам располагает в центре этой сферы нечто – какой-то колышек, точку отсчета. Человек по своей метафизической природе и есть тот, кто размечает колышками бытие. Сущее как таковое возникает из различения, т.е. взаимодействию с миром уже предшествует разметка. Универсальным результатом проведения различий для человека является смысл. Но в целом сходная стратегия по идее Варела и Матурана присуща всему живому. Они показывают, что различение – базовая адаптивная функция не только для человека, но и для всех живых систем. Специфика здесь в эксцентрической позиции человека[12]. Хельмут Плеснер отмечал, что для человека его собственным центром является не только тело как граница между организмом и средой. Следуя его первому антропологическому закону (об искусственной естественности), можно правомерно заключить, что наполнение центра человеку еще предстоит создать – посредством орудий в пространстве культуры. Одним их первых таких центров является дом, искусственное жилище (собственно в таком ракурсе правомерно говорить о жилище как продолжении тела человека).

С этой же позиции можно истолковать и третий закон Плеснера (закон утопического местоположения), и текст дает такую возможность: в нем непрестанно звучит мотив дома, возврата домой. Человек есть существо «познавшее дом», но не имеющее его, т.к. нельзя иметь его в подлинном смысле (можно обладать лишь жильем). Он подчеркивает на последних страницах книги «Ступени органического и человек», что обещать подлинное место человеку может лишь вера: *«Во вселенную можно только верить. И пока он верит, человек “всегда идет домой”»*. Дом – метафизическая конструкция, схватывающая утопическое место человека в мире. Но мир возникает через опосредование домом. Человек как слабое и неприспособленное к окружающей среде животное, созревает в искусственной среде обитания. И поэтому его ожидают трудности эволюционного характера: лабильность, психическая чувствительность, эндогенное беспокойство и неусидчивость могут приобрести параноидальное выражение и перейти в насилие. Но эта слабость и является условием цивилизации. С развитием цивилизации человек уходит все дальше от среды, но все сильнее и увереннее обретает мир. Так что Дом является «прародителем» Мира.

[12] Эта концепция на мой взгляд весьма созвучна аутопоэзису Варела и Матурана.

В силу этого важно отметить, что дом – явление мифопоэтическое и даже эпическое. Конечно, сегодня дом психологизирован и технологизирован: мы видим только внешнее, функциональность и фактичность интерьера. Но на деле, точно так же как в структуре «нового романа», «живут» формы классического романа, а в его «родовой памяти» сохраняются эпос, миф и новелла, в образе дома за современным индивидуализмом и приватностью стоят эпическое и коллективное измерение. Продолжая это сравнение, уточним: роман и вообще западная проза шли по пути большей индивидуализации, в переходе от статуса к роли (для персонажа), в большем интересе к рассказчику (автору и нарратору). Аналогичным образом внимание к внутренней организации дома смещалось от статусных (публичных) и ритуальных начал к приватному и функциональному.

В современной технологической экспликации жилища нет ничего удивительного. К примеру, всякий эпос о приручении огня, о приобретении какого-либо технэ – это также мифы о возникновении дома. Еще трактат Витрувия об архитектуре гласит, что дом – это стены, возведенные вокруг очага. Техника – это рациональное продолжение мифопоэтики, или как говорит Хайдеггер «вид раскрытия бытия». В этом смысле дом обеспечивает не безопасность, а защиту в более широком смысле слова. Жилище выполняет иммунную и терапевтическую функции: тот, кто находится в доме, чувствует себя уверенно и не боится чужого[13]. Стены дома создают новый топос – образуют

[13] Как отмечает Д.Ю. Сивков иммунитет это не просто пассивно-агрессивная защита. У него системный характер, поэтому иммунная функция означает структурирование нутреннего пространства с помощью практик распознавания, очищения, дезинфекции, профилактики и вакцинации среды. Или как пишет в одной из статей Франсиско Варела «иммунитет – это память».

пространство ожидания, место формирования габитуса. Хайдеггер вообще считал, что «бездомность» современного человека ведет к нигилизму нашей эпохи. Этот момент защиты хорошо сформулировал Гастон Башляр: Дом – это «образ счастливого пространства, обладающий притяжением внутри охраняющих границ».

С позиций иммунологической характеристики дома приобретает более глубокий смысл тезис Маклюэна о том, что жилище – это вид медиа (т.е. средство сообщения). Под медиа он понимает внешнее расширение человека за счет вещей, сделанных человеком и используемых для хранения, передачи и записи социального опыта. В самом деле, некоторые семейные дома с их интерьерами буквально воспринимаются как свидетельства живой истории и традиции. Эти интерьеры сами слагаются их других медиа: фотографий, книг, часов, денег, старинных вещей (грампластинки, печатные машинки, телефоны, оружие и т.д.). Иногда медиа переходят в вещи, и тогда теряется какая-то важная часть их смысла. И я согласен с Маклюэном в том, что нечто похожее происходит с домом, ускользающую атмосферу которого мы хотим заменить интерьером. Он пишет о том, что современное жилище больше не является средством связи с миром, но все больше неким утопическим местом безмирности, бегства от мира. К схожему пониманию приходит и Слотердайк в последнем томе «Сфер». В результате глобализации мы получаем не все более целостную и всеобъемлющую сферу, но аморфную пену из множества мелких сфер-пузырей. Он пишет: «Глобализация разрушает этот политико-культурный эффект домашности; многие граждане современных национальных государств, находясь у себя дома, уже не ощущают себя у себя самих, а находясь у себя самих, уже не чувствуют себя дома».

Я предлагаю трезво посмотреть на вещи вашей обстановки. Они важны, они создают ваш быт и повседнев, что постепенно формирует устойчивый этос, в котором лежат истоки и этики, и эстетики, и мышления – отношения к миру вообще. Быть может, наилучшей иллюстрацией моего ощущения значимости интерьера может послужить замечание Оскара Уайльда: «Случайное освещение предметов в комнате, тон утреннего неба, запах, когда-то любимый вами и навеявший смутные воспоминания, строка забытого стихотворения, которое снова встретилось вам в книге, музыкальная фраза из пьесы, которую вы давно уже не играли, - вот от каких мелочей зависит течение нашей жизни».

В каком-то смысле мы должны принять тот факт, что дома у нас нет, но может быть – и достичь этого через более трезвое отношение к интерьеру, да и дизайну вообще. Фактически идея психологического и эстетического удобства, возникшая в микроэргономике до сих пор упирается в наивные представления о человеке как объекте изучения, но не о самосознающем субъекте. Но мы не просто пользователи мира, мы еще и его часть, причем часть способная к самоорганизации.

А потому, глядя на свое жилище, я вижу возможность ясности и счастья. Эти два слова остаются важными для всякого живущего, чувствующего и мыслящего человека, несмотря на то, сколь дискредитированы они современным употреблением. Увы, мы не решаем, кем нам быть – мы уже кто-то есть, но в рамках «своего места» мы можем стать кем-то. В данном случае это значит попытаться создать пространство ясности и счастья, в том виде, какими они интуитивно нам представляются. За дверями дома, в Мире каждому из нас предложат карамельный суррогат счастья и иллюзорную ясность примитива. Но чтобы выносить это, чтобы создать иммунную защиту от этой дряни – каждый может попытаться создать свое пространство, свой любимый дом.

ОТДЕЛ КУЛЬТУРЫ-МУЛЬТУРЫ

Читатель!

Вспомним, что Гуссерль много раз задавался следующим вопросом: «Как же сам мир, – может быть чем-то иным, нежели продуктом развертывания моей субъективности, которую я никогда не могу перешагнуть?". В нынешних материалах КМОтдела дается четкий и недвусмысленный ответ на это.

Ибо, читатель, отдел культуры-мультуры, как обычно, «развертывает» перед тобой широкую панораму действительности в разных аспектах и ипостасях ея. Суди сам: если Илья Криштул выступает со своего рода политическим трактатом (в высокохудожественной форме, причем), и в схожей сфере работает сказочник Артур Вафин, то Ихтиандр Обмокни, наоборот, продолжает свои многолетние опыты по бархатной деконструкции классиков. С другой стороны, Константин Гришин в своих «Рассказах об обыкновенном» дает толкование многим тайнам и загадкам жизни филологического факультета, филологов и филологии в целом. Достойный подарок, например, к 30-летию ФилФ АлтГУ! С третьей стороны, Юлия Кречетова яркими, крупными мазками рисует ужасы богемной жизни – предостерегая от нее тем самым молодежь. Права!

Но – самым… голос дрожит, да-с – самым ярким звеном этой переливающейся воображаемой цепи выступает рассказ «муравейник», публикуемый к 20-летию издания первоначального текста и снабженный юбилейным (дополнительным) комментарием. Чьим? Узнаешь, читатель, сам. В этом мини-трактате свернуты все возможные развития событий наступившего после его публикации двадцатилетия. И ежели ты думаешь, читатель, что пошло все не так, как описано – задумайся получше. Ибо на самом деле все обстоит совсем иначе!

Так что не зря развернулись перед тобой, читатель, многоипостасные субъективности, давая суммарно вполне себе объективную картину современной социокультурной действительности!

Артур ВАФИН ►

▼ ЧТО ТАКОЕ ВЛАСТЬ (сказка)

Шел как-то из ниоткуда по темно-зеленому лесу одинокий волчонок. Путь у него был длинный, лапы свои он направил туда, где не ступала свободных волков нога – в город Зубастых зайцев. Там волчонок желал найти ответ: что такое власть? С этим вопросом довольный и полный радости он брел по лесу.

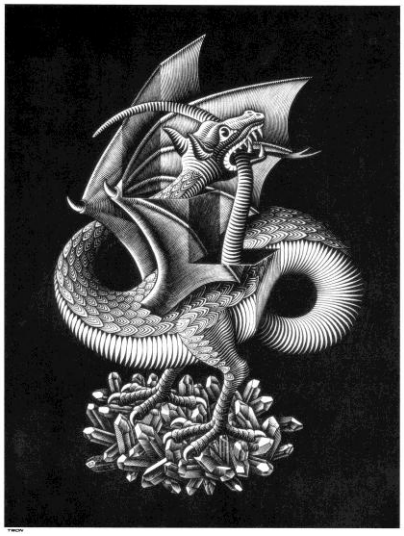
Процесс раздумий прервал неожиданный конец леса. Перед волчонком из глубоких недр вылупился железобетонный замок с двумя большими башнями, напоминающими то ли уши осла, то ли клыки дракона, – это и был город зайцев. Ворота, похожие на прицел жестокосердного охотника, были открыты.

Волчонок шагнул в ворота и тут же провалился в пустоту, но не упал, а прочно встал, врастая в неизвестное.

Из мутно-серого пространства, соблюдая иерархию, стали выходить жители города Зубастых зайцев: ремесленники, свиноводы и квасовары; управленцы в кислотных мандариновых тогах; наконец, облаченный в бесцветный френч, глава этого мирка с заточенными подобно саблям резцами, более длинными, чем у всех остальных. В правой руке городской голова держал длинный скипетр-морковку, обозначавший его верховенство.

Все молчали. Тишину нарушил мэр города:

– Наше имя Повелитель! – пискляво рыкнул он, сжав до треска символ своего могущества. – Я владыка города Зубастых зайцев. Каждый мой поданный – мое продолжение. Они исполняют все, что я пожелаю. Я их вечный герой. А кто ты? Зачем провалился ты наши головы?



– Мое имя ничего не скажет тебе. – Стал серьезно повествовать волчок, сберегая при этом иронию. – Я вольный странник, бродящий по миру, разрешающий квесты.

– Значит, ты можешь ответить мне, как стать бессмертным? – взволнованно сказал Повелитель.

– Нет, – рассмеялся волчок, – зачем мне это? Я ищу ответы только на свои вопросы.

– Тогда ты мне неинтересен и невыгоден, от тебя никакой пользы. Казнить его! – приказал повелитель управленцам, тут же перевоплотившимся в воинов с огненными булавами и лазерными мечами.

Они были готовы сделать из волчка чучело. Предвкушая это, да и вообще захватывающее шоу, остальные зайцы онемели в скверном любопытстве.

– Постой, не спеши! – обратился волчок к главе города. – Скажи мне, что такое власть?

В глазах Повелителя застыл ужас, передавшийся всем зайцам, – резцы стали давать трещину, а скипетр-морковка источать запах невкусности. Волчок держал речь:

– Я шел в твой город с этим вопросом, чтобы открыть тайну, которая мне давно известна. Я шел за подтверждением. И вот – твоя загадка разгадана: власть – это молчание, подчинение, самолюбование. Но это только твоя власть и того, кто принесет тебя в жертву, будет после; есть и другая власть, основанная на дружбе и любви к себе и другим. На дружбе и любви!

После этих слов Повелитель рассыпался, а город Зубастых зайцев потух, убежал в Историю, осыпающую своих персонажей тяжелым снегом.

Волчонок очнулся на золотистой поляне, цветущей розами. Каркали птицы. Волчонок задался новым вопросом и двинулся в сторону ответа.

Юлия КОРОЛЁВА ►

▼ БОГЕМНЫЕ БУДНИ (подборка стихов)

ЧИТАЯ НИКОЛЕНКОВУ.

Сквозь твои изумрудные брови
Черно-белую пленку Годара
Я узнаю тебя средь историй
И сквозь запах хмелящего бара…
Расскажи голоском нарцисса
Сколько видела жизни хроник
И не думай, я не подлиза
Я ногтя твоего не стою.
Где ты с кем ты так интересно
Кого нежишь ночами в выкрик
Не сыграть в драматичной пьесе
Там где Х не вернется к игрек.

ПРОСТО О ЛЮБВИ

не обкусывай снег на губах,
запеченных табачным дымом,
стрекозою влечу в глаза,
в мандраже проникая в зиму…
занеси меня в списки тех,
кто считался неповторимым
подневольно стекает след
виноватого никотина.

МОЕ ЛЮБИМОЕ

кот наплакал ни рубля в кармане.
только дождь по колено море…
может, тошно станет по пьяни
с ничего бесконечно кроме…
ты достал меня пофигизмом
я количеством выпитой крови!
вон пошел- в безнадеге висну.
выпить не на что, вышить в слове…
убирайся, сотри напоследок
свои рыхлые хлопья рифм.
я напьюсь исходя из бреда
заливая себя не в стих.

ПЬЯНКИ

выплескивать пафосность в натурализме,
выставлять, быть может, конфетки в гондоны…
смотреть метафизику мира сквозь призму
с каким-то хабальски-крепленым уклоном…
малолеток насиловать - пить до колик
и ночами скитаться по подворотням.
да кому это надо? спросите что ли…
жить в размене любви на дозу в сотню.

ИЗ ЦИКЛА «ПЬЯНКИ»

ночь прошибла меня до костей никотином.
я вменила в вину ей похмельный синдром.
и уйдя под прицелом, куда-нибудь сгину
на кону твоя жизнь под пиковым тузом.
на сегодня окстилась. на вытертых струнах
я сотру твою пыль, травануввшись навзрыд…
и тебе - поцелуй напоследок всунув,
разорву серпантин бесконечной игры.

ИЗ ЦИКЛА «ЗИМНЕЕ»

счастья стоит бокал шампанского,
залпом выпитого в двенадцать…
и подарок от санта-клауса,
существующего лишь в сказках…
счастья стоит с утра похмелье
головная боль от фейерверков!
поминутное помутненье
разноцветных колготок в сетку…
обалдевшего фортепьяно
в ловких пальчиках «happy new year»,
я от счастья побуду пьяной-
ну, хотя бы наполовину!

О НОВОМ ГОДЕ

таких стихов на сто один-один!
в которых - новый год- как повод выпить!
где в лампе алладин - адреналин…
на фейерверк взглянув, желанье выбить…
и нагло-пьяный праздничный наряд
на десять дней в отъяву улетает
и модный новогодний хит-парад
себе в кафешках цену набивает!
мурчит наутро полудохлый кот
о том, как тошно жить на этом свете…
горланит «тяжко» выпивший народ
вот до чего доводят елки эти.

ЛИРИКА

жизнь мелькает сквозь битые стекла
лирики, ноющей в раны орфеем!
и цветком безуханная книга засохла,
чувства в арфе пожнем, в откровенность посеяв…
небезвредно мечтая о чем-то предельном-
беспредельное в миг заколочено в ставни!
плачет лирика детской слезой в колыбели-
плачут лирикой старые песни о главном!

Ихтиандр ОБМОКНИ ►

▼ ВОПРОСЫ КЛАССИКАМ (стих)

1.
Марта какого года
И какого числа?
Выгода и свобода
От угла до угла.
От ступеньки к ступеньке,
От венца к холодцу…
Малые Вытребеньки.
Гоголем по лицу.

2.
Зачем какой-то достоевский
Стремится в подпол ни к чему
Такие штуки облик детский
Мадонна Риму и уму
Не точно ль также? Позабуду
Наш идеал да не отдам
Балладу выучку запруду
мадеполам.

3.
И кто кого
«Война и мир»?
До одного
Под звуки лир.
Зачем? Затем.
Давать? Давай.
Ни тем, ни рем
Не выпускай.

4.
А оказалось, все заодно.
Знал ли ты край? Или края тут нет?
Перекисает в кувшинах вино,
Это от будущих граждан привет.
Кровь твоя тут не всегда в цене
Да и метель не о том поет.
Что за цевница звучит во сне?
Все происходит наоборот.

Константин ГРИШИН ►

▼ РАССКАЗЫ ОБ ОБЫКНОВЕННОМ

НЕОБХОДИМОСТЬ

Тихонов понял, что к нему отнеслись незаслуженно хорошо. Его дурацкие рассказы, в которых каждая строчка кричала о том, что автору 17 лет, хвалили, и сам Китаев сказал про него: «молодой прозаик». Вот Тихонов и загордился, и сейчас, пересматривая рукописи, он понял, почему в последнее время никто не разговаривает с ним дольше 30 секунд. В рассказах попадались «черное марево туч» и «красное марево заката»; Тихонов не чувствовал пошлости, но понимал, что это одно и то же и что он всем надоел.

Но Китаев? Почему автор десяти книг хвалил его? Да всё просто: Китаеву нужна была аудитория. Тихонов слушал его, затаив дыхание, и Китаев нёс что попало: ругал коллег, рассказывал анекдоты, нахваливал свои книги... Сегодня сорокалетний Китаев протянул Тихонову ладонь, и Тихонов выронил всё, что было в руках - портфель, шарф, шапку, перчатки... Китаев удовлетворенно хохотнул.

Тихонов вспомнил это, и ему захотелось проверить, а действительно ли Китаев - хороший поэт? Что он написал?

Нас дурацкое счастье минует.
Нас минуют печаль и беда.
Неужели настанет минута,
Когда я не увижу тебя?
И неважно, что брошенный в жижу
Мирового слепого дождя,
Больше я никого не увижу.
Страшно, что не увижу тебя.

Тихонову нравились несколько строк... Но странные стихи. Действительно, мало чувства. Значит, Китаев – бесчувственный человек, и эти стихи, раз я их не понимаю, посредственные, профессиональные, не более того. Так думал Тихонов, приближаясь к истине. Но он боялся поднять руку на свои рассказы. А это было необходимо. Это то, что нужно было сделать сейчас.

ЛИТВИНОВ

Литвинов - грубый человек, и то, что он преподает латынь, кажется насмешкой - над ним или над предметом. Голос Литвинова говорит прекрасные вещи, но всё портит - как дурной почерк портит хорошие стихи. Стриженный полубоксом, Литвинов держит в руке мел. Он говорит: "Записывайте...", и ревёт: "Scientia est potentia"... Я сознаю своё первокурсничье ничтожество и понимаю: Литвинов косноязычен. И отвлекаюсь. Но преподаватель раскрашивает доску, и я думаю о нем. Где он живет? Есть ли у него женщина? Варит ли он яйца, льет ли масло на сковородку, делает ли глазунью?

Фиолетовая, как марганцовка, рубаха нашего преподавателя покрывается желтыми пятнышками. Это работа воображения. Литвинов опрятен, и никаких пятен нет. Я включаю звук:

- Валерий, подите к доске и за-пи-ши-те герундий вот этого глагола... (Литвинов протягивает мне кусочек бумаги, и я поднимаюсь, чувствуя неловкость - я толстый, я боюсь выходить к доске...) Бог с ними, не обращайте *внимание* (он комментирует девичий смех), дайте нам герундий....

- Дмитрий Дмитриевич, можно прочитать латинские стихи?

- После, Валерий. Пишите герундий.

Я чувствую спиной, что он рядом. Я пишу и думаю: а если бы я (допустим!) был иной сексуальной ориентации, мог бы я влюбиться в Литвинова? Да, да, да! Но его стиль, язык меня убивают.

- Хорошо, - говорит Литвинов, - bene... Девушки, а знаете, что делали в Древнем мире с красивыми китаянками? Им ломали ноги. Вот и вам нужно ноги ломать - вы галдите...

Девушки задают ему вопрос.

- После занятия, - говорит Дмитрий Дмитриевич.

Я уже сижу и снова рассматриваю его фиолетовую, как марганцовка, рубаху. Почему мы интересуемся личной жизнью людей? От молодости и глупости. О ком я буду думать в 30 лет? Только о своей семье. И тогда я забуду афоризм Фрэнсиса Бэкона: "Знание - сила". И тогда я забуду Дмитрия Дмитриевича, гуманитар-бандита из ТГУ.

ВЕСЕЛЫЙ ОБМАНЩИК

Хроника моей жизни

Я жил на деньги родителей. Я тратил их неразумно, и всегда был с пустым карманом. Неудивительно, что я придумывал разные авантюры по нахождению денег. Вот некоторые из них.

1

14 апреля 2008 года я подкараулил на лестнице преподавателя английского, Викторию Николаевну Карпухину, и сказал ей буквально следующее:

– Виктория Николаевна. Здравствуйте. Я продаю книги. У меня очень хорошие книги. Вот, не посмотрите ли?

И сунул ей в руки то, от чего, я знаю, она бы не отказалась – «Американскую лирику XX века».

Виктория Николаевна отвернулась и ушла в книгу. Через минуту решительно спросила:

– Сколько?

– 50 рублей.

Виктория Николаевна сделала круглые глаза. Она не знала, что я всего лишь хотел купить батареек для диктофона – чтобы сдать его в ломбард и получить уже ТРИСТА рублей.

Сошлись на сотне.

Я учтиво благодарил Викторию Николаевну. Она ушла с книгой и с уверенностью, что Константин Гришин стал сумасшедшим побирушкой.

2

Перед сессией я набил рюкзак редкими изданиями, которые приобретал для собственного удовольствия в «Букинисте», и пришел в универ, чтобы открыть настоящую торговлю.

Я нашел лавочку на втором этаже, расставил мои книжки. В центр поместил Эдуарда Лимонова, с краю – старинного Мольера и Куприна 1912 года. Встал рядом.

Преподы бегут мимо. «Косят лиловым глазом». Здороваются. Игнорируют.

Час стою, другой. Подходит слесарь:

– Это что за бойкая торговля? Кто тебе разрешил продавать книги, придурок?

– Я их не ПРОДАЮ, я их РАЗДАЮ, - объясняю я с широчайшей улыбкой.

Вечером очаровал преподавателя латыни – он купил старика Мольера. А какая-то милая девушка купила Цветаеву.

Эдичка же – никого не прельстил…

3

Медитируя в пыли моего любимого магазинчика, я наткнулся на толстый том Уэбстера. Для тех, кто не в курсе – это словарь для изучающих английский. Размером с хорошую энциклопедию.

Я уплатил ничтожную сумму в 70 рублей и побежал на кафедру иностранных языков. Там я присел на краешек стула, высунул язык и написал такую записку:

«Здравствуйте! Я продаю словарь Webster. Стоит – 200 рублей. Звоните …..».

На следующий день словарь купила препод-блондинка с алым ртом.

Я надеюсь, то, что я продешевил, понятно всем…

НА ЗАРЕ ТУМАННОЙ ЮНОСТИ

Я часто проезжаю мимо обыкновенной, серой пятиэтажки на улице Ядринцева. Я вижу ее и чувствую грусть.

Там жила моя юношеская любовь.

Она давно уехала.

И я позабыл язык, каким рассказывают такие истории.

Попробовать?

«К чему, к чему. Ведь юность не вернешь».

1

Ксения Догиль училась со мной на филологическом факультете. Она была невысокого роста, говорила чуть протяжно, любила закатывать глаза и рассказывать о себе разные истории… Из них становилось ясно: она интеллигентная девушка.

Мне нравились именно такие девушки.

Был вечер. Я возвращался из университета и увидел под стеной кафе «Баскин Роббинс-31» две фигуры, курящие в серебристом свете фонаря. Две пары стройных ног. Они выпускали дым, смеялись, острили. Это были Аня и Ксюша.

Обе не делали на филфаке ни черта, ничего ровно.

Я тянулся к таким девушкам.

Было бы неверно сказать, что они взяли меня в оборот.

Я сам сделал всё, что бы они не учились, а списывали, что я им подсовывал.

В те времена я признавал только такую форму контакта с девушками.

2

Ксюша Догиль любила песни Бориса Гребенщикова.

Она рассказывала, что…

…бродя по ночному Рубцовску, она ощутила сильный запах анаши.

Она спросила: «Это кто накуривается?»

И услышала, как за бетонной стеной с легким топотом улепетывают торчки.

Я не посвящал ей стихи и рассказы – я их тогда не писал. Я бродил с Ксюшей по Барнаулу, и даже не пытался…

… взять ее за руку

… поцеловать взасос

… потрогать за грудь

… потрогать за коленку

Мужчины в 18 лет проделывают все эти вещи в воображении.

В конце концов, у меня не было такой задачи.

Я любил Ксюшу чисто платонически.

3

Однажды я ждал ее на почтамте. Она стояла в телефонной будке и разговаривала с отцом. Он служил офицером в Чечне.

Я был нетерпелив. Пока я ждал Ксюшу, мне лезли в голову неприятные мысли.

Они вращались вокруг ее отца.

Ксюша описывала его как жестокого, взбалмошного человека.

Я думал о нем.

Я думал:

«А вдруг он умрет?»

«Нет, Господи, дай Бог ему здоровья».

Я повторил эту фразу восемнадцать раз.

Ксюша вышла из телефонной будки.

И мы пошли шлифовать Ленинский.

4

Через месяц Ксюша позвонила мне и мертвым голосом сообщила:

«Умер папа».

Я моментально перезагрузился.

Я вспомнил тот диалог с самим собой.

«Кто его убил? Ты его убил».

С Ксюшей был нервный припадок. Она стала пить таблетки и посещать клинику на Луговой.

Я не мог ее утешать.

Я был виновен.

Я и сейчас иногда думаю…

5

В мае Ксюша взяла академический отпуск. Аню отчислили. Я лихорадочно сдавал экзамены, чувствуя, что ОБМАНЫВАЮ преподавателей. И уехал в родную деревню.

6

Сейчас я понимаю, что любовная история не может быть историей параноидной шизофрении. В моем случае было именно так.

Я потерял из виду Ксюшу.

Она доучилась и в 2010 году уехала искать счастья в город Санкт-Петербург.

Я не могу сказать:

«Ксю, где ты?»

Я знаю всё.

Я не знаю ничего.

И поэтому могу жить дальше…

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЛУЧШЕ, ЧЕМ СЕКС

Мои товарищи по комнате приводили домой девушек. Это создавало определенные неудобства. В это время надо было срочно уходить, а куда – бог весть. Я предпочитал книжные магазины. Сколько лишних книг я купил из-за того, что кому-то приспичило заняться сексом! Как я поумнел из-за чужого стояка! Я, может быть, и поэтом стал из-за этого…

Едва за мной закрывалась дверь, они стелили кровать и раздевались.

Я воображал этот секс в подробностях.

Я мысленно раздевал девушку соседа и удивлялся ее большой попе.

Я переходил дорогу на красный свет, а сам думал: когда же я буду приводить домой девушек?

Вот и «Букинист».

Вот шкафчик с поэзией.

Я стою и впитываю чудесные строки, которые не снились этим пошлякам и кроликам.

Я читаю:

«Я постарел, а ты всё та же.
И ты в любом моем пейзаже
Цвет неба или цвет воды.
И нет тебя, и всюду ты».

Гений Давид Самойлов.

В кармане у меня 14 рублей.

Презервативы стоят 50 рублей. А чудо из чудес, лучший продукт человеческого мозга, бессмертная книга – всего 5 рублей.

Кто из нас счастливее, смею спросить?

Я покупаю Самойлова.

Я тяну время.

Секс длится 2,5 часа.

Видимо, у них большой перекур.

И посткоитальные разговоры.

Я ненавижу здоровых людей.

Из-за них мне приходится ошиваться, где попало.

Я изучил с десяток дворов, и как бомж, сижу на чужих ступеньках, пью «Грушевый напиток» и ем пирожки.

Я знаю Барнаул как свои пять пальцев.

И все это, заметьте, благодаря чужому сексу.

Почему я еще жив в лето от рождества Христова 2005-ое?

Потому что мама меня родила в 1986, и я не состарился.

Осталось полчаса.

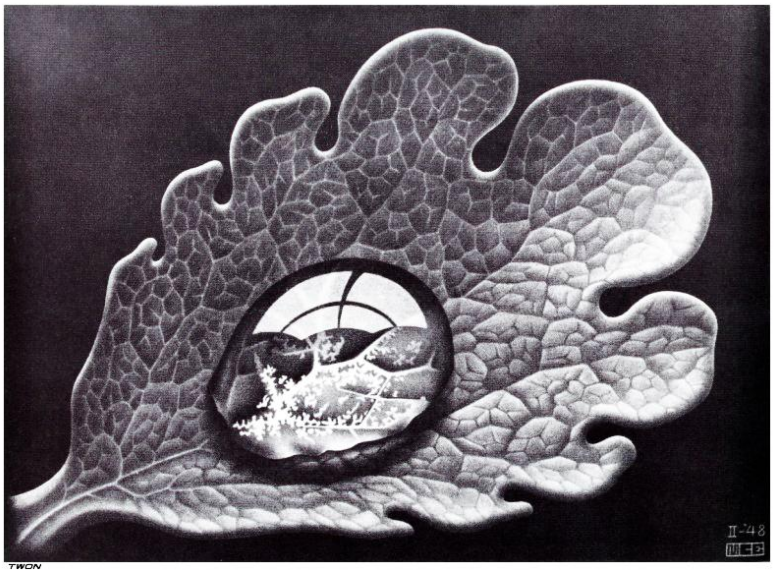
Они уже натянули одежду, выбросили полные спермы презервативы в мусорное ведро, которое, кстати, выношу я, и курят на балконе.

Уроды.

Они попадут в анналы истории как друзья русского поэта, который жил в Барнауле в начале 21 века.

А я попаду в переплёт.

У кроликов и поэтов разная судьба.



Владимир ТОКМАКОВ ►

▼ ЗАПИСКИ ИНДИВИДУАЛИСТА (заметки)

●●●●●

«Если мужчина в сорок лет всё ещё ездит на метро, значит, он неудачник», - сказал как-то Сальвадор Дали. Мне сорок, и я езжу на автобусе. Интересно, насколько я хуже, по Сальвадору Дали, неудачников, ездящих на метро?

●●●●●

Целованный небесами – так раньше деревенских дурачков называли…

●●●●●

Москва крадет из провинции самых лучших. Крадет, высасывает из них энергию и бросает. Но вернуться на малую родину для них – хуже смерти. Разочарованные, озлобленные, они продолжают жить в этой клоаке. Они ведь даже не догадываются, что для малой родины давно уже мертвы.

●●●●●

- Она его поклонница?
- Да, поклонилась ему, несколько раз… Но потом перестала. Сейчас, видимо, кому-то другому поклоняется.

●●●●●

Мужчина, который везде навязчиво всем говорит, что он всю жизнь любил только свою жену – или лжец или непроходимый дурак.
Любовь в браке проходит еще быстрее. А дальше – либо привязанность и уважение, либо неизбежное охлаждение, раздражение и расставание.

●●●●●

Есть два самых распространенных заблуждения: женщины думают, что все мужики одинаковы, а мужчины думают, что все женщины – разные.

●●●●●

…Когда она успела превратиться в эту тучную мамашу с двумя сумками и выводком детей? Смешно, но пятнадцать лет назад она мечтала о карьере рок-певицы. А сейчас… Она шла прямо мне навстречу и скорее всего не узнала бы, но я все равно на всякий случай отвернулся в сторону. Она прошла совсем рядом, чем-то глубоко озабоченная (пересчитывала в уме сдачу? Или муж загулял и не появляется дома уже пару дней? В школе у младшего сына опять двойка?) Я посмотрел ей вслед – у нее даже походка изменилась! Стала какая-то переваливающаяся, как у толстой мамы-гусыни. Я зажмурился, чтобы забыть, выгнать этот образ из себя! Навсегда! Чтобы он не вытеснил из меня другую её, ту, ищущую чего-то большего, мечтающую о недостижимом...

●●●●●

- Вы были знакомы с этим человеком?
- Лично нет, но наши души дружили.

●●●●●

- Мы с вами во многом совпадаем.
- Да, и где совпадаем - там бывает короткое замыкание.

●●●●●

Не стойте на ветру перемен. Продует.

●●●●●

- У него необычный склад ума.
- Склад? Я бы сказал, настоящая помойка!

●●●●●

Деньги тают как снег, и текут как слезы.

●●●●●

Родиться, чтобы умереть. Умереть, чтобы кто-то родился. Веселенькая штука, жизнь.

●●●●●

- Если женщина – друг человека, то жена – его враг! – неожиданно сменил тему захмелевший Зюзинов. - Мало кто знает, что день свадьбы – это начало объявления войны, в которой нет места милосердию. Потому что нет ничего общего между романтической девушкой, которую ты любил, и той стервой, которая вечно всем недовольна. В жене нет ничего человеческого. Одни цели и задачи на текущий день. Планы и программы на твою зарплату.
Сначала она говорит, что не будет посягать на твою свободу – ах, дорогой, ты будешь жить как жил! Я ничем не ограничу твою свободу! Просто мы будем жить вместе – ты же понимаешь, все эти ненужный разговоры о нас с тобой… Просто, давай жить вместе, больше я ничего от тебя не прошу!
И ты сдаешься – ты же не имеешь еще опыта войны с этими страшными монстрами в юбках.
Вторым шагом закабаления будет ребенок.
А после этого ты никуда не денешься – будешь с утра до вечера вертеться как белка в колесе, чтобы платить за квартиру, кредиты, садик, школа, холодильник и его содержимое!
Забудь о свободе – она, твоя женщина, знает, как превратить твою жизнь в ад.

●●●●●

Дошел до ручки. Взял ее, написал гениальное произведение, положил ручку на место. Пусть другие доходят.

● ● ● ● ●
Для того чтобы прыгнуть выше своей головы, я даже согласен ее потерять.

● ● ● ● ●
Когда вокруг слишком много «очарованных странников» всегда приходит разочарование.

● ● ● ● ●
Это очень важно, чтобы все мы двигались в разных направлениях: только тогда мир обретает объем и перспективу.

● ● ● ● ●
Поэт – это тот, кто помогает вам совершить побег в запредельное. Ему обычно больше всех и достается, если побег оказался неудачным.

● ● ● ● ●
Если о чем-то вам страшно даже подумать – придите к писателю, пусть он попробует об этом написать.

● ● ● ● ●
Гениальность и безумие всегда разделяла незапертая дверь.

● ● ● ● ●
Слава – это скорый поезд, который всегда опаздывает, хотя идет точно по расписанию.

● ● ● ● ●
Мы все приходим в этот мир со смертным приговором, и всю жизнь пытаемся разгадать тайну своего преступления.

● ● ● ● ●
…Всю ночь я пытался найти в ней свой потерянный тридцать лет назад смысл жизни. Но в её колодцах уже не отражались звёзды.

● ● ● ● ●
Поэзия должна хлестать из родной речи как кровь. И не смейте ее останавливать!

● ● ● ● ●
Искусство сродни преступлению. В нем есть тяга все преступить.

● ● ● ● ●
С разными я разный. Самим собой будь только с самим собой.

● ● ● ● ●
Лучшая слава – это деньги, лучшие деньги – это слава. Но главное для художника – это не делать из «золотого тельца» домашнее животное.

● ● ● ● ●
Человек – могила Бога, вырытая Дьяволом. Или могила Дьявола, вырытая Богом. Кто мне объяснит, в чем здесь разница?

● ● ● ● ●
Парнас – слишком хорошо укрепленная высота, и взять ее можно только сердечным приступом.

● ● ● ● ●
Женщины! Не упускайте ни одного случая быть женщинами!

● ● ● ● ●
Чем больше у поэта масок – тем лучше, значит, у него есть свое лицо, на которое он их надевает.

● ● ● ● ●
- Эй, товарищ, у вас бикфордовы шнуры на ботинках развязались!

● ● ● ● ●
На вершине творчества всегда разряженный воздух. Простые смертные там дышать не смогут.

● ● ● ● ●
У Пушкина в «Борисе Годунове»: «Кругом лежат мертвые трупы». Гоголь, видимо, прочитал это, и подумал: «Да что там «мертвые трупы»! Я вам о «мертвых душах» напишу!»

● ● ● ● ●
Иногда так чего-то захочешь, что понимаешь, обязательно надо от этого отказаться!

● ● ● ● ●
Мысль путается, чтобы сбить со следа.

● ● ● ● ●
"Половину своей жизни я потратил на попытки уйти из журналистики, но все еще барахтаюсь в этом низком ремесле, затягивающем хуже героина, странном, больном мире неудачников и пьяниц. Выберите любой день, сделайте групповое фото десяти лучших журналистов Америки - и вы получите памятник человеческому уродству. Журналистика - не то ремесло, которое притягивает людей с лоском; здесь нет типов в костюмах от Кевина Кляйна, нет ни одного представителя сливок общества. Мы скорее увидим пламенеющий закат солнца на востоке, чем фото человека нашей профессии - на обложке журнала «Пипл». (Хантер С. Томпсон. "Поколение свиней").

● ● ● ● ●
- Все в одну землю ляжем, всё прахом станет, и дела, и слова...
- Да не скажи! Чьё-то слово превратится в прах, а чьё-то – в порох…
(из подслушанного в трамвае разговора)

● ● ● ● ●

Истинную высоту дерева познаешь только тогда, когда с него свалишься.

● ● ● ● ●

Иногда, чтобы заглянуть за горизонт, приходится залазить на навозную кучу.

● ● ● ● ●

Искусство стало той мягкой бумажкой, которой общество подтирает задницу. Хорошо под этим видом иногда подсовывать ему наждачную бумагу.

● ● ● ● ●

«Газетчики всегда были самой паршивой породой; у тех, кто тампоны подбирает в сортире, души не в пример больше». (Чарльз Буковски, «Рождение, жизнь и смерть левой газетки»).

● ● ● ● ●

Увы, как много на свете того, чего осталось так мало…

● ● ● ● ●

Время – деньги? Время – это фальшивые деньги, на которые все равно не купишь бессмертия.

● ● ● ● ●

- Я думаю, что природа еврейского трагизма лежит в обряде обрезания, - говорит мне она после секса, затянувшись сигаретой. - Ребенок еще в младенчестве получает дикий стресс, страшную боль и унижение, которые потом несёт всю жизнь, пытаясь понять причину своей грусти и тоски. А она, оказывается, не в отсутствии родины, а в отсутствии крайней плоти… И вот смотри, у евреев ведь нет женских монастырей. И это важно, потому что евреи понимают, что предназначение женщины – рожать детей, а не сидеть в келье, за монастырскими стенами. Что ж, я согласен, у любой семьи есть сверхзадача – это дети. С этой точки зрения любовь вообще не имеет значения. Идеальный брак - это один случай из миллиона. И еще вопрос – счастливы ли эти люди. Лучший брак – это брак людей, пришедших к нему сознательно, с долей прагматизма.

● ● ● ● ●

Страх смерти или скука жизни? Что хуже?

● ● ● ● ●

«Во-первых, гений никому не нужен, во-вторых, для него нет еды. А в-третьих, он не знает, где преклонить голову. Но, несмотря на эти неудобства он, по всеобщему мнению, живет припеваючи, ленивый, вялый, ненадежный, коварный, лжец, вор, бродяга. Он вызывает недовольство всюду, куда ни забредет. Поистине невыносимый человек. Кто способен с ним ладить? Никто, даже он сам. (Генри Миллер, «Время убийц» (Этюд о Рембо).

● ● ● ● ●

Я трахаюсь, следовательно, существую.

Там хорошо, где ***мы***, и там плохо, где ***нас***.
Или - никогда не говори никогда. Победил тот, кто говорил, что хотел.

● ● ● ● ●

Поэт – это сталкер, который ведет нас через отравленное массовой культурой пространство русского языка. Не все вернутся из этого путешествия живыми. Но это не значит, что нам не надо идти вместе с ним. Это единственный шанс не потеряться. Лучше уж умереть, чем потеряться.

● ● ● ● ●

Он был человеком думающим, а это в наши дни приходится скрывать как что-то стыдное, вроде неприличной болезни.

● ● ● ● ●

- Раз в году и палка стреляет.
- Твоя палка стреляет только раз в году?! – удивилась она.

● ● ● ● ●

- Разве я не подарил тебе весь мир? Нет? Значит, обещал… Что ж, за мной должок…

● ● ● ● ●

Слова объявляются в розыск. Слово «любовь» скрывается от поэтов – ни друг другу больше не нужны…

● ● ● ● ●

Мы выросли – и стали меньше.

● ● ● ● ●

- Народ говорит: «И Христос бы воровал, если б руки не прибили».
- Это не народ, а цыгане так говорят.

● ● ● ● ●

«Америка верит только во всемогущий доллар». Даже Льва Толстого это, оказывается, интересовало! Лучше бы он, старая борода, о России больше думал!

● ● ● ● ●

- Увидимся на Дне города!… - говорит он.
- Ага, на самом *дне города*...- отвечаю я.

● ● ● ● ●

- Что делал в выходные?
- С природой боролся.
- Да? И какого она была пола? Расскажи лучше, как природа взяла над тобой верх.

● ● ● ● ●

- Кто кого ест – непонятно,- говорит художник Александр Карпов. – Или мы котлету, или котлета – нас.

● ● ● ● ●

Да он все нервы из меня *повысосал!*

● ● ● ● ●
Она: - А как же мне быть с Сергеем?
Он: - А ты его выгони, а меня – вгони!

● ● ● ● ●
- Руки не распускай!
- А что мне, ноги распускать что ли?

● ● ● ● ●
- Это не у меня нет парня, это ни у одного парня нет меня! – сказала мне как-то одна очень дерзкая и красивая девушка.

● ● ● ● ●
- Они друг другу отлично подходят.
- Ну и пусть подходят. Отходят на время – и опять подходят. И так всю свою глупую жизнь.

● ● ● ● ●
- Я ей всё отписал – мягко, но твёрдо!
- Спасибо… Родина тебе этого не забудет. И не простит!

● ● ● ● ●
Складка кожи. Не более. Женские половые органы – просто обычные складки кожи. Когда ты поймёшь это – ты освободишься от этой глупой, половой, физиологической зависимости от этих складок кожи между женских ног.

● ● ● ● ●
Я часто делал в жизни что-то неправильно, но всегда так, как считал нужным.

● ● ● ● ●
- Ты как ночной дождь, - сказала она, - вроде рядом, за окном, но такой холодный и далёкий.

● ● ● ● ●
Женщине нужен любимый человек, и она успокоится с ним рядом. А мужчине одной женщины всегда будет мало.

● ● ● ● ●
Мой Шукшин (записные книжки) (1960-1970-е):

Я воинственно берегу свою нежность. А как больше?

Не теперь, нет.
Важно прорваться в будущую Россию.

Не могу жить в деревне. Но бывать там люблю…

Где я пишу? В гостиницах. В общежитиях. В больницах.

Нет, ребята, «могучей кучки» не получилось. Жаль.

Да, литературы нет. Это ведь даже произнести страшно, а мы – живем!

В дурачке, который ходит у нас по улице, больше времени – эпохи, чем в каком-нибудь министре.

Истинно великих людей определяет, кроме всего прочего, еще и то, что они терпят рядом с собой инакомыслящих. Гитлер и Сталин по этой статье не проходят туда.
(1966)

Ложь, ложь, ложь… Ложь – во спасение, ложь – во искупление вины, ложь – достижение цели, ложь – карьера, благополучие, ордена, квартира… Ложь! Вся Россия покрылась ложью, как коростой.
(1969)

Чистых покойничков мы все жалеем и любим, вы полюбите живых и грязных.

Ни ума, ни правды, ни силы настоящей, ни одной живой идеи!.. Да при помощи чего же они правят нами? Остается одно объяснение – при помощи нашей собственной глупости. Вот по ней-то надо бить и бить нашему искусству.
(1972)

Кто мог быть политик по склонности души у древних? Дурак, который всем мешал охотиться?

(Шукшин. Записные книжки).

● ● ● ● ●
Всякий писатель рано или поздно тонет в том чернильном море, которое сам создал. Это и есть месть профессии. Здесь главное – вовремя замолчать. Как Сэлинджер.

● ● ● ● ●
…На вопрос учеников, почему он никогда не говорит им о загробной жизни, Конфуций ответил: «Пока люди не научились правильно относиться друг другу в этом мире, какой смысл рассуждать о мире потустороннем?»

Три великих учения, на котором стоит Китай – конфуцианство, даосизм и буддизм. Все они подчинены политической практике. Всё подчинено политике.

● ● ● ● ●
Будда учил:
1. Жизнь полна страданий.
2. Причиной их служат неосуществленные желания.
3. Чтобы избежать страданий, надо избавиться от желаний.
4. Дабы достичь этого, нужно пройти путь из восьми шагов. Нужно сделать праведными свои взгляды, представления, слова, поступки, быт, стремления, мысли, волю. Тот, кто пройдет эти восемь шагов, достигнет просветления или нирваны.

● ● ● ● ●
Деньги любят тишину, а большие деньги – гробовую тишину.

● ● ● ● ●
15 февраля, 2010 года. 9 утра. Захожу в мировую сеть: новость номер один: «Перис Хилтон упала и показала свои стринги».
Это был день, когда наступил конец мировой истории.

● ● ● ● ●
- Православные священники считают себя гонимыми…
- Это правда! Как они гонят!..

● ● ● ● ●
Рассказывали московские друзья.
Ксения Собчак приходит в клуб.
Крик из толпы:
- Эй, лошадь в шоколаде, пойдем построим любовь!»

● ● ● ● ●
- Нас русских, чувство юмора спасает. С таким народом цвет флага не имеет значения.

● ● ● ● ●
На концерте в краевой филармонии хорошо скрипел какой-то японский скрипач.

● ● ● ● ●
Типичная биография для нашего времени: «бандит-бизнесмен-депутат». Этапы большого пути.

● ● ● ● ●
- Тот еще «фрукт»!
- Кстати, «фрукт» – это лучше, чем овощ.

● ● ● ● ●
«Писатель пописывает, читатель почитывает», - саркастически заметил когда-то Салтыков-Щедрин, которому в голову не приходило просить правительство о дотациях и «разумном протекционизме» (Михаил Берг «Конец русской литературы?»).

● ● ● ● ●
Философ:
- Я не могу жить без смысла.
Поэт:
- А я не могу жить со смыслом.

● ● ● ● ●
Стихи нужно печатать на такой бумаге, которая бы полностью саморазрушалась через год-полтора. Если стихи стоят того, то их к тому времени выучат и запомнят.

● ● ● ● ●
Он так часто рассыпался перед всеми в любезностях, что однажды рассыпался, а собраться уже не смог. Так и помер.

● ● ● ● ●
Если вопрос поставлен правильно, он будет долго стоять. Хорошо сказано! И уже неважно – кем.

● ● ● ● ●
- А вы, я смотрю, не патриот своей малой родины.
- Да, знаете, я, скорее всего, патриот своей малой родинки…

● ● ● ● ●
Это только в России самолет может столкнуться с кораблем, который только что врезался в поезд.

● ● ● ● ●
«Многие мужчины, влюбившись в ямочку на щеке, по ошибке женятся на всей девушке» (Стивен Ликок).

● ● ● ● ●
Пистолет «стартовый» переделал в финишный.
И устроил забег на тот свет.

● ● ● ● ●
Она водила меня за нос, но это лучше, чем за рога. Однако, хуже, чем если бы за член…

● ● ● ● ●
- Ты открываешь меня, как материк, а я бы хотела, чтобы ты открыл меня, как банку шпрот, - написала она мне по «мылу».

● ● ● ● ●
Сначала она дала ему книгу почитать. Потом дала свой телефон, потом дала свой адрес. А потом просто, по-женски, так сказать, дала…

● ● ● ● ●
Меняю ангельские крылья на тёплое местечко в аду.

● ● ● ● ●
- Извините, я не одета, - сказала она.
- Это ничего, - улыбнулся он, - я женщин без кожи видел, не то, что без одежды…

● ● ● ● ●
- Перед смертью не надышишься…
- Перед жизнью надышусь!..

● ● ● ● ●
- Лучше уж болтать, чем болтаться, - сказал он.

● ● ● ● ●
Как ёлочные игрушки, нас снимут с тобой с этой ёлки, которую кто-то глупый назвал древом жизни… Снимут, положат в коробку, укроют ватой, серпантином, дождём за тридцать копеек – до следующего года… А к новому году мы воскреснем, и снова заблещем на ёлке – в другом, правда, измереньи…

● ● ● ● ●
Стена дождя рухнула ночью. Нет, и на небе не умеют строить…

● ● ● ● ●
Секс как творчество, и творчество как секс.

● ● ● ● ●
Проза должна быть прозрачной и легкой как воздух, чтобы сквозь строчки можно было увидеть живого

настоящего человека.

● ● ● ● ●
- Почему он тебе нравится? – спросил я ее.
- Не знаю, он прикольный…
- Разве настоящий человек должен быть прикольным?

● ● ● ● ●
Деградация отдельного человека начинается с утраты памяти. Деградация общества начинается тоже с утраты памяти.

● ● ● ● ●
- Все под Богом живем…
- Да лишь бы не лежим!..

● ● ● ● ●
Он был ветераном холодной войны и еще не остывших подушек.

● ● ● ● ●
- Оставь её в покое! – сказал я. - Она же еще неоперившаяся снизу девица!..

● ● ● ● ●
- Есть опасность запутаться в складках ее местности…
- Да уж лучше, чем пораниться о чьи-то острые углы…

● ● ● ● ●
…Давайте поговорим о братьях наших больших и о сестрах наших меньших.

● ● ● ● ●
Империя возвращается.
Империя уже вернулась.
Империя уже стучится в наши двери.
С вещами - на выход!..

● ● ● ● ●
Вот, говорят, что в России все делает через задницу. Я с этим в корне не согласен: кое-что делается и через передницу.

● ● ● ● ●
Женщина – это тюрьма, и как в тюрьму в нее легче войти, чем потом выйти.

● ● ● ● ●
- Девушки интересны до девятнадцати лет, пока они находятся в поиске. Их мышление своеобразно, мечты неожиданны, поступки дерзки. Потом они входят в период взросления, «обабливаются», становятся банальны и предсказуемы. Их мечты одинаковы – удачное замужество, квартира (дом), машина, дети (садик, школа, вуз), муж – семьянин и много зарабатывает (а иначе зачем начинать всю эту бодягу), отдых на море в Турции или Египте, какие-то шмотки-наряды-бижутерия. Работа – пусть неинтересная, но стабильная и непыльная, спокойная. Карьера здесь ни к чему, главное, чтобы можно было пораньше уходить домой. Всё, точка. А вот молодые парни только в девятнадцать лет как раз начинают по-настоящему задумываться о карьере, будущем. А женщина тянет его назад, в прошлое, потому что прошлое – это и есть её будущее!..

● ● ● ● ●
Объявление в газете: «Перетягиваем старые чресла».

● ● ● ● ●
- Что такое Святая Троица?
- Это Бог-отец, Бог-сын, и… Бог-внук.

● ● ● ● ●
Держать хвост пистолетом, и пистолет – хвостом!

● ● ● ● ●
То есть мухи – отдельно, а ласточки – отдельно…

● ● ● ● ●
Нервный тик, и нервный так…

● ● ● ● ●
Новая Россия построена на гнилом фундаменте, это как построить дом на месте бывшего кладбища. В такой дом постоянно будут приходить призраки.

● ● ● ● ●
Духовную пищу тоже можно отравить.

● ● ● ● ●
- Что с ним случилось?!
- Ну, в общем, он временно умер навсегда.

● ● ● ● ●
- А если он у нас в коллективе не приживется?
- Не приживется – ампутируем.

● ● ● ● ●
Тот, кто пасет ветер, сможет подоить бурю.

● ● ● ● ●
В море прессы тонут факты.

● ● ● ● ●
Красота – страшная сила. Сила – страшная красота.

● ● ● ● ●
«Каждый поэт в России мечтает умереть под забором» (В. Ерофеев, «Пять рек жизни»).

● ● ● ● ●
Из письма в редакцию: «Во мне что-то вспыхнуло, и так захотелось обнять Виталины большие, сильные губы».

● ● ● ● ●
Реклама: «Зимняя ошиповка презервативов. Для любителей скорости и острых ощущений!»

● ● ● ● ●
В России вновь настало время, когда живые души стало невозможно отличить от мертвых.

● ● ● ● ●

Я заметил, что на шее у нее наконец-то сошли засосы, которые оставлял ее горячий друг…Ага! – подумал я, - значит, место освободилось для моих…

● ● ● ● ●

В каждом из нас живет зверь, и смысл нашей жизни – не дать ему проснуться.

● ● ● ● ●

Утром, до пьянки, было три головы, а вечером посчитал – ни одной.

● ● ● ● ●

Любая женщина рано или поздно превращается в самку богомола, и, каждую ночь, откусывая тебе голову, будет наслаждаться твоими постельными конвульсиями.

● ● ● ● ●

- Если у тебя есть вопросы – читай Библию. А вот когда Библия перестанет отвечать тебе – тогда приходи ко мне…

● ● ● ● ●

Генерал. Местами матёрый, местами – матерчатый, но больше - матерный.

● ● ● ● ●

Полгода её жизни и полгода его смерти.

● ● ● ● ●

…Всплытие со дна бутылки состоится в понедельник утром.

● ● ● ● ●

Россия – красавица с ногами разной длины, одна короче другой. Только такими ногами и можно по нашим дорогам ходить.

● ● ● ● ●

Американский писатель Шервуд Андерсон сказал: «Каждый человек – Христос, и каждого мир распинает, рано или поздно». Кандидатура Ш. Андерсона была отвергнута нобелевским комитетом в 1938 году, премию получила некая американская писательница Перл Бак, которую мало кто сейчас вспомнит. В своих нобелевских речах сначала Синклер Льюис, а затем Джон Стейнбек говорили о «великом Шервуде Андерсоне, который более достоин этой премии».

● ● ● ● ●

«…Значило и время: демократы, первый призыв, уже линяли, не сумели они, так и не дотянулись, косорукие, до тех рычагов и рычажков, колес, шестеренок, какими делается в России реальная власть. Держались пока что инерцией, но себе в помощь (к ржавым рычагам) они уже звали кой-кого из сросшихся с прошлым. Конечно, не звали отпетых. Но середнячки, средненькие бонзы-партийцы уже пошли в гору. Уже было не обойтись. Поначалу их звали, конечно, в помощники на подступы, на пятые роли. Но скоро середнячок из пятого ряда выдвигался вперед, выпихивая демократа (честного говоруна) на престижную отмель, полежи там, дружок, отдыхай! Справимся. Ты полежи (а мы посидим в кресле). Ты выступай по телевизору. (А мы в кресле.) Пришел их час: ползучее возвращение, КОГДА НОВОЕ ОБНОВЛЯЛОСЬ СТАРЫМ.
(В. Маканин, «Андеграунд, или Герой нашего времени», «Знамя», N 3-1998).

● ● ● ● ●

Я быстро оказался переполнен чувствами, как бочка с водой во время осенних дождей.

● ● ● ● ●

…И кто это выдумал, что Франция страна фривольности? Франция страна скуки и угрюмого бюрократизма (Мишель Уэльбек, «Элементарные частицы»).

● ● ● ● ●

Женщина в чистом виде – страшный яд. Разбавляйте их спиртом, водкой, пивом, чем угодно!

● ● ● ● ●

У меня в штанах - настоящий *конец* света!

● ● ● ● ●

Пророк играл с богом в одно касание.

● ● ● ● ●

«А теперь, да простят меня уважаемые читатели, я, пока еще есть время, вернусь к шлюхам, скачкам и выпивке. Если все это и чревато смертью, то, по-моему, куда меньше противно самому выбрать себе смерть, нежели умереть той, которую навязывают тебе в обрамлении высокопарных фраз о Свободе, Демократии, Гуманности и (или) прочем дерьме собачьем». (Ч. Буковски, «Политика сродни потугам отдрючить кошку в жопу»).

Продолжение следует

Илья КРИШТУЛ ►

▼ SAMOVAR (юмористические рассказы)

▼ САМОВАР (сценарий русского блокбастера для Голливуда в 3D)

Поле для игры в лапту у стен Кремля. Играют бандиты, оборотни в погонах, продажные чиновники и банкиры. Никто не курит. Невдалеке пасутся медведи. Официантки разносят квас, морс и пельмени. Звучит «Калинка», игроки достают мобильные телефоны «Вятка-автомат». Всем приходит одинаковое сообщение: «Самовар прилетает завтра». Бандиты, оборотни в погонах, продажные чиновники и банкиры смотрят друг на друга, звучит тревожная балалаечная мелодия.

Приземляется самолёт. По трапу спускается инвалидная коляска, её заносят в машину. Это прилетел Самовар, он инвалид. В машине его друг, афророссиянин. Друг говорит: « В Пандорине неспокойно. Они засоряют реку и губят деревья. Твою напарницу убили, а собака сбежала. Мне осталось недолго, ведь я гомосексуалист. Глафира вышла замуж за Прокопа, он теперь банкир. Твой брат живёт с синими человечками. Ты спасёшь нас, у нас проблемы?» Самовар молчит и не курит. Звучит песня в исполнении группы «Золотое кольцо».

Шикарное запрещённое казино в центре города. Бандиты, оборотни в погонах, продажные чиновники и банкиры играют в домино, хрустя малосольными огурцами. В казино на коляске заезжает Самовар, подъезжает к столу для игры на гуслях, играет, выигрывает, долго смотрит на Прокопа и уезжает. Прокоп предлагает убить Самовара, все соглашаются.

Жена Прокопа Глафира, бывшая любимая Самовара, назначает ему свидание в коровнике, принадлежащем её мужу. Она ест клюкву и предупреждает его об опасности. Под мычание коров они занимаются любовью. Звучат частушки. Самовар не курит, но поджигает сено банкира Прокопа. Становится понятно, что Самовар бывший десантник, потому что сено сгорает.

По центральной улице города мчатся иномарки российской сборки. Переворачиваются и взрываются трамваи, троллейбусы, автобусы и маршрутные такси. Красиво и медленно взрывается бензоколонка. Иномарки российской сборки валятся набок, начинается стрельба. Хлещет кипяток из пробитых самоваров и кровь из плеча Самовара. Воют сирены. Вся улица засыпана тульскими пряниками. Самовар морщится от боли, но играет на гармошке и не курит.

Самовару делает перевязку медсестра. Она влюбляется в Самовара и даёт ему ключи от своей избы, что бы он не курил там.

Шикарная трёхэтажная изба медсестры. Становится понятно, что медсестра чья-то дочь, потому что приходит её отец. Он возглавляет борьбу с бандитами, оборотнями в погонах, продажными чиновниками и банкирами в Пандорине. «Стань одним из нас!» - Говорит Самовару отец медсестры. Самовар молчит, не курит, смотрит на матрёшки. Звучит песня (любая). Самовар в инвалидной коляске заезжает в русскую парную и выходит оттуда одним из них и на своих ногах. По взгляду Самовара понятно, что он любит детей, Гжель, оренбургские пуховые платки и тихую красоту родной природы.

Шикарный ларёк по продаже шаурмы. Бандиты, оборотни в погонах, продажные чиновники и банкиры едят, пьют водку, слушают цыган, потом решают похитить медсестру.

Площадка для игры в городки у Большого театра. Невдалеке танцуют балерины. Самовар и его друг-афророссиянин играют, медсестра ест и влюблённо смотрит на Самовара. Её похищают, и одинокая окрошка капает на землю.

Русская парная. В углу валяется уже ненужная инвалидная коляска. Самовар хлещет себя веником, не курит. Звучит песня Трофима. Становится понятно, что Самовар когда-то служил в десанте вместе с Прокопом и они были друзьями.

Самовар едет в машине, не курит. У него на коленях городошная бита, рядом - отец медсестры и медведь в красной рубахе. На заднем сиденье - говорящее живое дерево и два дракона. Становится понятно, что Самовар съел что-то не то.

Загородные избы бандитов, оборотней в погонах, продажных чиновников и банкиров. Медведь и драконы прогоняют собак, а Самовар с отцом медсестры убивают ночных сторожей и всех врагов, кроме исчезнувшего Прокопа. Глафира подносит Самовару хлеб-соль, но он ищет медсестру и находит её в погребе заброшенного завода, где она лузгает семечки под портретом Сталина. Самовар не курит и освобождает медсестру. Они вылезают из погреба и идут сквозь толпу милиционеров, журналистов и просто зевак. Живое говорящее дерево машет над ними ветвями и говорит: «Зеваки зевают». Становится понятно, что медсестра скоро родит сына. Звучит песня в исполнении Бабкиной.

Объявляется перерыв, во время которого от СПИДа умирает афророссиянин, друг Самовара, а охрана кинотеатра раздаёт зрителям синие очки. Далее – в 3D.

Квартира брата Самовара. Много бутылок и синих человечков. Синий брат сидит на диване рядом с синим Самоваром и синим банкиром Прокопом. Идёт четырнадцатый день Дня десантника, но никто не курит. Брат разливает по стаканам синюю жидкость, все чокаются и пьют за десант. Брат спрашивает: «Ну, каково?» «Плохо, как родину предавать», - отвечает банкир Прокоп и плачет. Синие человечки грустят. Вдалеке раздаётся крик новорождённого сына Самовара. Звучит рэп в исполнении Кобзона или Газманова. Конец фильма.

Охрана кинотеатра отбирает у зрителей очки. Сборы (только в России!) – 34 000 000 очков. Все, довольные, закуривают и расходятся.

Илья КРИШТУЛ ►

▼ НАЙДИ МЕНЯ (сценарий телепередачи)

Ведущий (плачет): - Добрый вечер… Наш телефон в Москве… Да его и так все знают. Звоните. Итак, мы начинаем…
Ведущая: - Добрый вечер… Адрес нашего сайта… Но у тех, кто нас смотрит, всё равно нет ни компьютера (рыдает), ни даже интернета…
Зрители плачут и аплодируют.
Ведущий (успокоившись): - Вы знаете, нас смотрят в Израиле, в Бурятии… И вот однажды… (вытирает слёзы) мы получили письмо из села Коленово, что в Воронежской области. Автор письма – Ирина Филоненко, а писала его… (смотрит на конверт) Нина Сергеевна. Это письмо так потрясло нас (успокаивает ведущую, у которой истерика), что мы пригласили автора сюда, к нам на передачу.
Среди зрителей плачет Ирина Филоненко. К ней подходит ведущий.
Ведущий: - Добрый вечер. Успокойтесь… Расскажите нам свою историю… (сморкается). Кого вы ищете?
Ирина: - Здравствуйте… Сейчас… (вытирает слёзы). Я ищу мужа… Он пропал три года назад, вечером… Я сидела в комнате, смотрела в телевизоре сериал про любовь…
Ведущая: - Какой это был сериал, это важно…
Ирина: - Там пели… А она убежала, но он нашёл её в доме у родителей, а её отец сказал… (всхлипывает). Не могу рассказывать, очень тяжело…
Ведущий: - Да… (закрывает глаза руками). Это, наверное, «Кармелита»…
Зрители плачут и аплодируют.
Ирина: - Рядом со мной сидел муж. Во время рекламы он встал и сказал, что пойдёт на кухню попить воды. И он ушёл. Реклама кончилась, но муж не вернулся. Потом кончился сериал, но мужа всё не было. Прошёл день, сериал начался снова, а муж… (плачет). И тогда я решила пойти его поискать, но его нигде не было, ни в кресле, ни на кровати… Я села обратно, стала ждать и смотреть сериал… А потом я написала вам в передачу… Может, вы поможете найти моего мужа…
Ведущая (сквозь рыдания): - Мы постарались…
Ведущий: - Как зовут вашего мужа?
Ирина: - Баро… Ой, нет, это из сериала… Дима… Я звала его «зая», он откликался… А фамилию я не знаю… Может, такая же, как у меня…
Ведущий: - А у вас есть фотография Димы?
Ирина: - Нет… У меня есть фотография одного артиста из сериала, он очень похож…
Ведущий: - Покажите сюда, на камеру… Да, похож… Нас смотрят в Израиле, в Чувашии… Встречайте – Дима, ваш муж.
Зрители плачут и аплодируют. Входит Дима. Он плачет. Ирина обнимает Диму. Плачут все.
Ведущий: - Дима, расскажите нам свою историю. Где вы были все эти годы?
Дима (вытирает слёзы, сморкается): - Я жил в селе Коленово, в Воронежской области, в нашем с Ириной доме. Ходил на работу… Женился на хорошей женщине… (плачет). Ира, моя первая жена, смотрела «Кармелиту» и не замечала меня… А я забыл, что она сидит у телевизора… (снова плачет). Сначала я искал её, звал… Писал вам в передачу… А потом развёлся и женился заново… Мы с новой женой так привыкли, что какая-то женщина сидит у телевизора, что не обращали на неё внимания. Мы ведь тоже смотрели «Кармелиту». У нас, по-моему, даже родился какой-то ребёнок… В тот день, когда Кармелита поругалась с Миро…
Ирина: - А где твой шрам, Дима? У тебя же на лбу был шрам…
Ведущий: - Мы провели специальную генетическую экспертизу и выяснили, что шрам был у подлеца Лекса из «Кармелиты». Помните, Миро рассёк ему лоб кнутом? Как хорошо, что вы наконец нашли друг друга… (плачет) Мы так рады за вас… Нас смотрят в Израиле, в Туве…
Ведущая: - И, оказывается, в Воронежской области… А на ком вы женились, Дима?
Дима: - На Ленке Кругловой.
Ирина: - Я видела её как-то у телевизора, она тоже смотрела сериал… Там как раз у Кармелиты пропал муж, ушёл из табора… У меня тоже пропал, ушёл из комнаты…
Зрители плачут и аплодируют.
Ведущий: - Возвращайтесь домой, Дима. Женщина у телевизора и была вашей женой, которую вы потеряли. Постарайтесь больше никогда не расставаться с близкими людьми. Будьте рядом с любимым человеком даже во время рекламных пауз! Не ходите по одному пить воду, вы можете никогда больше не увидеть своих родных! А нас по прежнему смотрят в Израиле, в Дагестане…
Ведущая (рыдает): - И в Воронежской области… Наш телефон… Триста шестьдесят семь… Какие-то ещё цифры… Не могу говорить… До свидания, пишите нам, звоните… (выбегает в слезах из студии).
Ведущий (вытирает глаза платком): - Спасибо большое всем… Всем, кто теряется и потом находится… Всем, кто снимает сериалы и особенно тем, кто их смотрит…
Зрители плачут, аплодируют и расходятся. В селе Коленово плачет Ленка Круглова. Она смотрит сериал и ждёт Диму. В поезде «Москва-Воронеж» плачет Дима. Он опять потерял Ирину, которая плачет в соседнем купе с проводником, потерявшим свой вагон. Заплакал машинист тепловоза и потерял свой тепловоз. Плачет Кармелита. Плачет страна…

Илья КРИШТУЛ ►

▼ ПРО БОРИСА ЛЬВОВИЧА (рассказик)

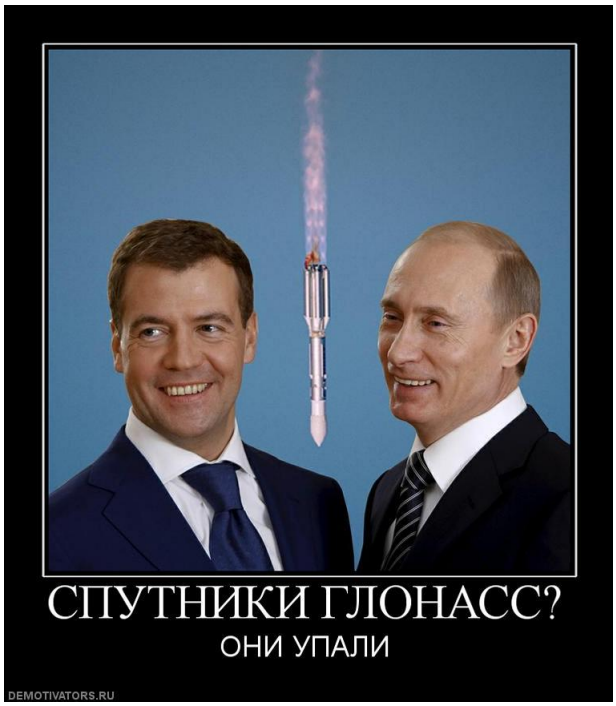
Борис Львович работает кузнецом. Он не может, не куя. А, когда куёт, всё может, особенно выпить-покурить, так что куёт он редко, только если штопор сломается. Как штопор выкует, откроет им всё, что нужно, выпьет, домой поедет и снова не может, не куя. А ковать-то уже нечем, да и откуда в милиции кузня? Он всегда почему-то, как штопор выкует, в милиции оказывается. Его жена уже и к психиатрам водила, и к экстрасенсам с шаманами – никто не помог, даже доктор Малахов-плюс со своими шишечками-иголочками. Кузня – штопор – милиция, такой вот трафик. А после милиции домой придёт, грустный весь, похмельный, на диван ляжет и спорт смотрит. Очень он спорт любит смотреть. Волейбол, шахматы, хоккей на траве… Правда, хоккей отдельно, траву отдельно. А когда хоккей с травой заканчиваются, Борис Львович свою жизнь вспоминать начинает. Как он в детстве мороженое ел. Как в институт какой-то поступал. Как мечтал стать кузнецом, но сначала отцом стал. И как он однажды машину купил, за девять тысяч рублей, но она почему-то никуда не ехала. А холодильник дороже купил, за десять тысяч, вот он после хоккея на траве уехал. И никогда не вернулся до сих пор. Жена Лена очень тогда ругалась, Борис Львович даже бросить её хотел, но с дивана встать не смог. А смог бы, точно бы выбросил. Хотя, с другой стороны, жена вещь хорошая, выбрасывать жалко. И Бориса Львовича любит, понимает, что он талантлив во всём. Особенно, конечно, в водке, за что и страдает. Ну не любят на Руси талантливых людей, так издавна повелось. То в больницу какую-то смешную положат, то капельниц навтыкают, а иногда – самое плохое! – напитки прятать начинают. Это ещё никто не знал, что Борис Львович малосольные огурцы выращивает под ванной. Не очень, правда, у него получается, но, как говориться, Житомир тоже не сразу строился. Что-то там уже зрело, но не очень малосольное и не очень огурцы. Через неделю выяснилось, что зрело там народное недовольство снизу. Что-то Борис Львович переборщил с поливкой и все будущие огурцы на этаж вниз стекли и там уже взошли, наверное. Потому что соседи точно взошли и долго в дверь звонили, но Борис Львович с Леной затаились на два дня и даже телефон не поднимали. Хотя Лена шепотом все эти дни громко ругалась. Говорила, что если Борис Львович не может, не куя, пусть едет в свою кузню и куёт там, а не огурцы малосольные выращивает, тем более под ванной. И что его надо за это сдать в одну знаменитую клинику с жёлтыми стенами, где из него сделают человека. Борис Львович на это отвечал, что человеком его сделали мама с папой около пятидесяти лет назад, хотя, как они потом признавались, больше им хотелось котёночка. Но выращивать малосольные огурцы он больше не будет, если первый раз не получилось. Он вообще больше ничего выращивать не будет, потому что человек Борис Львович интеллигентный. Он даже хама трамвайного послать не может, только «Камасутру» цитирует. Хам на него матом, а Борис Львович в ответ на нефритовый жезл посылает. А если хам «Камасутру» не читал и не знает, где этот жезл находится, то Борис Львович и показать может.

Такая вот интересная личность мой бывший друг Борис Львович. Почему бывший? А он, как этот рассказик прочитал, сразу и меня на нефритовый стержень послал. Но я не обиделся. В России у всех писателей жизнь сложной была, не только у меня. Толстой вообще уже умер, Чехов тоже… А Борис Львович меня, надеюсь, простит и оградку мне потом скуёт. Или нож, рыбу резать. Он ведь не может, не куя…

Илья КРИШТУЛ ►

▼ ПРО БОРИСА ЕВГЕНЬЕВИЧА (рассказик)

Путин побывал на Байкале, пометил рыбку, посетил оптико-электронный колледж, съездил в музей археологии и в обсерваторию, поговорил со студентами, встретился с тренером по дзюдо и с космонавтами, но кризис не закончился. Тогда он поздравил работников ЖКХ с их праздником, вручил кому-то ордена, проверил олимпийские стройки, покатался на ракетном крейсере, сфотографировался со школьниками, пообщался с учителями и врачами, пообещал увеличить им зарплату… Не помогло, а ведь он и Патриарху по телефону звонил, и Саркози, и Назарбаеву. Ну уж когда он детский дом посетил, кино посмотрел, денег голодающим Африки выделил и на выставку сходил, все решили, что всё, конец кризису. Но стало ещё хуже, и за дело взялся Медведев. Он слетал в Данию, вернулся, пообщался по интернету с народом, посетил хлебобулочный комбинат, поговорил с Берлускони, поругался с Лукашенко, провёл двухстороннюю встречу с Обамой, погулял по Киеву и встретился с лидерами думских фракций. Кризис не прошёл, и Медведев решил помирить корейцев с корейцами, а евреев с арабами, потом опять с Берлускони поговорил и с Меркель на всякий случай, слетал на Селигер, сходил на футбол, дал ещё денег голодающим Африки и поздравил с днём рождения какого-то артиста. Безрезультатно, и над страной нависла угроза голода. Тогда Медведев пошёл на крайние меры – пересчитал призывников, побывал в детском оздоровительном лагере, покушал там, похвалил поваров, обсудил ценообразование, слетал в Ереван, даже милицию в полицию переименовал, но… Страна медленно сползала в финансовую пропасть. Пришлось звать Бориса Евгеньевича. Борис Евгеньевич приехал на метро, но с мигалкой - кому-то чего-то вставил, на кого-то наорал, артиста этого, именинника, наконец, выгнал, Обаму обозвал нехорошо, праздник работников ЖКХ отменил, деньги у голодающих Африки отобрал и голодающим России раздал, двух чиновников, которых на взятке поймали, велел расстрелять прямо у «Детского мира», с Берлускони разговаривать не стал и работать начал. И экономистов с банкирами из телевизора вытащил и тоже работать заставил. А самых работящих людей страны, депутатов, послал в Брянскую область дорогу строить. Пришлось, правда, им немного бюджетных денег дать, но когда они там, в брянских лесах, эти деньги пилить начнут, может, не все и вернутся. Всё облегчение для России. Кризис ещё пару дней пошатался по стране да и свалил куда-то, чуть ли не в Сомали, его там всё равно не заметят. Тут и Медведев откуда-то вернулся, и Путин с дня рождения какого-то мирового лидера. Поблагодарили Бориса Евгеньевича и домой отправили. Опять на метро, но уже без мигалки. И вот едет Борис Евгеньевич куда-то в сторону Зеленограда, думает, как его жена встретит, он же её не предупредил, что уехал на три дня Россию спасать, но тут поезд прямо в туннеле затормозил, двери открылись и люди в штатском из темноты в вагон зашли. Борис Евгеньевич всё понял и навстречу им поднялся. Обступили люди в штатском Бориса Евгеньевича, запричитали - так, мол, и так, слёзно просим вас вернуться, страна горит, всё в дыму, ничего не видно, даже коррупции. Рассказали, что Путин уже и офис Газпрома посетил, и с байкерами покатался, и Шевчука не узнал, но всё, что горело, ещё больше разгорелось. Медведев тоже работает – поддержал высшее образование, потребовал оздоровить экономику и социальную сферу, представителей регионов выслушал, гречку в магазине купил… Всё равно горит. И не только страна – депутаты в Брянской области задыхаться начали! А они ведь даже к строительству дороги не приступили! Делать нечего, вернулся Борис Евгеньевич в Кремль, пожарных вызвал, МЧС, лесников разбудил, кто не в отпуске и тушить потихоньку начали. Кто водичкой, кто песочком, а там и дождики пошли. Неожиданно и Путин из Якутии вернулся, и Медведев со встречи с лидерами религиозных объединений, опять поблагодарили Бориса Евгеньевича, руку пожали и отпустили. Намекнули, правда, что в 2018 году надо чемпионат мира по футболу выиграть, а до этого ещё Олимпиада в Сочи, а майя с ацтеками что-то про конец света говорят, и Лукашенко тут ещё, в общем, дел много. Кивнул Борис Евгеньевич и поехал опять в сторону Зеленограда, к жене своей. Но обещал вернуться, если совсем тяжко будет.



Вот такой человек Борис Евгеньевич. Настоящий русский богатырь семи пядей во лбу.

Жаль, что он не существует и всё приходится делать самим.

.

Консервант ПОРОГОВ ►

▼ «МУРАВЕЙНИК» ДЕСЯТОВА (опыт комментированного прочтения)

Зачем читать «Муравейник» сегодня

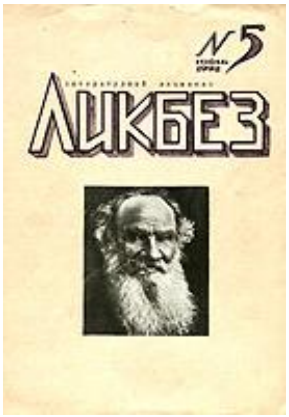
Прошло едва ли не 20 лет после написания и опубликования рассказа В.Десятова «Муравейник». За это время сменилась эпоха – и не только литературная. А, пожалуй, что и не одна! Колесо Сансары сделало свой полуоборот – и вновь вынесло «Муравейник» на передний план литературной жизни. Сейчас уже можно вспоминать начало 90-х без раздражения и обиды. Сейчас уже можно видеть в текстах, написанных тогда, не фельетонное, но вневременное начало. Да и пора уже кодифицировать созданное! «Муравейник» для этого идеален. Во-первых, он весь – о жизни начала 90-х (хотя фельетонным описанием этой жизни и не исчерпывается). Во-вторых, он, будучи написанным молодым человеком, стоящим на жизненном распутье (см. об этом ниже), этот рассказ сохраняет ценность не только и не столько как факт эпохи, сколько как прекрасное воплощение сомнений и переживаний этого этапа, этапа окончательного взросления. Этот этап проходит каждый (такое ощущение, что люди нашего поколения только-только, к 40 годам, его завершают). Давайте же посмотрим, как это все происходило в чрезвычайно бурное, веселое время!

Контекст написания

Начало 1991 года было для автора временем благополучным и судьбоносным одновременно (сочетание нечастое). Он учился на 4 курсе филологического факультета Алтайского государственного университета, активно пробовал себя в науке, его стихи и полемические заметки широко печатались и находили читателя… Шла веселая, при этом напряженная борьба литературных группировок – Группы имени Ивана Андреича-дедушки Крылова (ГРИАДКА), которую составляли В.Десятов, М.Гундарин, И.Обмокни и Эпицентра российского авангардизма (ЭРА). Отголоски этой борьбы видны в «Муравейнике». При этом мы наблюдаем, как у 23-летнего юноши складываются коренные, уже взрослые (навсегда!) представления о жизни, как он переживает разочарования и «смену вех». Касается это а) отношений с возлюбленной б) выбора предназначения/призвания в профессиональном плане в) социальных отношений (романтическое аутсайдерство по отношению к официозу – и жажда «муравейной» коммунитарности, объединения с себе подобными).

Не стоит забывать и о тех процессах, которые меньше, чем через год приведут к гибели советской цивилизации. Можно сказать, что с этой точки зрения, мы присутствуем при моменте «девятого вала» - волна уже нависает, и скоро от мира героя-персонажа ничего не останется… Через год «Муравейник» был бы совсем другим.

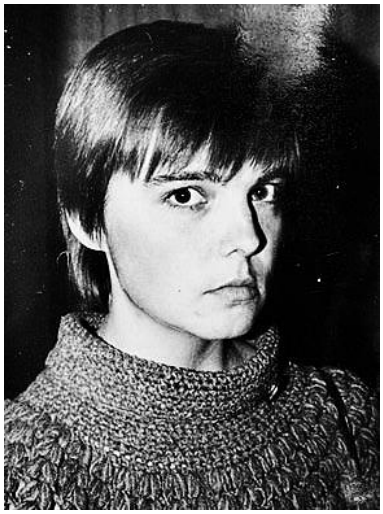
Персонажи



Современные читатели понимали рассказ исключительно в жанре «романа с ключом» (благо, в конце 80-х вышло сразу несколько таких вещей, причем посвященных именно литературному миру – вроде «Козлиной песни» К.Вагинова, «Сумасшедшего корабля» О.Форш и т.п.). Между тем, персонажи только формально соотнесены с действующими лицами тогдашней литературы. Скорее, можно говорить о тяготении персонажного строя к притчевости, если не сказать басенности – мы наблюдаем Истинного Поэта (Пуэтин), Поэта-Пошляка (Веников), неверную возлюбленную (Лаура) и т.д. Исходя из этого мы склонны видеть в «Муравейнике» скорее «роман воспитания» (о чем много будет сказано в комментариях). Поэтому в комментарии раскрываются не столько прототипы (повторюсь, их так именовать некорректно), сколько «отправные фигуры» этой притчи-исповеди. Любопытно также, что некоторые из них, став персонажами «Муравейника» кардинальным образом изменились – например, Карнегин-Корнюгин. Но не стоит забывать, что Пуэтин – это конечно, alter ego автора, его любимый лирический герой… И это объясняет многое!

Вячеслав ДЕСЯТОВ ►

▼ МУРАВЕЙНИК[A] (рассказ)



Случилось так, что в Городе[1] жили одновременно сразу две поэтессы с одинаковой фамилией – Коленковы[2]. Стихами одной из них многие восторгались и воспламенялись[B], однако указанная игра природы вносила в эти восторги некоторую сумятицу и неразбериху. В конце концов, любимица городских читателей решила устранить досадную энантиосемию[3], чтобы как-то оттенить собственное лицо. Пуэтин[4] тогда подсказал ей простой и удобный способ: «Назовитесь одна – Правоколенковой, а другая – Левоколенковой», но та возразила, что в условиях нервозности и политизации общества[5] это могут неправильно понять, и разрешила проблему еще проще: добавила к своей фамилии частицу «не», став *Неколенковой*. «Молодец, - подумал Пуэтин, снимая с подбородка индийским лезвием «Erasmic»[6] мыльную пену: Скромно и со вкусом. А, главное, теперь всем ясно, кто есть кто. Не то что вот с этим, например, лезвием – ну что еще за «Эразмик»? Привычная к черному юмору память выхватила из темноты газетную статью, в которой доказывалось, что первым человеком, погибшим от СПИДа[7] был – Эразм Роттердамский. Ку-ку. Эразмик. Привет из солнечного Бомбея.

Наодеколонившись, Пуэтин с утра пораньше отправился в гости к своему приятелю Е.Веникову[8]. Е.Веников был известен как: последний ратгауз и бастион русской поэзии, подающий надежды шоумен (иль, что то же, представитель экстенсивного гнозиса), а кроме того, мог бы стать еще и идеальным жителем популярного Ибанска. Жалобно-заунывные творения Веникова уравновешивались, с другой стороны, его преклонением перед идеалом героической личности настоящего мужчины. По стенам вениковской комнаты были развешены транспаранты, утверждавшие Символ Веры и Категорический Императив хозяина: «Ницше – это наше все!», «Учение Ницше бессмертно, потому что оно верно!» и т.д. Из книжек Ницше Веников особенно ценил «Заратустру», а в нем больше всего две главы: «О старых и новых скрижалях» и «О старых и молодых бабенках». На квартиру к Вениковым даже приходили менты. Искали свастику. Думали – организация. Никакой свастики, естественно, не нашли, забрали «Камасутру» и ушли[9]. С того дня Веников возлюбил Сахарова с Солженицыным и засобирался в Торонто[10].

Пуэтин вошел в темный вонючий подъезд, поднялся, позвонил. Ерофей оказался дома.

- Пароль? – донеслось из-за двери.

- Мой Веник в углу[11], - сказал Пуэтин[C].

- Я забыл свой зонтик, отозвался довольный Ерофей и щелкнул замком. – Хочешь узнать «десятку» лучших русских романов?[12]

- Давай.

Ерофей стал зачитывать, а Пуэтин послушно загибать пальцы:

- «Евгений Онегин», «Герой нашего времени», «Бесы», «Война и мир», «Мастер и Маргарита», «Мы», «Санин», «Дар», «Русская красавица».

- А где же десятый?

- Десятый пишу сейчас я, - важно ответил Ерофей. – Он будет называться «Женщины и Человек»[D]. Вот, думаю, буду публиковать, так не взять ли себе, как полагается, псевдоним? Скажем, Ерофей Букетов. Как тебе? У меня, знаешь, в последнее время какое-то мистическое отношение к букве «Б». В русской литературе эта буква приносит успех. Вот сам посуди – сколько у нас гениев на «Б»[13]: Блок, Брюсов, Бальмонт, Бунин, Бубнов, Бугаев-Белый, оба Булгакова, Бердяев, Бахтин, потом Бродский… БГ, наконец!

Пуэтин согласно покачал головой:

- Плюс еще Булгарин, Буренин, Бурлюки, Билль-Белоцерковский, Бонч-Бруевич, Брехо-Борщов[14], Бронтой Бедюров[15]…

На лице Веникова-Букетова отразилось плохо скрытое разочарование, и он попытался перевести разговор на другую тему:

- Перечитывал я на днях Сократа… Ох, и башковитый мужик все-таки был!..

Но Пуэтин вернулся к обсуждению ерофеевского псевдонима:

- А тебе не кажется, кстати, что Е.Букетов – это как-то… не совсем благозвучно?

- Ну это не страшно! Я ведь могу подписываться Ер.Букетов – нашелся Ерофей.

- Вот еще! Ер.Букетов – ведь это почти Хер Рувимов! – с театральным негодованием воскликнул, вставая, Пуэтин: Не пойдет!

- А что ты скажешь о таком варианте: Ерофей Венчиков? [E]

- Скажу, что это пахнет Исусиком из «12-ти». Но у меня тоже есть для тебя хорошая идея: Ерофей Веничков. Очень мило и живо напоминает Веничку Ерофеева. В общем, поразмысли. Подлинное имя – это половина успеха, да-с, это магически свернутый миф[16], - сказал Пуэтин, проходя по извилистым коридорам вениковской квартиры: С именами надо жить дружно. Пока!

Выйдя от Веникова, Пуэтин решил завернуть к Микки, своему старому товарищу[17]. В литературных салонах города они часто появлялись вместе, и их закадычный «пуэтический» дуэт был всем хорошо знаком[F]. Микки Пиитов (он же – Разнуздай-Взыграйло; настоящая фамилия – Подъелдыкин) первую часть своего основного псевдонима принял в честь Спиллейна, а вторую – дабы внушить к своим писаниям, появляющимся время от времени в «Пистоне», должный пиетет. Однако, несмотря на постмодернистские претензии, гонорары двух друзей были так же страшно далеки от спиллейновских, как и их сочинения – от народа. Пуэтин с улыбкой вспомнил последнюю их отчаянную попытку озолотиться.[18] До недавнего времени в городской прессе правил клан свирепых «почвенников», все киоски были завалены их сугубым изданием «Кривая печь»[19], и вдруг откуда ни возьмись объявилась газетка явно либерально-западнического толка под названием «Фри уорлд». Там были такие, например, рубрики, как «Политический анекдот», «Плейбой», «Мэйк ё мани» и т.д., а спонсором газетки выступала некая фирма АРА-ЭСС, за лучшую читательскую рекламу коей обещалось вознаграждение в тыщу рублев. Так и не поняв, что это за фирма и какую продукцию она, собственно, выпускает, друзья, тем не менее, решили принять участие в конкурсе и горячо взялись, шатаясь по Городу, за дело. Через полтора часа цикл «Бедность» (название для внутреннего пользования)[G] был готов. Он состоял из семи дифирамбов:

1.1
Что Бермуды и Лох-Несс!
Среди всех земных чудес
Самый острый интерес
Вызывает АРА-ЭСС!

1.2
Нам не надо, ГРЭС, АЭС –
Подавай нам АРА-ЭСС!

1.3
Гарантируют прогресс
Аргументы АРА-ЭСС!

1.4 Уголок плейбоя
Скидовай лаптя и дрэсс!
Шанс твой, Дунька, - в АРА-ЭСС!

1.5
Лишь неслыханный балбес
НЕ слыхал про АРА-ЭСС!

1.6
Анекдот от АРА-ЭСС –
Это просто энурез!

1.7
- Ты поклонник АРА-ЭСС?
- Несомненно.
- Маладеэс!

Редакция газеты не оценила сказочного остроумия цикла и не перечислила своим апологетам ни гроша. «Вопиюще», - резюмировал бы автор «Дурацкой школы». «Когда же придет настоящий день?» - вздыхал Пиитов. Однако эта акция имела позже несколько неожиданный для Пуэтина резонанс. В межвузовской многотиражке он как-то тиснул экзегетическую статью с неброским названием «Слова о Боге» (просто и со вкусом). А через пару

недель к нему подошел огромный огненноусый редактор (похожий на рыжего термита), который размахивал на ходу листком с какими-то каракулями. Листок оказался изданием армян-идеалистов: на первой его полосе красовался Католикос всея Армении, а на последней – его, Пуэтина, портрет и статья на самом что ни на есть армянском языке. Гонорар, впрочем, где-то затерялся, и Путин остался, что называется, при ереванском интересе («вызывает интэрэс»), ломая голову, откуда бы ему взяться. «Я, конечно, потомок грузинских князей, - размышлял Пуэтин, но ведь не армянских же!!!» Лишь потом в голове у него установилась загадочная, но несомненная связь меж акцией-рекламой и его закавказской популярностью. «Вот, за рубежом издали, - хвастался он, показывая листок однокурсникам: Читайте, мол, завидуйте… (Я – армянин?)[20]

Когда Пуэтин вошел в комнату Микки, тот сидел, наморщив лоб, над томом Сервантеса.

- Откуда ты, прелестное дитя? – не особо приветливо осведомился Пиитов.

- Да, кстати, прямиком от Веникова.

- Да? И как там Ерофей?

- Он, знаешь ли, увлекся мистикой. Изучает сакральнохтоническую символику буквы «Б».

- Да ты что?

- Ей-Богу. Сидит голый посреди комнаты на стуле и наяривает на баяне психоделику. Погружается в астральный мир. А на левой груди – профиль Белого, а на правой – Бальмонта анфас[21]. Что это ты в Сервантеса ударился?[Н]

- Да вот ищу в «Дон-Кихоте» цитаты из своих сочинений, - неохотно буркнул Микки[22].

- Из своих? И как успехи?

Микки вздохнул:

- Неутешительные. Во всем первом томе только четыре цитации, да и то одна из них сомнительная. Но зато остальные три – совершенно неоспоримы.

- Ты что мстишь мне за стилизованного Ерофея?!

Глаза Микки вспыхнули:

- Ничуть не бывало! Но разве ты не читал знаменитой статьи «Смерть автора»? Ведь это переворот, начало новой эпохи!.. – Лихорадочно забормотал он: Автор умер, следовательно – все позволено!!! Все позволено, понимаешь ли ты это?! – Очки Микки хищно заблестели, а взор закипел столь мрачным восторгом, что у Пуэтина мурашки поползли по спине.

- Ну-ну, Микки, не преувеличивай, - сказал он: У меня, например, наоборот, такое чувство, что ничего не происходит и долго еще не произойдет.

- Ничего не происходить не может – по законам природы, - наставительно сказал Пиитов уже совершенно спокойно: Нет, тут дело в другом, дело в том, что *происходит ничего*. И *ничего* будет происходить до тех пор, пока мы не превратимся в ничто.

- А пока этого не случилось – поехали в универ.

- Сегодня я пас… Новеллка одна вертится… Боюсь расплескать.

- Тогда до скорого, - поднялся Пуэтин.

Покачиваясь на автобусном сиденье, проплывал Пуэтин мимо длиннейшего хвоста граждан, желающих попасть на экспозицию картин художника-концептуалиста Хера (вариант Херера) Рувимова. Особую любовь зрителей, как отмечалось в городской газете, снискали его полотна «Байрон на судне» и «Илья-Муромец на Сильвии Кристель».

На газонах начинала пробиваться травка-муравка; по тротуарам шибко сновали туда-сюда пешеходы, нагруженные разным барахлишком: кто тащил сетку, кто рюкзачок, кто чемодан или досточку… На дороге в глубокой луже застряла легковушка, и несколько человек суетливо облепили ее, пытаясь сдвинуть с места… «Если взглянуть на Город с высоты, он, наверное, являет собой картину строго организованной и вполне разумной жизни, - пришло в голову Пуэтина глубокомысленное рассуждение, - а, между тем, каждый отдельно взятый индивид видит не дальше собственного носа». Он закрыл глаза и, подумав, что увидит сегодня Лауру, стал прокручивать в голове варианты некоего финального монолога, который, как он, впрочем, знал, никогда не будет произнесен. В каждом таком варианте была своя коронная фраза – от «Если бы я мог любить, не требуя любви от

тебя…»[23] до «Не в коня корм». Трехлетнюю историю взаимоотношений Пуэтина с Лаурой можно было бы назвать эпопеей «Освобождение». Но и теперь, когда она была, как ему казалось, близка к развязке, он все еще не мог посмотреть на ситуацию со стороны. Три года опьянялся он чувствами к Даме своего сердца, а она… ей впору было возглавить какое-нибудь Общество Тотальной Трезвости. Когда Пуэтин узнал, что Лаура вышла замуж, он поставил перед собой бутыль с вином и, потягивая из нее, стал писать *серену*. Начало получилось вполне оригинальным:

Чем больше женщину мы любим,
Тем меньше нравимся мы ей.

Затем он прибавил:

И тем себя вернее губим.

Подумал чуть-чуть, пропустил еще добрый глоток и неожиданно закончил:

Вот так. А Сталин был злодей[24].

Мужа Лауры, Эллиса Хавелоковича[I] Кобыллинского[25] – «блондина во всем» - Пуэтин окрестил почему-то (но явно не из любви к аллитерации) Хазбэндом Кобзоновичем Кабыздохом. Вообще ни в чем не повинному малому досталось порядком: коршуном налетал Пуэтин в своих стихотворениях на удачливого «лауреата», а одному разоблачительному стихотворению прямо дал, руководствуясь высокими образцами, торжественное заглавие: «Товарищу Кабыздоху, гондоле и канонерке». Спас беднягу только неожиданный творческий криз, постигший Пуэтина. Застопорились вдруг и проза, и стихи, бесследно пропала интуиция. Еще вчера, бывало-то, гоголем усаживался он за стол и, настрочив очередную филлипику против мещан, накопителей, приспособленцев («Як вам не соромно!..») и всех прочих, кто так или иначе – в калошах и без калош – громоздился на бабочку сердца Пуэтина, публиковал ее в «Так говорил Занауку»[26] или другом шикарном издании, а теперь?.. Пуэтин почувствовал себя безоружным и беззащитным и опечалился настолько, что возобновил визиты к давно позабытой им Путанке (ударение заграничное) – эффектной блондинке, учившейся на дантистку. Она была смазлива, и даже очень, но чего-то в ней не было – хрупкости? загадочности? – а шарм ее был слишком откровенно-сексуальным, слишком «бьющим в нос»[27] (ударим «Бурдой моден» по морде буден!), что и оскорбляло дух Путанина… м-м, пардон, Пуэтина[28]. Его коробила ее прямота и профессиональная бесцеремонность, о откровения ее клинического остроумия (типа «Конец – телу венец») частенько вгоняли мечтательного юношу в краску. Первоначально ему еще хотелось изображать из себя Пьеро, в голову лезли куплеты, наподобие:

Зачем к тебе пришел я ночью,
Стихи читая и любя?
Во мне таланта на две строчки,
В тебе любви на три рубля,

- но вскоре он стал ироничнее и суше, и беспристрастно констатировал, что

Серены отброшены смело,
И мы постигаем в тиши
Поэзию женского тела
И прозу женской души.

Как бы там ни было, общество всегда веселой и жизнерадостной Путанки помогло ему пережить черные дни и спокойнее взглянуть на фиаско своей затеи с Лаурой.

Автобус тряхнуло, и Пуэтин заметил, что чуть не проехал свою остановку. В дверях университета он столкнулся с N, юным ревнителем русской старины. [29]Настоящего его имени никто не знал: в недавнем прошлом он, будучи хардовым американоманом, именовал себя Карнегиным (в честь своего любимого философа) и писал вместо «общество» - «социум», а ныне, резко сменив пристрастия, стал вдруг подписываться как *Корнюгин*. Впрочем, Пуэтин находил эту метаморфозу вполне закономерной, ибо в фамилии «Карнегин» ему с самого начала мерещился некий славянский корешок – нечто вроде помеси Каренина с Онегиным.[30]

- Слушай, сказал Пуэтин, вспомнив только что виденную из окна автобуса афишу, - ты не в курсе, что за фильм «Ахейская трахея»?

- В курсе, - сморщился Корнюгин. – Вчера черт занес. Лучше не ходи – сраму не оберешься. Эротическая комедия по мотивам «Илиады».

- А чья?

- Американская, причем явно на экспорт – для «стран третьего Рима» (это им еще зачтется). «Постмодернизм». Хотя постным там и не пахнет! В общем – архимыло. А как тебе выставка Хера Рувимова?

- Жестокий талант.

- Именно, - Корнюгин сплюнул. – И масон к тому же. Рувимов! Помнишь «Улисса»? Ну да Бог с ним. Как поживаешь-то, все своим Заэвфратским[31], небось, занимаешься?

- Нет. Перехожу на Заяицкого[32].

Издалека приветственно махнул им рукой Талдыкин (пожизненный поэтический соперник Подъелдыкина)[33], который сейчас переживал временный спад своей нахрапистой активности. Поэтическую карьеру он начинал радикальным «бесформистом», затем, через декаданс, эволюционировал в сторону «дезинформизма», но, по мере того, как ум его растрачивал девственную чистоту, постепенно пропадали и талдыкинская самоуверенность и экспансивность, а после злополучных роковых «яиц» он и вовсе оказался в каком-то полуподвешенном состоянии – не в начале, не в центре, и даже не в самом хвосте. Словом, сейчас Талдыкин, как таковой, уже (но и пока!) не представлял для Микки серьезной опасности. Пуэтин сделал ему в ответ ручкой и в то же мгновение поймал на себе глубокий женский взгляд с искусной паволокой. Эти взгляды он стал замечать с той поры, как обнародовал свою поэму «Дряхлой стезей», в которой с неуклюжей грациозностью проповедовал «счастливую любовь»: стучите, мол, и вам откроют. Это привело к *такому*, чего он никак не ожидал: главу его увенчали лавры провинциального кумира, а молоденькие поклонницы, восприняв его безответственную болтовню как руководство к действию, обрушили на него шквал томных взглядов, вздохов и надушенных писем.

Поднимаясь на свой этаж, Пуэтин кивнул эзотерическому городскому поэту Ихтиандру Обмокни (никто не догадывался, что это стоит именно он)[34]. С ним разговаривал Игорь Сизов, абсурдный человек[35]. Это была личность, быть может, еще более таинственная и непредсказуемая. Начать с того, что уже детские годы Игорь провел в какой-то загадочной *Куете* (Пуэтин много раз пытался узнать, что это такое, но всегда безуспешно). По окончании консерватории Игорь неожиданно начал писать стихи (под псевдонимом «О'Куета») и принял активное участие в городской литературной жизни. Он вносил в нее революционный элемент: усиленно подбивал молодежь к мятежу против стариков, намекая, что он сам вполне мог бы возглавить городскую писательскую организацию. Роль поэта и революционера постепенно переросла у него в амплуа пророка: он ходил по городу в рубище на голое тело, кожаном ошейнике и с громадным крестом на молодецкой груди, предвещая скорый конец света. Используя свое музыкальное образование, он распевал на улицах под губную гармошку или под комуз:

Солнце близится к притину[J],
Слышно веянье конца,
Но отрадно будет сыну
В доме Нежного Отца!

Оп, стоп, дри-ца-ца,
В доме Нежного Отца!

В тот период в квартире у него жил огромный, величиной с доброго баргамота, кот под псевдонимом «Якоб Бёме». Но столь же неожиданно Сизов вдруг выгнал котяру, поставил крест на своих прежних увлечениях и всерьез занялся литературоведением. Теперь о нем говорили: ученый малый, но педант. Однако Игорь, в кратчайший срок защитив диссертацию, на одной из международных конференций разгромил наголову своих зарубежных коллег. Благодарный народ сложил о нем хвалебную

ПЕСНЮ О ВЕЩЕМ ИГОРЕ

Как все ихнии ребята -
даррида да срамота!
А все наши-то ребята -
Потебня и Куета!

И далее в подобном духе. Куплетов было много, а припев урезывался обычно такой:

Красота! Ляпота!
Мы везем с собой кота!
Ого-го, кулькутта!
Мурка с Васькой занята!
Только Васька-сирота -
Эх, эх, без хвоста!
Неспроста!

Теперь Игорь только что вернулся из Марбурга, где изучал немецкую философию. Когда Пуэтин поравнялся с разговаривающими, Сизов ему вдруг заговорщицки подмигнул. От неожиданности Пуэтин невольно подмигнул ему в ответ.

На своем этаже Пуэтин узнал, что по случаю Дня Науки занятия отменяются, а вместо лекций будет прочитан доклад докторши Пумпянской «Шукшин и Роб-Грийе». Лауры нигде не было видно. Усевшись на свободную последнюю парту, он изготовился слушать, но ничего не мог разобрать, потому что из-за стены неслось непрерывное «бу-бу-бу-бу-бу»: там тусовались комми. Кое-как дождавшись перерыва, Пуэтин выскользнул из аудитории. «Эх, завалюсь сейчас на диван и буду перечитывать свои любимые книжки «Песнь о раке», «Тропическая марка» и «Египетский козел»[36], - так или примерно так можно было б выразить затеплившееся у него смутное желание. Тут его окликнул Ваг*и*нов[37], давний его знакомый. В отличие от своего знаменитого полутезки, Вагинов уже не ходил по рынкам, раздвигая тростью, в поисках безвкусицы и порнографии, старую рухлядь. Нет, этот эстет собирал исключительно кассеты с порнофильмами. Дело это требовало от него немалого усердия и энергии. И то сказать – достать пленку с крутой лентой Пазолини или Маковеева[38] было в Городе несравненно труднее, чем полувеком раньше приобрести, скажем, коврик «Венера и Адонис», выдержанный в стиле армейской, а-ля Барков, фривольности. Усугублял страдания молодого Вагинова недавний Правительственный Указ, но несмотря ни на что, он не падал духом.

- Привет, сказал он Пуэтину. Ты уже видел «Ахейскую трахею»?

- Еще нет.

- Привет! Беги скорей! Совершенно бесподобный фильм! – усики Вагинова восторженно топорщились.

«Елена Прекрасная… - ахейская трахея? – краем сознания соображал Пуэтин. – Это уж действительно… что-то бесподобное…»

- Что еще хорошего советуешь посмотреть? – спросил он. Вагинов служил всем своим знакомым ходячим видеокомпасом[39].

- В салоне имени Александры Колонтай[К] – эротический фильм ужасов «Жар, пар и кошмар». Но это на любителя – мрачно. Об остальном и говорить не стоит – ерунда. А если хочешь успеть на «Трахею» - иди прямо сейчас, пока билеты есть…

- Убедил, - сказал Пуэтин.

Но в кино он не пошел, не было настроения. Почувствовал себя внезапно слегка усталым и пошел домой.

Стоило ему переступить порог квартиры, разразился ехидной трелью телефон.

- Да, - снял он трубку.

- Я вам звоню – чего же боле? – кокетливо осведомился капризный женский голосок.

- Боле – ничего, - вздохнув, ответил Пуэтин, цитируя шутку университетской преподавательницы, которая была знаменита в Городе тем, что сфотографировалась в следе ноги Иосифа Бродского, и положил трубку.

Пообедав и опустившись на диван, он уже потянулся было за «Египетским козлом», но тут взгляд упал на его собственный, только что вышедший роман, и Пуэтин не удержался от соблазна вновь его перелистать. С изданием этой книжки автору явно повезло: она вышла через месяц после написания. Сначала Пуэтин имел наглость пробовать пихнуть ее по официальным каналам: отнес рукопись Коленковой, имевшей лапу в «Кривой печи», но «кряжмэны»[40] (как добродушно величал их Пиитов) с порога роман отвергли, заявив, что это «циничное глумление над всем и всям». Благодарить за помощь Пуэтину пришлось не Коленкову, а Неколенкову, которая, случайно прочтя рукопись, рекомендовала ее Леониду (Лёне) Викторовичу Ревышину, чья энергия и идеи «соборности» сплотили здоровые городские литературные силы на базе выпуска самопальных сборников прозы и поэзии молодых. Презентация каждого такого сборника на фоне вялотекущей культурной жизни Города[41] неизменно становилась *событием[42]*.

Больше всего Пуэтин промучился над заглавием романа. Он перебрал массу названий (например, «Роза имен», «Чехарда», «Самозванный пуппенмейстер», «Охломоны как они есть», «Я пришел дать вам имя», «Рауль и Лаура») и остановился, наконец, на варианте «Жмурки». Однако при перепечатке произошло какое-то

недоразумение, и когда Пуэтин взял в руки готовую книгу, то увидел на обложке крупно набранное заглавие, принявшее, по иронии судьбы, следующий вид: «*Жмурики*»[43].

Открыв первую страницу «Жмуриков», он прочел начало романа, представлявшее «поток сознания» главного героя: «Гомер, Ронсар, Гёте, По, Гумилев… Неплохая кампания. Она сделала бы честь и не такому щелкоперу, как я…»[44] Что это за кампания, и по какому принципу она скомпонована нам, впрочем, уже не узнать, потому что Пуэтин начал вдруг быстро листать книгу, выхватывая отдельные фразы: «Мир состоит из дураков, которые делятся на два разряда: дураки в положительном смысле и дураки в отрицательном. Так вы, похоже, из второй категории…» (фр-р-р) «*Слово об Эль*[45]: Мы, созданные по образцу Божию, одаренные его властию и созданные по его воле, могущественнейшим и сильнейшим Именем Бога, *Эль*, весьма дивным, вас заклинаем…» («Это еще что такое?» - успел удивиться Пуэтин, но тут же потерял страницу.) «Вы ищете мотивов: глупость или расчетливость? Как?! – фальшиво поразился бы базельский забияка. – Разве это не одно и то же?» (фр-р-р). «Придя с работы Хазбэнд (тут Пуэтин притормозил), как обычно прослушал три своих любимых песни «Yesterday», «Satisfaction» и «Апокапокапокамушкам» - сел за ужин, приготовленный Лаурой. Поделились новостями дня, поговорили об обязанностях.

- А не купить ли нам видик? – сказал Хазбэнд, дожевывая сосиску. – Мне сегодня на работе предлагали.

- Повременим, скоро должны появиться германские, они надежнее, - ответила Лаура, как и подобает потенциальной главе ОТТ.

Затем Хазбэнд помыл посуду и повернулся к жене.

- Ай вонт ю, - на деликатно-нерусском сказал он и по-бычьи наклонил голову в фирменной кепочке «Хоп-хоп».

Далее знает любой; уснули усталые вместе[46]».

«Сурово, - вздохнул Пуэтин. – можно было обойтись и без этой лермонтовской желчи». Он открыл последнюю страницу книги. «…в конце концов Лаура развелась-таки со своим Хазбэндом и вышла за него замуж. Пожалуй, они были даже и счастливы. Живы они и до сих пор. Больше того: у меня есть все основания полагать, что они вообще никогда не умрут. Это следует понимать в самом прямом смысле. Вы удивлены? Нисколько? Я рад, что это не показалось вам странным», - такими словами заканчивался роман[47].

Пуэтин посмотрел в окно: начинало смеркаться. День завершался точно так же, как все остальные; пространство и время на базе темных отношений в очередной раз произвели пустоту. «Как ни суетись, - подумал Пуэтин, - все равно случится то, что ничего не случится – так, наверное, выразился бы Микки. Пора спать. Быть может, завтра все-таки что-то изменится».

* * * * *

Но изменения в жизни наших героев произошли позднее. Некоторые из них можно было предугадать, другие оказались неожиданными.

Путанка вышла замуж за кооператора.

Корнюгин стал известным культурологом.

Пиитов – маститым писателем, законодателем местных литературных мод.

Вагинов сделался, как ему и предсказывали друзья, магнатом городской секс-индустрии; потом, во время застоя[48], сидел, а отсидев положенный срок, был реабилитирован и восстановлен в имущественных правах, так что закат свой провел в неге и роскоши.

Веников защитил по Ницше кандидатскую диссертацию, чего от него никто не ожидал, а меньше всех – сам Ерофей. Сознание бедняги не выдержало такого стресса и помутилось, в поведении появились заметные черты мегаломании. В письмах друзьям, например, он стал подписываться «Прометей», а над своей входной дверью повесил табличку, которая гласила:

Прохожий!
Чтоб мог ты свой жевать кусок
Со всеми «страждущими» вместе,
Здесь умирает чистый Бог,
И вряд ли этот Бог воскреснет.

Врачи занялись «чистым Боком». «Скажите, пожалуйста, - осторожно спрашивал у него тихим голосом щупленький доктор с очками на маленьком носу, - вам никогда не казалось, что вы Наполеон?»

- «Да, конечно! – вскричал внезапно озаренный Веников, - я – Наполеон! – Но тут же снова поник: Только не здесь. Здесь я никто: повелитель мух, апостол муравьев… Отпустите меня в Торонто!»

Ихтиандр Обмокни к несказанному удивлению горожанок… впрочем, о сем умолчим.

Талдыкинский звездный час совпал с началом застоя. Сразу после переворота он произнес обессмертившую его имя фразу: «Амикус Плато, сэд магис амика зарплата!» - И тиражи его книг затмили прежнюю пиитовскую популярность. Почти 15 лет он был придворным поэтом, брил череп и страшно вращал глазами. Но и зимним стужам приходит конец. Поколение «десятников»[49] не приняло творчества Талдыкина и сбросило его с парохода. Оскорбленный мэтр уехал в Комми АССР[L]. Так была разрешена вековая российская проблема. Последние приверженцы самого передового учения получили возможность строить Город Солнца в отдельно взятой губернии. Поначалу строительство велось на пожертвования россиян, но вскоре КАССР стала настоящей Меккой европейского туризма, так что правительство страны теперь нарадоваться не могло на этот бездонный источник валюты. Пришелся ко двору там и Талдыкин.

Сизов написал докторскую по философии. Казалось, что он повторяет путь Талдыкина, но… После упомянутого переворота и V-го Интернационала, он издал под псевдонимом «О'Куета» две монографии «О трех повреждениях духа» и «Факты против Фихте» - которые сразу же были подняты на щит официальной пропагандой. Что не удивительно. Удивительным оказалось то, что скандальные эти книжки тотчас вышли и на Западе, причем тоже бешеными, по тамошним понятиям, тиражами. Это уж, согласитесь, никак не объяснимо. Причем после этого они у нас были спустя два года строго-настрого запрещены.

Лаура всю жизнь провела с Хазбэндом.

Пуэтин женился на другой (примерно такой же) девушке. Несмотря на частые ссоры, они жили счастливо и умерли в один день. А на следующий день был изобретен Эликсир Жизни, и больше уже никто не умирал[50]

май, 1991

Консервант ПОРОГОВ ►

▼ Комментарий 2007 года

[1] Конечно, это обобщенный (по задумке автора, надо полагать, максимально обобщенный) населенный пункт, где живут представители всех времен и народов… Ср. с балладой М.Науменко «В уездном городе N», в которой происходит в принципе то же, что и в «Муравейнике» - персонажи ходят, встречаются друг с другом и разговаривают ни о чем… Вернее, КАК БЫ ни о чем…

[2] Вот истинный факт – в Барнауле живут и работают поэтессы Наталья Николенкова и Наталия Николенко! Персонаж, фигурирующий далее, подразумевает первую из них.

[3] Вот что важно знать в контексте рассказа об этом важном явлении. «Крайним проявлением дифференциации обобщенной семантики когната является энантиосемия - развитие противоположных значений в рамках одного корня. Так, общеслав. *вонь*, имевшее в древности «нейтральное» значение «запах», благодаря потенциальной возможности развития значения по шкале «хороший» - «плохой», получило в одних славянских языках (русском, болгарском) значение «дурной запах», в других (чешском, польском, словенском) - «приятный запах», сохранившись в сербско-хорватском в значении «запаха вообще» (Маркова Е.М. Типология конвергентно-дивергентных отношений единиц праславянского лексического фонда в русском языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, М., 2006). Поэтому дело тут не в префиксах лево/право …

[4] Именно так – «пуэт», а не «поэт» - говорил, по свидетельству И.Одоевцевой («На берегах Невы») Н.Гумилев, предмет тогдашних научных (думается, и не только) интересов В.Десятова.

[5] На самом деле, очень важно еще раз вспомнить окружающие автора и его рассказ события начала 1991 года - вроде усиливающегося процесса «разбегания» республик СССР, действий президента РФ Б.Н.Ельцина, отчаянного (с каждым днем – все более) сопротивления коммунистов… Прямо скажем, автор сочувствует не им! И тут стартует один из мотивов рассказа – отход от политики, отрицание этого суетного мира в пользу интеллектуально-мистического.

[6] Редкие – если не сказать последние - импортные товары доставлялись тогда еще по советским соглашениям и по советским ценам… Впрочем, автор-персонаж в силу своей молодости об этом задумывается мало, не задумывается и ныне – а вот протоинтекстуальность, присутствующая здесь, для него важна (что тогда, что теперь).

[7] Помимо еще одной топовой темы тогдашнего общественно-политического дискурса – «чумы XX века» - этот эпизод свидетельствует о некой неврастенической брезгливости персонажа.

[8] Прототип – Евгений Банников, поэт и друг юности главных персонажей. Ныне автор двух поэтических книг. Принцип придумывания фамилии персонажу вполне прозрачен - (банный) веник. Плюс несколько уничижительный тон, в котором о похождениях Евгения рассказывается далее. Автор завидовал, вот что! См. также топовых авторов того времени – Виктора и особенно Веничку Ерофеевых. Автор «Русской красавицы» и вовсе фигурирует в прозе своего соратника Евгения Попова как «колдун Ерофей».

[9] Аллюзия (в плане построения фразы) на рассказ М.Гундарина. Какой именно – забыл!

[10] Что было, то было! Тема эмиграции относилась в то время в числу актуальнейших для общественно-политического дискурса. Таким образом, это намерение уравнивает Веникова с перековавшейся Не-коленковой.

[11] См. на Л.Витгенштейна, использовавшего именно эту фразу для примера т.н. «высказываний о факте». («Логико-философский трактат»). Что, кстати, трактуется христианами-ортодоксами в качестве доказательства «богопротивности» современной философии (веник, как известно, и аксессуар нечистой силы). «Пароль» (по-французски просто «слово») вводит, т.о., сразу две темы, основные для рассказа – тему интеллектуальных поисков (избыточных, и не в том направлении – бесплодных), и тему чертовщины.

[12] Реальный факт из биографии В.Десятова и М.Гундарина – взаимная переписка с целью формирования топа русской прозы. Здесь представлен вариант этого топа, измененный в пользу «Русской красавицы» и «Санина», то есть, комически сниженный.

[13] Стоит помнить, что для Пуэтина чуть ли не половина названных авторов к гениям отнюдь не относятся и могут вполне пополнить второй список. Касается это, например, Брюсова…а то и Блока (которого В.Десятов, например, отвергал как антипода Гумилева, ср. ниже пренебрежительный отзыв «Исусик из «12-ти» - название поэмы также написано пренебрежительно!).

[14] Отголоски полемики литературных групп – «ГРИАДКи» и авангардисткой ЭРЫ (имеются в виду юные авангардисты Е.Борщов и А.Брехов, объединенный в такой вот тяни-толкай).

[15] Пример анти-героя другого пантеона – официозный представитель малой, алтайской литературы.

[16] Комическая аллюзия на известную формулу А.Ф.Лосева « миф - развёрнутое магическое имя»

[17] Еще один символический персонаж – с одной стороны, М.Гундарин (товарищ В.Десятова по литературной группе ГРИАДКа), с другой – Настоящий Литературный Друг (и даже в известном смысле Двойник, ср. чередование Пуэтин/Пиитов).

[18] Истинная правда! Конкурс проводила газета «Свободный Курс», АРАЭС – аббревиатура Алтайской региональной ассоциации экономического сотрудничества (или что-то в этом роде). Сочиненное М.Гундариным и В.Десятовым (фрагмент представлен в рассказе) так и не было послано в редакцию.

[19] Имеется в виду издание Алтайского отделения Союза писателей «Прямая речь», с которым (в лице отдельных деятелей) участники ГРИАДКи находилась в полемике.

[20] Комический вариант истинного происшествия с В.Десятовым.

[21] Цитата из бессмертного опуса И.Обмокни «Декадент в бане»

[22] Микки, понятно, не Пьер Менар – здесь (и далее) обозначен путь увлеченного до смешного чем-либо человека, забывающего обо всем на свете, который Пуэтин вынужден отвергнуть. Он с сожалением остается на этой земле!

[23] Цитата из Б.Гребенщикова. Интересно продолжение - «Если бы я не боялся и пел о своем».

[24] Цитата из поэмы В.Десятова. В поэме две заключительные строки выглядят куда более оптимистично: «Влюбленные не имут сраму // Вот так. А Сталин был злодей!».

[25] Эллис Хавелок – автор легендарной секс-книжки, Кобылинский (Эллис) – символист-эпигон. Оба объединены понятием «пошлость».

[26] Газета «За науку» Алтайского госуниверситета, в то время благосклонная к молодым литераторам.

[27] См. оригинальное название любимого фильма восьмидесятников – «Горчица бьет в нос» (в советском прокате «Укол зонтиком»).

[28] Вполне понятный соблазн – особенно для молодого человека – сделаться под стать окружающему миру. Но и его Пуэтин отвергает!

[29] Ну а это кто? Ха-ха-ха! Да кто ж, как ни основатель и редактор «Ликбеза» (существовавшего уже тогда, но не печатавшего ни В.Десятова, ни М.Гундарина) В.В.Корнев! Конечно, черты нашего главного редактора здесь комически искажены…

[30] Почти через 15 лет тема чередования этих фамилий была подхвачена М.Гундариным в повести «Анна Карнегина» (см. электронный «Ликбез» № 15 http://www.lik-bez.ru/archive/zine_number921/)

[31] Персонаж «Козлиной песни», «основанный» на Н.Гумилеве.

[32] Реальный литературный деятель 20-х годов XX века, Сергей Сергеевич. Написал ряд книг для юношества и детей в реалистических тонах. Главные из них: «Робин Гуд» (Гиз, 1925); «Стрелок Телль», комедия (Гиз, 1925); «Вместо матери» («Молодая гвардия», 1928); «Внук золотого короля» («Молодая гвардия», 1928) и др. Впрочем, надо думать, привлек автора своей довольно скандальной фамилией. Соблазнительный генитальный мотив тут мы не рассматриваем. Желающие пусть проанализируют две фамилии – «За-Эфрат-ский» и «За-Яиц-кий»… И что здесь, спрашивается, Эфрат, и где Тигр? То-то и оно!

[33] Владимир Токмаков, лидер ЭРЫ и литературный противник В.Десятова, М.Гундарина и И.Обмокни. Ныне – член Союза Российских писателей, автор нескольких романов и поэтических сборников, член Литбюро «Ликбеза»

[34] Так никто и не догадался до сих пор!

[35] Абсурдное сочетание двух отправных фигур – члена ЭРЫ Игоря Копылова и филолога Олега Ковалева. Ныне первый – православный священник в Казахстане, второй – преподаватель АлтГУ.

[36] Вот истинный топ романов, любимых Пуэтиным! От смущения слегка изменен… Думаю, читатель и так понял, каким образом.

[37] Пауль Госсен, автор комических стихов и большой шалун! Ныне живет в Германии, пишет фантастические рассказы.

[38] Невинные времена, когда П.П.Пазолини и Д.Маковеев считались режиссерами-порнографами! Причем - понаслышке. Причем – большая часть населения Города о таковых не слышала вовсе… Другое дело, что хватало уже и настоящей порнографии – см. примечание 39. Но герои рассказа относятся к той категории, на которую искусство плюс порно действует куда забористее, чем порно par exellanse.

[39] Еще одна примета времени – обилие видеосалонов, где чего только не показывали. П.Госсен с участниками ГРИАДКИ не раз устраивали коллективные просмотры (особенно отличался салон в ДК канифольного завода, где показывали ТАКОЕ!).

[40] См. примечание 19.

[41] Это тогда-то вялая! Что же сейчас? Эх….

[42] Соединены Виталий Коньшин и Леонид Ревякин, поэты и организаторы выпуска серии поэтических сборников «Город» (ср. с Городом «Муравейника»). Ныне Ревякин занимается бизнесом, от литературы отошел, а Коньшин по-прежнему занят продюссированием культурных проектов.

[43] Увы, отдельное издание прозы (как и стихов) В.Десятова так и не осуществлено! А жаль.

[44] Очередная реализация мотива литературных и жизненных топ-листов. А на самом деле – *вех.*

[45] Известная поэма В.Хлебникова здесь контаминирована с Лаурой «Муравейника» (тот же инициал, а также с молитвой, читаемой героями романа «Огненный ангел» В.Брюсова при занятиях чернокнижием.

[46] П.О.Назон (пуазон? Т.е., яд по-французски) «Любовные элегии», книга первая..

[47] Таким образом, Пуэтин становится героем написанного и изданного им романа – популярный в то время мотив (ср. «Труды и дни Свистонова» К.Вагинова). См. также примечание 50.

[48] Многие в то время ожидали контр-перестройки. Не сбылось – то ли к добру, то ли к худу, Бог весть.

[49] Отличный вариант названия современников наступающего десятилетия! Ср. также с фамилией автора.

[50] Вот такая глобальная неудача, венчающая цепь неудач героя более мелких. И выводящая его за пределы собственных произведений (где все кончается по-другому) в *настоящую жизнь*. Закономернейший финал!

Консервант ПОРОГОВ ►

▼ Комментарий 2010 года

A Рассказ был написан в 1991 году, закончен в мае. Был известен многим героям (см.ниже) в рукописи, впервые опубликован в пятом номере «Ликбеза» летом 1992 года, затем с комментарием (далее «К-2007») в 2007 году на сайте «Ликбеза». Название рассказа отсылает как к образу Города (см. «К-2007»), так и к более сущностным вещам. Например, философской концепции Л.Н.Толстого (ср. его концепцию «муравейного братства», якобы разрабатываемого с самого детства, когда «брат Николенька придумал игру в мир, в котором не будет никаких неприятностей, никто ни кого не будет сердиться, и все будут любить друг друга. Все станут муравейными братьями. Слово «муравейные» нравилось особо. Назвал брат и условия приема в муравейное братство: во-первых, не думать о белом медведе; во-вторых, пройти, не оступившись, по щелке между половицами; в-третьих, в продолжение года не видеть зайца — ни живого, ни мертвого, ни жареного на столе». Мы увидим, как в рассказе появляются мотивы братства (Б), медведя (М), пола (П) и зайца (З). Ср. также стихотворение М.Гундарина, посвященное В.Десятову и синхронное написанию рассказа, где герои перемещаются «В муравейные палаты, в заградительный отряд, всех, ни в чем не виноватых и казнимых наугад»

B Возможно, аллюзия на роман М.Твена «Приключения Тома Сойера» – ср. его описание юношеских затей: Том и Гек «опять принялись за игры, болтая наперебой об удивительной выдумке Тома и восторгаясь его изобретательностью. После роскошного обеда из яичницы и рыбы Том объявил, что он, пожалуй, поучился бы курить. И Джо воспламенился этой мыслью». В рассказе же речь идет об игре природы. Здесь вообще задается главная мысль Десятова: противостояние природного и цивилизационного. В пользу первого – продолжая идеи Толстого - несомненно.

C А вот он и заяц! Ибо Витгенштейн, справедливо упомянутый в «К-2007», тут лишь ширма. Речь идет о его знаменитом примере с фигурой, одновременно изображающей зайца и утку и теорией восприятия, разворачиваемой на этом примере. См. об этом: Сокулер З.А. Проблема обоснования знания (Гносеологические концепции Л.Витгенштейна и К.Поппера). М., 1988. С.17-29. Сокулер отмечает, что витгенштейновский» «Уткозаяц в точности повторяет двойственную ситуацию с купелью-корытом (pila) из сцены бдения над оружием в «Дон Кихоте» (отсюда и Сервантес в тексте рассказа – но не только отсюда!).

D Мотив П налицо! Он реализуется в связке Ницще-Веников-Х.Эллис (см.ниже).

E Этот диалог живо напоминает по структуре воображаемую беседу Ф.Годунова-Чердынцева и Кончеева о литературе. Например, «А как вы насчет ямба Некрасова - нету на него позыва?" "Как же. Давайте-ка мне это рыданьице в голосе» («Дар», глава первая).

F Мотив Б – истинного, в отличии от попутчика и подражателя Веникова.

G В трех предложениях подряд назойливое использование сочетания «Пол» (политический, полтора, пользования). Это тот самый роковой пол (П), о котором герои, увы, не могут не думать.

H Ответ на самом деле очень прост – ведь Сервантес родился в год Белого Медведя! Уж не говоря о том, что имя его читателя «Микки» - уменьшительное от «Майкла», Михаила, что отсылает не только к прототипу (см.»К-2007»), но и к медведю.

I Нагляднейшим образом демонстрируется мотив П. Ибо Хавелок Эллис – известнейший врач-сексолог начала XX века, новатор в вопросах пола (!), автор концепции ауэтоэротизма – что для героя-нарцисса тоже имеет значение. Герое НЕ МОЖЕТ НЕ ДУМАТЬ об этом персонаже-воплощенном П. Оттого тот так часто и появляется в рассказе.

J По Далю, притин - место, к чему что приурочено, привязано; предел движенья или точка стоянья чего.

K Коллонтай (известной воительницей за свободу пола) венчается этот бесподобный пассаж, проникнутый мотивом П.

L Малоудачный каламбур насчет «коммунистов» («комми» - а-ля ку-клус-клан) и Республики Коми на самом деле скрывает важнейшую мысль о «МЕДВЕЖЬЕМ углу». Так замыкается поло-зайе-медвежья триада. Автором не дано своим героям муравейного. Что ж, по заслугам! Ведь они так и не вырвались из мелких цивилизационных игр на простор Большой Игры – сиречь Природы.

НАШИ АВТОРЫ

► Алексей БОРОВЕЦ

Родился в Барнауле в НОРМАЛЬНОЙ семье. Своё детство Алексей провёл в добровольном затворничестве, занимаясь изготовлением бумажных аналогов компьютерных игр, китайских пластмассовых игрушек (трансформеров, динозавров и прочих) и рисованием комиксов. Дело в том, что готовые игрушки и сюжеты всегда чем-то не устраивали Алексея, постоянно чего-то не хватало. К 15 годам через сочинение песен, Алексей приходит к сочинению стихов, пытаясь утолить в них жажду слов, понятных и близких ему самому (так как во внешнем мире таких находилось немного, как и в детстве не находилось удовлетворительных игрушек и комиксов). Не ограничиваясь, однако, самоудовлетворением, автор постоянно навязывает своё творчество окружающим, поднимаясь таким образом до эксгибиционизма. Так Алексей транслирует свой опыт и мысли во внешний мир, возможно, чтобы просто показать, что «иногда так бывает», лишь изредка проводя в стихах и песнях конкретные идеи (всё же Алексей не философ). Поэтом он тоже себя не называет, скорее из стеснения или непривычки, чем сознательно. Да и к чему звание поэта дилетанту? За новым опытом и новыми мыслями летом 2010 Алексей переезжает в Москву, где живёт, играет и пишет по сей день.

► Екатерина ВИХРЕВА (ПАВЛОВА)

Закончила отделение связей с общественностью Алтайского госуниверситета, сейчас живет и работает в Новосибирске. Пишет стихи и прозу. Помимо «Ликбеза», публиковалась в журналах «Встреча», «День и Ночь».

► Елена ВАГНЕР

Было: Алтай, филология, Пушкинская премия, «Дороги любви»…

Есть: Москва, Международный Открытый Йога университет, поэзия, путешествия…

Будет: Всё хорошо!

Учителя, вдохновители, и люди, которых хочется благодарить: Милорад Павич, Наталья Торова, Елена Канина, Андрей Паутов, Виктория Бегунова, Вадим Запорожцев, Рами Блект, Олег Гадецкий…

► Артур ВАФИН

Окончил Пермский государственный университет. Политолог. Сфера интересов: политические мифы, идеологии и реклама. Редактор медиа-альманаха «УМНОЖЕНИЕ»

► Александра ВАЙС (ЕГОРОВА)

Я родилась 28 сентября, 1989 года, в городе Берлине и прожила там чуть меньше четырёх лет. 1993 году мама вместе с моей старшей сестрой Еленой и со мной перебралась в Барнаул. Этот переезд положил начало всей моей последующей кочевой жизни: я путешествовала автостопом по Евросоюзу (Германия, Голландия, Франция) и, собственно, по России. С 2003 года работала певицей в нескольких местах, для чего проворачивала махинации с документами (добавляя себе необходимые годы). В то же время появился псевдоним «Вайс». Успела поработать также официантом, уборщицей, манекенщицей и танцовщицей.

Стихи начала писать, познакомившись с Еленой Бурмейстер и попав в её студию в возрасте 13 – 14 лет. Большое место в моей жизни занимает профессиональный спорт – в 2005 году я взяла «кубок Сибири» по русскому рукопашному бою. Сейчас я пишу не только стихи, но и песни, и не отношу себя к какому-либо течению. Стихи публиковались ранее в журналах «Барнаул», «День и Ночь» и др. Лауреат всероссийского литературного конкурса "Кипарисовый ларец".

► Виктор ВЕДЯШКИН

Родился в 1981 году в г. Славгороде. Не по своей воле детство провел в селе со смешным названием Курочкино. Окончил с серебряной медалью лицей при АлтГУ. Затем, уже скромнее, окончил педиатрический факультет АГМУ. В детском психоневрологическом диспансере заведую подростковой службой. Особое внимание уделяю девиантному поведению несовершеннолетних. Пока не женился, был холост. Хобби: преподавание географии.

► Михаил ГУНДАРИН

Родился в г.Дзержинске Горьковской обл. На Алтае живет с 6 лет. В 1991 г. закончил факультет журналистики МГУ. С этого же года по сей день – преподаватель АлтГУ. Кандидат философских наук, автор ряда работ по связям с общественностью и теории коммуникации, удостоенных профессиональных наград. Преподавательскую деятельность активно сочетает с работой в средствах массовой информации. Автор нескольких книг стихов (первая, "Календарные песни", вышла в 1994 году, последняя на сегодня "Горячо : бесполезно" - в 2008-м). Автор нескольких повестей и романов, пьес. Занимается литературной критикой. Отмечен несколькими наградами литературных фестивалей и конкурсов. Член союза российских писателей. Входит в редколлегию журнала "День и Ночь" (г. Красноярск). Член литбюро "Ликбеза" и постоянный автор журнала с 1992 года.

Для характеристики творчества М.В.Гундарина процитируем абзац из спорной, впрочем, работы «Вулканизация. Пятнадцать литературных портретов» Н.Недыбай-Дыбайлы: «*Студенчество и юность творца «Календарных песен», пришедшиеся на крайне знаменательный период, ограниченный датами 1985-1991, во многом заложили основу художественного мировоззрения Гундарина, оставшегося «восьмидесятником», со всеми вытекающими из этого последствиями и характерными чертами - вниманием к социальному бытию человека, умеренным оптимизмом, утопическим стремлением к гармоническому сочетанию рационального и иррационального начал*».

► Елена ГЕШЕЛИНА

Я родилась в Барнауле 4 августа 1983 года. Мое детство нельзя назвать счастливым – я часто болела, и по этой причине не общалась с другими детьми, не ходила в детский сад и была предоставлена самой себе. Придумывала игры сама, разыгрывала целые спектакли по мотивам известных мне фильмов и книг (читать я научилась очень рано). Потом стала придумывать истории сама. Конечно, это не была литература, ни в коем случае. Читать вначале не любила, потом полюбила. Книг дома было много, и я уже в начальной школе добралась-таки до взрослых книг. Поэзию я открыла для себя в третьем, кажется, классе. Но мой творческий путь начался все-таки не с литературы.

Я выросла на западной рок-музыке 60-70-х годов (русский рок открыла для себя позже). Однако просто слушать песни мне было неинтересно. Хотелось почувствовать вкус эпохи. Отсюда – увлечение литературой «разбитого поколения», прежде всего, Керуаком и Гинзбергом. Последний оказал большое влияние на мои стихи. Первое стихотворение написала поздно – в 19 лет. Это было даже не стихотворение, а поэма – романтико-героическая. Позже пробовала себя в разных стилях и жанрах, пришла, наконец, к верлибру. Думаю, не останавливаться на этом.

► Константин ГРИШИН

У меня нет воспоминаний и образного мышления. Перечислю важное для читателя: родился в Мамонтово 17 марта 1986 года, в 2003-2004 жил в Новосибирске: бездельничал в общежитии гуманитарного факультета и ФЖ. В 2004-2010 – студент АлтГУ, филолог. Считаю, что писателя делает чтение. Люблю русских критиков XIX века – добродушного Писарева, злющего Михайловского. По характеру – бука и забавник.

► Руслан ДОЛЖЕНКО

А мине сказали чта нужна расказать а жизни сваей типа как я радился. Нармальна я радился, как фсе. В детсте йа любил расказыать сказки всем-всем, гаварил, чта буду писатителем. В настоящее время у меня напечатано 4 ВАКовских статьи, ещё 4 находятся на согласовании. В результате длительных раздумий над темой докторской диссертации йа решил тагда паймать ее в падъезде и пацелавать, а ана как даст мне между ног, у миня аж все атшибло. А патом она все равно миня поцеловала в падъезде, другом правда, не том. А еще я сибе вышыл звидзу на футболке, так как я хател всегда быть хероем. Тактика моей игры во вторых героев отличалась непостоянством, нет, конечно же, я предпочитал играть Визардом. Тут главное вовремя насобирать 20 джемзов и к концу второй недели можно строить замок в небесах, абгрейдить йетунов до титанов и обязательно развивать героя-рыцаря с умением арчери, оно добавляет 30 процентов урона стреляющим существам, а с учетом этого бонуса, титан становился по атакующим показателям сильнее черного дракона у Варлока. Йа любил сказки пра калдунов, ептить, шоб молнии были и били, шоб принсессу зладеюка забирала, а я прынц ее спасал. А за эта она мне расказывает всигда, что кодоны РНК способны перестраиваться под воздействием окружающих условий и синтезировать белок, не предусмотренный соответствующей цепочкой дезоксирибонуклеиновой кислоты. Мне приходится читать лекции по таким предметам как социальное партнёрство, мотивационные модели в управлении, инновационный менеджмент. Мая жина-прынцеса па начам миня старожит и мине саветы даёт полезные на разные случяи жизьни. Тренинги по личностному росту требуют от преподавателя значительного опыта борьбы с возражениями, особенно в условиях активной групповой динамики. Мой психоаналитик говорит, что у меня ярко выражены шизоидные черты личности, и что я графоман. А йя гаварю ему шта у ниго анальная фиксация.

► Ихтиандр ОБМОКНИ

Литератор всех жанров, мыслитель-интеллектуал. В быту - умеренный мегаломаньяк.

Родился в семье алтайских гугенотов-фанатиков. До 12 лет издавал религиозную семейную газету "Теократ". В 15 лет уходит скитаться по прибрежным городам и весям Горного Алтая. В пос. Артыбаш в мае 1983 года испытал философский транс с участием ряда философов экваториальной школы, и, как показывал затем на выездном заседании товарищеского суда: "думал, что исполняю волю Амон-Ра, но, может быть, я ошибся". Позже стоял у истоков скандально известной антигуронской декларации (первого, несмягченного варианта). В 1992 г. подписывает знаменитое открытое письмо рубцовских харизматиков к Джеймсу Кэмерону" с призывом отказаться от всех своих настоящих и последующих Оскаров, чтобы "не позориться". В июле 1996 г. разработал оригинальную методику обнаружения аффективных маттоидов в барнаульском отделении Союза писателей. С 1997 по 1999 гг. по заказу правительства Швеции работал над программой усиления системы дарвинского полового отбора среди норвежских гомункулусов. Из личной жизни И.Обмокни, известной больше по разного рода сплетням и апокрифам, мы отметим его платонический роман с Н.Николенковой.

► Вячеслав КОРНЕВ

Отец-основатель и Главный Редактор «ЛИКБЕЗа»
Родился 2-го июня 68-го в Барнауле в результате случайной локализации мировой пассионарной энергии. В детстве был впечатлительным и книжным мальчиком, после службы в рядах СА неожиданно стал волевой и цельной натурой, в период учебы и затем работы в Алтайском гос. университете превратился в гуманистически ориентированного мизантропа. Поворотным фактом биографии стало прочтение книги В.С.Соловьева «Оправдание добра» на 1-м курсе исторического факультета АГУ, а также знакомство, быстро переросшее в дружбу, с Сергеем Липовым, Сергеем Лёвиным, Игорем Копыловым, Владимиром Токмаковым, Михаилом Гундариным. Всё это в совокупности привело к основанию в 1989 г. (вместе с С.Ю.Липовым и С.Ю.Лёвиным) литературного альманаха «Ликбез» и последующей бессменной деятельности у его кормила.

► ИЛЬЯ КРИШТУЛ

Родился далеко от Алтая, в городе Москве, где и живу. Женат, воспитываю дочь и жену. Сын уже не слушает. Работал в кино, был бизнесменом, сейчас - тунеядец.

► Иван КУДРЯШОВ

Рассказ автора о себе – дело почище, чем игры с полиграфом. Но как увлекает! Поэтому предоставлю чуть больше чем несколько слов о себе. Начало будет тривиальным. Я повторяюсь, и значит, существую.

Меня иногда спрашивают: А как вообще читать твои тексты? Отвечаю: Внимательно.

Полагаю, ничего большего мои тексты и не требуют.

Из анкетных данных оставлю только две: родился в лето 1983 года, женат.

В «молодых и талантливых» себя давно не числю. Есть и моложе. Так что: талант, только талант. И, кстати, «подающим надежды» меня, слава богу, перестали называть. Значит, надежды эти я-таки окончательно кому-то подал. Мое литературное существование теперь вполне может быть названо «без-надежным». Но крахнутые надежды – хороший повод предъявить себе счет за свет разума, финансовую состоятельность и онтологическую соразмерность.

Писать я начал стихийно, и этому казусу уже минуло 10 лет. Пишу, потому что процесс этот по своей принудительности едва ли не физиологичный: пишу, когда не могу не реагировать. Иными словами, я просто реагирую, хотя в этом «просто» как в больших круглых скобках заключена самая значимая часть моей жизни.

И напоследок слова без иронии (черт возьми, неужели я на это еще способен): я искренне рад каждому своему читателю, даже не зная его.

Надеюсь, чтение доставит вам удовольствие. И сим наглым заявлением я окончу.

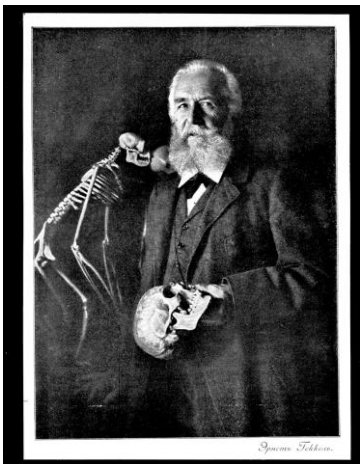
► Дмитрий МУХАЧЁВ

Родился в 1985 году, в поселке Южном Алтайского края. Окончил филфак АлтГУ. Свято верит в то, что Мандельштам жив, в то, что Herman's Hermits талантливее Beatles и в подземные синагоги под каждым Макдональдсом. Живет в Москве и Барнауле.

► Наталья НИКОЛЕНКОВА

Родилась в Барнауле, училась на филфаке АлтГУ. Поэт. По мнению многих критиков, достойна звания "лучшая по профессии" в нашем регионе. Активно публиковалась в краевой периодике, а также за пределами края, в том числе в центральных изданиях. Имеет много разнообразных поэтических регалий (в том числе Демидовскую премию за 1997 год). Автор поэтических книжек "Чтобы встретиться" (1986), "Девятое марта" (1995), "Карманная психиатрия" (2001), "Малютка жизнь" (2010).

Вот что пишет о Николенковой Н.Недыбай-Дыбайло в своей работе "Вулканизация. Пятнадцать литературных портретов": "*Ее умение смягчать, обволакивать, приближать к глазам разные разности, недостойные этого, поистине впечатляет. Данный дар, может быть, главный в творчестве Николенковой, роднит ее с Николаем Некрасовым и Михаилом Кузминым. Найдется немало тех, кто скажет, что Николенкова еще круче, - и я не найдусь, что возразить*".



► Консервант ПОРОГОВ

“Было время, когда и меня волновали, до замирания сердца, слова “свобода”, “демократия”, “равенство”, “прогресс”. Теперь я удивляюсь, как могли совмещаться тогда в неопытной душе моей самые несовместимые вкусы и мнения. Удивляюсь себе, но зато понимаю иногда очень хорошо и нынешних запутанных и сбитых с толку молодых людей. И одних ли молодых только? Разве у нас мало и старых глупцов? До этих людей и теперь не дошло многое из того, что волновало, а затем раздражало меня лет 20-25 назад... Прогресс, например. Какой именно прогресс? Разве я понимал тогда какой? Прогресс, образованность, наука, равенство, свобода. Мне казалось в свое время все это очень ясным; я даже думал, что все это одно и то же. Кто знает, сколько еще времени пройдет, прежде чем общество придет (обязательно придет) к необходимости преднамеренно ограничивать развитие знания, убедится в разрушительности демократизации, накопит горький опыт злоупотребления техникой, и усвоит те несложные истины, о справедливости которых я говорю неустанно. Например, в том, что электричество, атом, телевидение, компьютеры усиливают мировое смешение культур и народов, становятся орудиями кровавых насильственных переворотов, а в перспективе приведут и к физическим катастрофам”..

► Ксения ПОДМАРЬКОВА

Родилась в 1987 году в Павловске Алтайского края. Нигде кроме "Ликбеза" не печаталась, лауреатом не была, регалий не имеет. Сфера интересов настолько обширна, что можно сказать их и нет вовсе. Самозабвенно верит, что именно она стала прототипом главного героя мультфильма "Сказка сказок", приснившись режиссеру Ю. Норштейну в начале 70-х годов.

► Александр РОМАНЦОВ

Родился 11 сентября 1984 в городе Рубцовске в семье своих родителей. Как положено начинающему человеку, отбыл срок в детском саду и средней школе. Окончил местный педагогический колледж. Видел цветные сны.
В 2004 приехал в город Барнаул. Поступил в БГПУ, обучение в котором в 2007 успешно забросил, лишив себя как постоянного занятия, так и постоянного места жительства. Любил немногих, однако сильно. Был грузчиком, сторожем, почтальоном, вожатым, охранником. Остался человеком.
Писать начал с пяти лет. Писать стихи – гораздо позже.
Любит мороженое.
Ныне живет и здравствует. Видит цветные сны.
Не привлекался. Холост.

► Нина САДУР

Прозаик, драматург, сценарист. Родилась в семье поэта Николая Перевалова, мать была учительницей русского языка и литературы в вечерней школе.
Писать начала с конца 1970-х годов, печататься стала с 1977 года — первая ее публикация состоялась в журнале «Сибирские огни». В 1983 году окончила Литературный институт им. А.М. Горького, где занималась в семинаре В. Розова и И. Вишневской.
В начале своей творческой карьеры, чтобы заработать на жизнь ей пришлось устроиться в один из столичных театров мыть полы.
С 1989 член Союза писателей СССР
Для пьес Нины Садур характерно весьма реалистичное начало и дальнейшая абсурдизация и мистификация сюжета. Среди самых известных работ — «Чудная баба» (1981), «Уличенная ласточка» (1981), «Группа товарищей» (1982) и многие другие.

► Лилия СЕРЕДИНСКАЯ

О Лильке надо бы писать стихами. Но чего-то духу не хватает. В смысле я в себе не уверен. Так что – увы, прозаически. Итак, Лилька… Она выглядит как человек очень открытый и веселый. Вероятно, именно потому её так трудно узнать как следует. Вы можете знать её много лет и при этом так и не понять самого главного – насколько она изящна, как в смысле чувств, так и в плане мысли. Она будет рядом с вами колбаситься, ржать, бухать, придумывать всякие прикольные штуки и отвязно изъясняться. Но вы никогда не увидите, как она грустит или как плачет. Никогда не узнаете что ей больно. Я не стану говорить почему. У кого есть сердце, тот поймет все сам. Но вы можете очень хорошо её узнать, причем сразу. Можно просто почитать её стихи. Наверное, именно поэтому она их почти никому не показывала. И поэтому, уж точно, своё «об авторе» пишет не она сама, а пишу я. Но и это не главное в её стихах. Читайте сами.

(Денис Греков)

► Василий СЫРОЕЖКИН

Родился 5 марта 1981 года в городе Барнауле. В возрасте семи лет был вывезен родителями за его пределы. Большую часть своей сознательной жизни Василий провел в районном центре Троицкое. Здесь он познакомился с ребятами, которые научили его воровать, пить водку, крепкий самогон и принимать легкие наркотики. Это не могло в последствие не сказаться на творчестве этого замечательного самобытного автора! Невероятными усилиями воли, вырвавшись из порочного круга, Вася с трудом (и справкой из психиатрической лечебницы) закончил школу.
В 2000-ом году, Василий Александрович, чтобы досадить окружающим начал писать стихи. Одно из первых его стихотворений с названием «Я и мой коклюш» было по достоинству оценено его собутыльниками и сослуживцами. Все последующие творения, типа «Слезла кожа с кишок» или «Враг у ворот изворотлив» оценены не были. Но это уже не могло остановить хлеставший из всех кратеров души талант Василия! И вот он, во второй раз уволившись из замечательной газеты «На земле Троицкой», решает стать тунеядцем, пронырой и поэтом! Но слабость характера и подорванная за годы безделий психика не способствуют его взгромождению на поэтический олимп. Тогда он смело решает пуститься во все тяжкие и поступает в 2005-ом году в АлтГу на специальность «Философия».
Из интересных биографических фактов Василия можно отметить активное участие в НБП, музыкальную деятельность: участие в рок-группах «ОБЖ», «Госпиталь имени Бога», «Уровень культуры», «Бомбоубежище», «Кит и Шашлыки», получение краевой награды, за «Лучший районный молодежный выпуск», участие в паре-тройке

поэтических сборников, третье-почетное место в «Поэтическом дебюте 2006», официальную смену фамилии с «Сыроежкин» на «Морг».

► Владимир ТОКМАКОВ

Владимир Токмаков родился в Барнауле. После окончания средней школы в 1986—1988 годах служил в пограничных войсках на острове Кунашир, был военкором в газете «Пограничник на Тихом океане». В 1994 году Владимир окончил факультет филологии и журналистики Алтайского государственного университета и начал работать корреспондентом газеты «Вечерний Барнаул». С 1998 года работает обозревателем газеты «Алтайская правда», в 2007—2009 годах был старшим корреспондентом «Российской газеты». С 2009 года Токмаков ведёт программу «Печатный формат» на телеканале «Катунь 24».
Первая поэтическая публикация — в 1988 году в газете «Молодёжь Алтая». В том же году с молодыми барнаульскими поэтами Токмаков создает неформальное литературное объединение ЭРА (Эпицентр Российского Авангардизма). Публиковался в журналах «Ликбез», «Алтай», «Барнаул», «Наш современник», «День и ночь», «Новая Юность», «Арион», «Сибирские Афины», «Верхняя зона», «Автограф» и др., в антологиях и коллективных сборниках Барнаула, городов Сибири и Урала. Член Союза журналистов России с 2000 года, и член Союза российских писателей с 2004 года.
Автор шести сборников стихов: «Аромат девушки за каменной стеной» (1995), «Двойное дно» (1997), «Гадание на веревке повешенного» (1997), «Боязнь темноты» (1999), «Без лишних слов» (2003), «Вольный стрелок» (2008), и двух книг прозы «Детдом для престарелых убийц» (2001), «Настоящее длится девять секунд» (2005).

► Лев Николаевич ТОЛСТОЙ

Граф. Великий русский писатель и философ. Большую часть жизни провел в своём поместье Ясная Поляна. Учился в Казанском университете, служил в армии на Кавказе. В 1854-55 гг. Участвовал в обороне Севастополя. В 1859 г. организовал собственную школу в Ясной поляне, издавал педагогический журнал. Написал 22 тома литературных, публицистических и мемуарных произведений. Постоянный автор “ЛИКБЕЗа”, начиная с 4-го номера. Помимо главного произведения русской и мировой литературы (см.: печатный “ЛИКБЕЗ”, № 4-7, 10-16, электронный “Ликбез“; 4-68), здесь были опубликованы басни и рассказы (“ЛИКБЕЗ”, № 5), а также программная статья “Что такое искусство?” (в сокращении, см.: “ЛИКБЕЗ”, № 6). Что касается романа “Война и мир”, то редакция нашего альманаха планирует закончить публикацию первой части первого тома этого великого произведения к тысячелетию со дня рождения автора - 28 августа 2828 года.

► Павел ФИЛИППОВ

Независимый консультант по редким изданиям.
Родился на Украине в 1960 году. В 1984 году закончил факультет иностранных языков БГПИ (ныне ЛИИН). 1984 – 1992 – преподаватель английского языка, переводчик
Один из основателей группы «The Dominass Band», в которую входили также Александр Быков, Игорь Хайтман, Иван Звягин, Андрей Шукшин (1987 - 1991).
Сотрудник телекомпании АТН, основатель Тон-студии. (1993 – 1995 и 2001-2004). Один из основателей Продюсерского центра «Круг». Наиболее известное предприятие «Круга» - знакомство Алтайского края с фильмом «Ермак» и его создателями.
Один из организаторов производства рекламы на «Радио Европа Плюс Барнаул».
В 2005 – 2006 годах изучал арабский мир.
С 2009 года живет в Москве и занимается редкими подарочными изданиями.
В творческое портфолио входят более ста пятидесяти авторских произведений в области музыкальной композиции, рекламные радиоролики, литературные эссе, рекламные фильмы.
Авторский псевдоним Paul Phil (Пол Фил), и-нет ник - Interpaul Philippov (Интерпол Филиппов).